

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс–диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний
(в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес–тренеров**

**По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты
государственного образца**

тел.:(495) 683–59–30
E-mail vsph@psychol.ras.ru
www.vsph.ru

ТЕМА НОМЕРА: психология социальных явлений и качество жизни

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

А. В. Датий,
доктор медицинских наук

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

преступление

наказание

исправление

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 года №899 определен список приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, среди которых — безопасность и противодействие терроризму и науки о жизни.

Целью государственной политики должно быть счастье людей. Что же это такое для русских людей? Как повысить уровень субъективного качества жизни? Как уменьшить влияние негативных социальных явлений на психологическое здоровье наших соотечественников? Как использовать опыт других стран, чтобы «не наступать на те же грабли»?

Чтобы разобраться в этих и многих других волнующих нас всех вопросах, мы открываем новую рубрику «Психология социальных явлений и качество жизни».

Приглашаем всех желающих к дискуссии по данной проблематике.

*Ректор Высшей школы
психологии Института
кандидат психологических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
лаборатории познавательных процессов
и математической психологии
Института психологии
Российской академии наук
Т. Н. Савченко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**медицинская
психология
в юридической
деятельности**

научная жизнь

**психология
социальных явлений
и качество жизни**

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

до **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Правовая коммуникация с позиций дискурсивной психологии. Андрианов М. С.	8
Доверие: новые перспективы мультидисциплинарных исследований. Заварцева М. М.	14
Эмоциональная саморегуляция и личностные факторы стрессоустойчивости. Александрова Н. П., Богданов Е. Н.	22
Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы. Сочивко Д. В., Бурцев А. О.	30
Прикладные и экспериментальные исследования	
О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях. Киселев А. М.	42
Особенности индивидуальных моделей здоровья подростков, склонных к асоциальному поведению. Яковлева Н. В.	46
Особенности морально-правовых представлений осужденных. Сучкова Е. Л.	55
Содержание социально-правовых ожиданий несовершеннолетних с различными типами правосознания. Схопчик О. Э.	62
Психопрактики	
Подходы к преодолению внутриличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел. Мальцева Т. В.	72
Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий. Сухова Е. В.	76
В помощь руководителю	
Модель самореализации личности с ограниченными возможностями здоровья. Галушкин П. А.	84
Некоторые проблемные вопросы отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (уголовно-правовой аспект). Гамидов Д. В.	92
В помощь исследователю-практику	
Преступник: поведение и личность (заметки следователя). Плоткин Д. М.	96
Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.). Датий А. В.	100
Открытые условия отбывания наказания в виде лишения свободы в рамках реформирования института проживания осужденных за пределами исправительного учреждения. Горбань Д. В.	108
Медицинская психология в юридической деятельности	
Медицинская психология в юридической деятельности. Кузнецова А. С., Полянин Н. А.	111
Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях. Воронин Р. М.	112

Научная жизнь

Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии.

Щелкушкина Е. А.

118

Выпуск журнала «Пенитенциарная система: наука и практика». **Селиванов Б. С.**

119

Журнал «Здравоохранение: образование, наука и практика». **Шаталов Ю. Н.**

121

Поздравляем с 75-летием Бовина Бориса Георгиевича!

123

Психология социальных явлений и качество жизни

Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиль. **Соснин В. А.**

125

Dura lex sed lex

Позитивная уголовная ответственность и проблемы ее реализации.

Темирханов М. А.

140

Разграничение уголовно наказуемого хулиганства и экстремизма. **Кемова Н. Н.**

145

«Травматика»: оружие защиты или нападения. **Акимочкин В. И., Неверова Е. Е.**

149

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. С. Андрианов

Аннотация: в статье анализируется актуальный запрос практики к изучению повседневного общения людей в сфере права и правовых отношений для решения острых проблем современной российской социально-правовой действительности; дается определение правовой коммуникации, включая его расширенное толкование, и обосновывается новый подход к исследованию проблемы с позиций дискурсивной психологии.

Ключевые слова: правосознание, речевая деятельность, правовая коммуникация, дискурс, правовая дискурсивная практика, дискурсивная психология.

Summary: the article analyzes the current request practices to the study of everyday people in the sphere of law and legal relations for solving urgent problems of the modern Russian socio-legal reality; gives a definition of the legal communication, including its broader interpretation, and the new approach to the study of problems from the viewpoint of discursive psychology.

Keywords: consciousness, speech activity, legal communication, discourse, legal discursive practice, discursive psychology.

Среди большого числа насущных и разнообразных задач, стоящих сегодня перед Российским государством и обществом, есть одна, без решения которой эффективное и успешное осуществление всех социально-политических и социально-экономических планов как в краткосрочной, так и в стратегической

перспективе невозможно. Это создание и развитие такой правовой среды в обществе, в которой высокий уровень правосознания и правовой культуры был бы главенствующим началом, получал максимальную целостность и глубину выражения.

Современное состояние массового сознания российских граждан характеризуется сложным переплетением тенденций позитивного и негативного отношения к праву. С одной стороны, многими признаются важность и необходимость правового регулирования, высокое назначение закона в обеспечении порядка, охраны прав, интересов и безопасности граждан, а с другой — распространены представления о девальвации закона, умаление его роли, неверие в правовую систему и юридические гарантии. Именно внутренняя противоречивость, существование противоположных тенденций в сознании людей и дезинтеграция ценностной структуры в обществе стали главными причинами правового нигилизма [7]. При этом значительная часть населения имеет довольно смутные правовые представления, размытые правовые знания и ценностные установки, а личная ответственность за должное исполнение правовых норм, соблюдение действующих законов и восстановление нарушенных прав переносится на государство, правоохранительные органы или правозащитников.

В этом контексте очевидно, что укрепление страны и становление правового государства действительно требуют се-

резных перемен, в первую очередь в правовой системе и деятельности правовых институтов, в современном правовом образовании, улучшения нравственной среды, укрепления законности и правопорядка [6, 10]. Кроме того, в обществе должна разворачиваться широкая дискуссия по актуальным правовым темам: каким должно быть право и правовые отношения сегодня, как преодолеть сложившийся кризис в правосознании, как повышать правовую осведомленность населения и искоренять правовой нигилизм в стране. Таким образом, именно проблема правовой коммуникации, в самом широком аспекте этого понятия, выходит на первый план не только для специалистов-практиков, но и для научно-теоретических исследований.

Традиционно правовой коммуникацией обозначается такая коммуникативная форма деятельности, которая всегда связана с общением в сфере права (рассмотрением, разбирательством, обсуждением правовых вопросов: правонарушения, спора о праве, жалобы и т. д.). В первую очередь здесь имеется в виду коммуникация (как в целом, так и в частности) в процессах правотворческой деятельности и толковании норм права, правоотношений, реализации и применения права. Юридическая значимость такой коммуникации состоит в том, что она предусмотрена законом и непременно побуждает к действию все виды и типы речевой деятельности. Например, изучая принятый государством нормативный акт, люди получают информацию о том, какие общественные отношения и как регулируются этим актом, при этом обязательно привлекаются правовые знания, даже если в тек-

сте они не зафиксированы. В итоге человек судит о правовом регулировании соответствующих отношений и, при необходимости, выбирает приемлемую модель поведения. Иногда в правовых текстах (вопреки формальной логике) даже нет объективной констатации фактов. Связь субъекта права с явлениями правовой действительности, а именно его участие, только обозначается или подразумевается: «в текстах законов говорится, что «преступление наказывается», хотя на самом деле наказывается не преступление, а преступник» [2, с. 268]. Часто толкование нормы права, например статьи Уголовного кодекса Российской Федерации не ограничивается исключительно формальным текстом этой статьи. При трактовке нормы права учитываются и существующие комментарии к ее пониманию, которые являются важной частью такой правовой коммуникации.

Однако понятие правовой коммуникации надо определять гораздо шире, включая в него не только язык законов и речевую деятельность специалистов, но и распространение, передачу информации (с учетом особенностей и закономерностей ее восприятия и обработки), а также общение рядовых людей, вступающих в правовые отношения и обсуждающие их, в том числе на бытовом уровне. На важности такой грани правовой коммуникации, как правовое информирование, делается особый упор в Основах государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ в 2011 г. (в частности, пп. V. 16.4; VI. 17.6 указанного документа) [16].

Известно, что введение человека в правовую культуру и ориентирование его в значимой правовой информации достигается в процессе институализированной правовой социализации посредством правового просвещения и формирования определенных правовых знаний, установок, принципов, ценностных ориентаций, обеспечивающих необходимые условия для развития его правосознания, подготовки к жизни и принятым в данном обществе правоотношениям. Но проблема заключается в том, что, как правило, простого информирования о праве недостаточно: важен перевод соответствующих правовых и, в частности, уголовно-правовых терминов на уровень бытовых понятий в единстве их юридического и психологического содержания, а также с учетом взаимосвязи когнитивного и ценностно-смыслового механизмов актуализации понятий о праве [9]. Отсутствие адекватной интерпретации ключевых понятий (вина, мотив, ответственность, умысел, неосторожность, необходимая оборона и др.) может приводить к непониманию людьми, например молодежью [3], различий между преступным и неправомерным поведением, особенно в случаях определенной распространенности в бытовой среде некоторых событий и мелких правонарушений, которые обычно не воспринимаются многими как противозаконные. Именно разрыв между усвоением общих правовых определений и переводом их на язык повседневности представляется одним из серьезных дефектов существующего правового воспитания.

Таким образом, в современных условиях довольно отчетливо оформляется запрос практики к развитию и применению научно-теоретических представле-

ний о правовой коммуникации, в то время как использование этого понятия довольно слабо подкрепляется исследованиями и в отечественной юриспруденции, и в современной юридической психологии в отличие от других отраслей гуманитарного знания. Очевидно, требуется специальная, обобщающая существующие знания, проработка самой предметной области, методологии и критериев изучения правовой коммуникации, которую уместно осуществить с позиций передовых достижений психологической науки, в частности ее относительно новой отрасли — дискурсивной психологии. При этом основные положения современной теории дискурса могли бы многое дать для изучения и понимания различных социально-правовых явлений и феноменов, а трактовка самой правовой коммуникации в качестве определенных правовых дискурсивных практик позволяет по-новому не только освещать, но и решать различные проблемы и задачи социально-правовой действительности.

Понятия «дискурс» и «дискурс-анализ» были введены в оборот в конце XX века в рамках интенсивно развивающегося междисциплинарного подхода к исследованию вербальной коммуникации. Здесь важно понимать, что «дискурс» — это не просто новое, «модное» слово, еще один квазитермин, называющий известные явления и феномены по-новому. Это действительно стройная теория (или даже ряд теорий) на стыке нескольких наук. Основой этого направления является целостный взгляд на текст и его структуру с учетом субъективной ситуации общения. Такой включенный в систему коммуникативных отношений текст был назван дискурсом (от фр. *discourse* — речь, выступление).

В самом широком смысле — это рассуждения людей по поводу какой-либо проблемы либо социального события, обсуждения их или все формы «разговора» и «письма», то есть использование любого текста, устного или письменного.

Главная же суть нового, дискурсивного подхода к изучению общения и коммуникативных процессов заключается в том, что в центре анализа становится не какая-то одна единица речи (слово, предложение и др.) или содержание законченного, вполне определенного высказывания — текста (необязательно только письменного), во главу угла ставится единица более крупная — дискурс, то есть текст в совокупности с многочисленными психологическими, прагматическими, социокультурными факторами, включенными в его создание и понимание [4, с. 57]. Новая коммуникативная парадигма обращается к изучению целостного феномена, в котором связи и отношения между языком, действительностью, говорящим и адресатом сложным образом переплетены. Психолог Н.Д. Павлова, современный исследователь дискурса, отмечает: «Человеческая речь социальна, причем не только в том отношении, что используется язык. Речь включена в социальную практику. Она ориентирована на адресата, предполагает взаимодействие, воздействие, влияние. При изучении в отрыве от общения речь предстает как изолированный процесс, и какова ее действительная роль, фактическое значение для говорящего человека, в таком случае не выясняется» [5, с. 11, 12].

Необходимо отметить, что сегодня понятие «дискурс» исследуется в трех значениях (аспектах): как способ использования языка, то есть как соци-

альная практика; как способ говорения; как разновидность языка в пределах определенной области. Именно последний аспект является ключевым, когда, помимо традиционных для психологии общения вопросов организации речи, структуры диалога, видов производства и анализа текстов и пр., рассматриваются особенности коммуникации в различных сферах действительности и выделяются отдельные, специальные дискурсы: научный, художественный, публицистический, масс-медийный, педагогический, деловой, политический, правовой и другие.

Образовалась даже специальная научная дисциплина — дискурсивная психология [13, 14], обозначающая новый подход к социальной психологии, суть которого — в использовании специального типа дискурсивного анализа для исследования способов формирования и изменения личности человека, его мыслей и эмоций в процессе социального взаимодействия [13, 14, 15]. Такой анализ концентрируется на риторической, а не на лингвистической организации текста и общения. Поднимаются и решаются, главным образом, следующие вопросы: как происходит процесс общения; каковы механизмы возникновения того, что отдельные мнения становятся устойчивыми и распространенными; каковы представления людей о мире и как они разрушаются альтернативными версиями. В итоге представители дискурсивной психологии утверждают, что «наши способы понимания и категоризации мира не универсальны, а условны, то есть зависят от истории и социальных факторов» [11, с. 152].

Именно в коммуникации образы социального мира, основные понятия — ка-

тегии могут наполняться одинаково воспринимаемым содержанием, то есть вырабатываются разделяемые многими системы значений. Но повседневное общение — это не только обмен и обработка информации с привлечением механизмов социального познания и обнаружение значений тех или иных категорий. Каждая коммуникативная ситуация имеет важный психологический аспект — с их помощью люди вступают в социальные отношения (например, стремятся к установлению определенного социального контроля или добиваются социального согласия), а язык и неречевые средства, воплощенные в дискурсе, являются способом влияния на окружающих и социальный мир в целом. И самое главное — посредством общения люди обретают (формируют и отстаивают) определенную собственную идентичность [8].

Все изложенное применимо и к социально-правовой сфере. Социально-правовые представления формируются в повседневной практике и коммуникации и представляют собой популярную версию правовых знаний. Они выполняют функцию идентификатора той или иной социальной общности, то есть участвуют в создании и сохранении определенной социально-правовой идентичности. Известно, что сам по себе юридический язык, да и многие правовые нормы часто довольно сложны для восприятия и понимания рядовому человеку. Не случайно для их адаптации существуют юридические консультации, а в случае судебных разбирательств люди обращаются за помощью к специалистам, например к адвокатам. Однако это не мешает многим иметь обыденные представления о праве и на их основе не только регулировать свое право-

вое поведение, но и выносить суждения по различным социально-правовым явлениям и событиям, то есть разбираться в праве на бытовом уровне. И хотя часто такие представления далеки от точного знания, упрощены, схематичны, обрывочны и поверхностны, возможно, даже искажены, превратно истолкованы, но тем не менее они опираются на здравый смысл, имеют хождение в социуме и позволяют человеку строить непротиворечивый, понятный образ социального мира и приемлемых правоотношений. Таким образом, бытование социально-правовых представлений, мотивирующих то или иное правовое поведение, не только через язык их носителей, а точнее дискурс, выявляется, но в значительной мере благодаря правовым дискурсивным практикам эти представления и формируются.

Сегодня правовые знания, представления о праве и практике его применения стали важнейшими для россиян. В новейшей российской истории жизнь заставила многих людей приобретать правовой опыт и обучаться вопросам правового регулирования. Например, это касается заключения разного рода договоров и контрактов: на работу, на платное лечение и обучение, приобретение недвижимости и т. д. Немало проблем юридического характера возникает и в финансовой сфере: вложение денег, уплата налогов, получение кредитов и др. Расширилась также практика отстаивания своих нарушенных прав в судебном порядке. При этом правовые знания приобретаются людьми не только непосредственно, благодаря полученному опыту, но и при обсуждении вопросов правового регулирования с другими лицами.

Кроме того, посредством именно повседневной правовой коммуникации, и это особенно важно, происходит выработка методов, способов и средств влияния на окружающую социально-правовую реальность, существующие формы и нормы регулирования правоотношений. В частности, это проявляется в формировании общественного мнения по тем или иным правовым вопросам, включая реакцию людей, не удовлетворенных некоторыми аспектами социально-правовой жизни, деятельностью правоохранителей и правовой системы в целом, или в гражданской активности и демонстрируемом многими желанием участвовать в разработке законопроектов через их публичное обсуждение, как это было, к примеру, при принятии законов «О полиции», «О здравоохранении», «О рыболовстве». Очевидно, что возрастающий в обществе потенциал гражданской активности должен быть учтен и конструктивно использован всеми правовыми институтами и учреждениями [1, 12], а роль и значение в этих процессах именно опыта повседневной правовой коммуникации могут быть объяснены только в парадигме дискурсивной психологии.

Итак, изучение правовой коммуникации, особенно в русле дискурсивного подхода (он способен по-новому раскрыть, вдохнуть жизнь в такие классические понятия, как «правовая социализация», «правосознание», «правовое поведение», «правовая культура» и др.), имеет существенные перспективы не только для дальнейшего исследования этого явления, но и для получения ответов на запросы правоприменительной практики, решения многих актуальных проблем современной

русской социально-правовой действительности.

Литература

1. *Бачмага О.П.* Инициативное поведение как способ обеспечения ответственности государства перед личностью // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 8–15.
2. *Лейст О.Э.* Сущность права. — М., 2002.
3. Наркотики в молодежной дискурсе: подход теории социальных представлений / И.Б. Бовина, М.Г. Дебольский [и др.] // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 49–58.
4. *Павлова Н.Д.* Дискурс // Психология общения. Энциклопедический словарь. — М., 2011. — С. 57.
5. *Павлова Н.Д.* Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. — М., 2002. — С. 7–17.
6. *Пастушеня А.Н.* Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 17–25.
7. *Пригожин А.И.* Законность как социальная ценность // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 51–55.
8. *Соснин В.А.* Социокультурная идентичность и глобализация современного мира // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 125–143.
9. *Столярова В.А.* Взаимосвязь когнитивного и ценностно-смыслового механизмов актуализации понятий права у студентов // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 159–164.
10. *Стрижов Е.Ю.* Нравственно-правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 40–55.
11. *Филлипп Л., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ: Теория и метод. — Харьков, 2004.
12. *Холопов В.А.* Психологические аспекты повышения активности населения в условиях реализации реформы местного самоуправления // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 71–77.
13. *Harre R., van Langenhove L.* Positioning Theory. — Oxford, 1999.
14. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and Social Psychology. — L., 1987.
15. *Potter J.* Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction. — L., 1996.
16. Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.kremlin.ru/news/11139> (дата обращения: 04.05.2011).

ДОВЕРИЕ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. М. Заварцева

Аннотация: в статье представлена проблема определения феномена доверия, находящегося в настоящее время в фокусе внимания целого ряда общественных наук, с точки зрения линии исторического развития представлений о доверии в смежных науках.

Ключевые слова: доверие, организационное доверие, межличностное доверие, этика, уровни анализа, теория генерализованного обмена, мультидисциплинарные исследования.

Summary: the article introduces the problem of defining conception of trust, recently being widely used in many social sciences from the historical perspective.

Keywords: trust, organizational trust, interpersonal trust, ethics, levels of analysis, social exchange theory (generalized exchange), multidisciplinary research.

В настоящее время проблема доверия попадает в фокус внимания различных научных дисциплин — политологии, социологии, юриспруденции, экономики, философии, психологии. Востребованность и частое использование этого термина говорят о наличии определенных проблемных областей в различных сферах человеческой деятельности и общественной жизни, для интерпретации и разрешения которых используется понятие доверия. В течение последних двадцати лет оно является одним из наиболее упоминаемых и широко изучаемых понятий в целом ряде социальных и гуманитарных наук. Для примера: 15

336 статей (с использованием термина «trust» в названии) в 1995–2013 гг. по сравнению с 1 141 статьей за 1964–1994 гг., по данным Social Sciences Citation Index (SSCI, индекс цитирования по общественным наукам) в реферативной базе данных Web of Science. Подобную динамику научного интереса сложно назвать случайностью, несмотря на мнение многих исследователей, согласно которому в изучении феномена доверия вопросов пока больше, чем ответов [14].

В частности, одна из главных проблем — определение доверия, или ответ на вопрос «Что такое доверие?». Это неудивительно, учитывая тот факт, что каждый научный подход, каждый прикладной запрос, требующий решения, каждая авторская концепция привносят новое как в понимание, так и в методы анализа этого феномена. На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос, а также возможные направления для будущего изучения кроются в рассмотрении эволюции представлений о доверии как о феномене общественной жизни и отношений между людьми, а также общественного, научного и экономического контекста.

Понятие доверия возникло и долгое время изучалось в русле философской науки, однако если изначально оно выступало в качестве понятия, определяющего объективную регуляцию общественной жизни (например, политические выборы), то впоследствии доверие перешло в категории этики и часто рас-

смаatrивалось в качестве регулятора межличидудуальных отношений. Гораздо позже, в XVI–XVIII вв., доверие в качестве изучаемого феномена перешло в область социологии, которая в то время только начинала зарождаться в качестве самостоятельной научной дисциплины, вместе с появлением трудов Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо и др. Начиная с середины XX в. понятие доверия стало предметом изучения в психологии, изначально в сфере межличностного общения, а затем и в социальной психологии групп, организационной психологии и психологии бизнеса.

Исследование феномена доверия в философии

Довольно трудно выделить исторически самое первое упоминание о доверии, однако известно, что уже в трудах известных философов и мыслителей, написанных до начала нашей эры, оно упоминается: «Кто много обещает, тот не заслуживает доверия... кто не заслуживает доверия, тот не пользуется им» (Дао дэ цзин, IV–III вв. до н. э.). Древнекитайский философ Конфуций (551–479 гг. до н. э.) в «Беседах и суждениях» использует понятие «синь» (которое некоторые исследователи переводят как «доверие»), когда говорит о власти государя и управлении государством — без доверия народа, по его мнению, эффективно управлять государством и соблюдать интересы его граждан невозможно. В античном Риме (VI в. до н. э. — V в. н. э.) среди пантеона богов существовала богиня доверия (или верности) Фидес (Fides), которая согласно мифам состояла в родстве с самим Юпитером, что говорит о высоком почитании этого культа древними римлянами. В Древней Греции

ее называли Пистис (Pistis, Πίστις), и она олицетворяла собой доверие, веру и надежность. Понятие доверия встречается в трудах Аристотеля, Сократа, Б. Спинозы, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, однако ни у одного из этих философов оно не выступает в качестве самостоятельного предмета исследования.

И. Кант в трактате «К вечному миру» (1795) использует понятие доверия, обсуждая отношения между странами, находящимися в состоянии войны. Он говорит о том, что, даже находясь в состоянии войны, нельзя использовать такие методы ведения военных действий, которые сделают невозможным доверие, как таковое, ибо в данном случае никакого конца войны быть не может, а вместо этого будет лишь бесконечное истребление друг друга. При этом И. Кант обращает внимание на то, что доверие является тем информационным, нематериальным ресурсом, который не только служит фундаментом для восстановления отношений в будущем, но и является определенной гарантией «на самое себя» — оно существует, пока обе стороны думают о нем. Кроме того, И. Кант, возможно, первым из философов начал разрабатывать понимание доверия применительно к категориям этики и морали. В своем сочинении «Метафизика нравов» он разграничивает понятия моральной и эстетической дружбы, используя в качестве одного из основных критериев понятие доверия [5].

Т.П. Скрипкина отмечает, что в настоящее время в системе наук о человеке доверие нередко относят к этическим категориям морали, отражающей нравственные отношения между людьми. Общий анализ содержания понятия «доверие» в философской этике позволя-

ет выделить 4 изучаемые стороны этого явления:

1) доверие как нравственные отношения между людьми, убежденности в добропорядочности, искренности и правдивости друг друга;

2) момент знания людьми друг друга (то есть наличие опыта взаимодействия);

3) факт того, что доверие — это добровольное и ненасильственное проявление;

4) передача глубоко личных мыслей и чувств.

Исследование феномена доверия в социологии

Согласно мнению Т.П. Скрипкиной, наиболее фундаментальный социологический подход к проблеме доверия в отечественной науке был предложен Б.Ф. Поршневым, который рассматривает человеческую психику в исторической ретроспективе. Его теория гласит, что любая информация проходит через специфический фильтр доверия и недоверия, то есть доверие выполняет функцию команды, а недоверие можно назвать охранительным механизмом психики, фильтром, оберегающим ее от нежелательной или вредной информации [11]. На взгляд В. Вичева, доверие выступает в качестве одной из нравственных потребностей людей, которая, в свою очередь, запускает механизм идентификации и благоприятствует созданию некой социальной общности между людьми.

Немецкий социолог М. Вебер одним из первых начал систематическое изучение устройства общественного порядка и условий его поддержания. Он предложил бюрократическую модель орга-

низации, важнейшими целями которой являлись порядок, система, рациональность, единообразие, унификация и последовательность [17]. Власть в такой строгой и формализованной теории понималась как определенная совокупность прав, и чем выше в организации находится занимаемый человеком пост, тем больше у него власти. В сочинении М. Вебера «Политика как призвание и профессия» понятие «доверие» встречается только в связи с упоминанием оснований для власти. Доверие может возникнуть у определенного человека к вождю на основании его личных качеств (каких, автор не уточняет) или может быть выражено и количественно измерено как число голосов в поддержку того или иного правителя, например со стороны партии. Безусловно, в сочинениях М. Вебера прослеживается тенденция к пониманию того, что доверие может выступать в качестве мощного общественного механизма, однако ученый не предпринимает никаких попыток проанализировать сущность данного феномена и лишь констатирует его объективные проявления.

А. Селигмен дает подробную социологическую ретроспективу исторических форм доверия [8]: доверие в контексте отношений между людьми развивалось от «традиционного доверия» к «доверию как естественной симпатии», затем возникло «доверие как взаимное выполнение обещаний» и, наконец, «доверие экспертным системам».

«Традиционное доверие» подразумевает под собой такое отношение, где очень четко присутствует дихотомия «мы» — «они», где члены одной группы изначально расцениваются как заслуживающие и оправдывающие доверие,

а члены другой группы — как вызывающие недоверие; и в том, и в другом случае сами поступки, ценности, поведение не сильно влияют на отношения доверия — недоверия. Понимание доверия как «естественной симпатии», появляющееся, согласно А. Селигмену, в XVIII в., характеризуется отсутствием корысти, расчета, ритуализированных или вынужденных отношений и опирается на духовную близость, эмоциональную поддержку и единство взглядов и убеждений.

На протяжении XIX и XX вв. господствует идея о доверии как взаимном выполнении обещаний. Это связано с тем, что социальное и экономическое развитие общества нуждалось в регуляторе отношений, которые систематически расширялись и приобретали новые, ранее неизвестные качества. В результате это послужило основой для формирования современного понимания доверия — рассматриваемого чаще всего как обезличенного, рационального и функционального, где в качестве объекта обычно выступают целые системы, а не один человек и даже не группа людей («доверие экспертным системам») [15]. Однако А. Селигмен подчеркивает, что этот вид доверия ближе к расчету, чем к подлинному доверию, и считает, что подобное противоречие можно обойти, используя теорию генерализованного обмена. Она предполагает, что каждый член общества будет вести себя так, как того требуют нормы, не ожидая немедленно вознаграждения в ответ, но ожидая такого же поведения от других. Таким образом, в определенном смысле это несколько модифицированное, но уже известное золотое правило нравствен-

ности, к которому современное общество пришло снова спустя несколько сотен лет.

Исследования феномена доверия в психологии

В психологии доверие изучалось прежде всего в русле психологии личности и социальной психологии, а именно в сфере межличностного взаимодействия. По мнению А.Л. Журавлева, динамика развития межличностных отношений проходит несколько последовательных стадий: знакомство, отношения приятельские, товарищеские и дружеские. На стадии товарищеских отношений межличностное взаимодействие характеризуется «устойчивостью и определенным взаимным доверием» [9, с.173]; именно это позволяет перейти от простой готовности к развитию отношений к сближению взглядов и оказанию поддержки друг другу. Последняя стадия — дружеские, или, как их иначе называет автор, *доверительные* отношения, предполагающие взаимную привязанность субъектов взаимодействия.

Известный американский психолог Э. Эриксон изучал доверие уже в связи с характеристиками личности, влияющими на особенности построения взаимодействия с другими людьми. В своей возрастной периодизации развития человека он рассматривал чувство базисного доверия в качестве первой и фундаментальной установки всей жизни, которая, будучи сформированной на первом году жизни, определяет в дальнейшем отношение человека к себе и окружающему миру. Таким образом, можно сказать, что «доверие в каком-то смысле можно считать синонимом личности» [4, с.145].

В 50–60-е годы XX в. феномен доверия входит в фокус внимания психологов труда и организационных психологов, в первую очередь зарубежных (Strickland L.H., 1958; Deutsch M., 1958; Rotter J.B., 1967). Необходимо отметить, что организационное доверие отличается ряд особенностей по сравнению с изучавшимся ранее межличностным доверием. Во-первых, организационное доверие является достаточно сложной системой, в которой переплетаются индивидуальные, групповые отношения доверия и отношения доверия к организации как к системе. Во-вторых, многие исследователи выделяют дефицит времени в качестве одной из ключевых особенностей организационного доверия. Это означает, что люди часто оказываются перед необходимостью сотрудничать и вести совместную деятельность с теми, кого они не знают и, более того, часто не имеют достаточного запаса времени для построения адекватного образа партнера, на основе которого, как правило, возникает и развивается межличностное доверие.

Однако если проблема относительной независимости организационного доверия и фактора времени кажется уже решенной, вопрос о влиянии доверия на эффективность деятельности все еще остается открытым. В качестве примера одного из сравнительно недавних исследований на тему связи факторов времени, доверия и эффективности деятельности может стать исследование Де Жонга и др. [14]. Авторы приходят к выводу о том, что высокий уровень доверия влияет положительно на эффективность рабочей группы в том случае, если она является долгосрочной (*ongoing team*), а

в группах, собранных ради выполнения одного конечного проекта (*short-term team*), даже высокий уровень доверия не может гарантировать достаточной эффективности. Напротив, авторы другого исследования приходят к выводу о том, что при высоком уровне доверия в группе высокие оценки по положительности социально-психологического климата могут негативно коррелировать с результативностью деятельности [17]. Уже на примере этих исследований становится ясно: в проблеме организационного доверия кажущиеся очевидными с точки зрения практического смысла гипотезы оказываются на поверку непостоянными. Именно поэтому в изучении формирования организационного доверия, доверия в сфере бизнеса встает вопрос о *поиске принципиально иных* механизмов построения и развития отношений доверия между партнерами.

Систематические исследования феномена доверия в организации начались сравнительно недавно, однако современные исследователи практически единодушно признают доверие важным для успешного функционирования и развития организации психологическим фактором. А.Б. Купрейченко выделяет несколько основных направлений в исследовании проблемы доверия в организации: 1) доверие и недоверие как факторы экономической эффективности организации; 2) основания и факторы формирования доверия и недоверия в организации; 3) динамика процессов формирования доверия и недоверия; 4) изучение взаимосвязи доверия и недоверия с организационно-психологическими феноменами.

Практически все исследования в русле первого и второго направлений

обусловлены практическими запросами. Главная задача здесь заключается в формировании конкурентоспособной и экономически эффективной организации. Организационное доверие повышает уровень кооперации, улучшает коммуникацию между членами организации, стимулирует творческое решение задач и тем самым обеспечивает конкурентоспособность организации.

В работах второго направления наиболее часто рассматриваются следующие вопросы: как при помощи различных организационных ресурсов обеспечить высокий уровень доверия; какая тактика поведения менеджеров и руководителей способствует формированию высокого доверия у сотрудников фирмы; какие факторы вызывают снижение доверия и т. д.

В третьем подходе, изучающем динамику процессов формирования доверия и недоверия в организации, особое внимание уделяется вопросам изменения содержания доверия в связи с течением времени, что в тематике доверия приравнивается к накоплению опыта взаимодействия с партнером.

Четвертый подход, посвященный изучению связи феноменов доверия и недоверия с другими организационно-психологическими феноменами, еще сравнительно недавно был наименее проработанным. К числу организационно-психологических феноменов относят тип организационной культуры, психологический климат, стиль управления и т. д. Но в настоящее время, по крайней мере в зарубежной организационной психологии, большинство научных статей посвящено именно изучению связи доверия с другими организационными факторами, и уже накоплено

большое количество фактологического материала.

Организационная психология, на наш взгляд, может выступать в качестве одного из направлений, позволяющих интегрировать индивидуальный и организационный уровни рассмотрения феномена доверия. Как уже отмечалось, по мнению многих исследователей в сфере организационной психологии, доверие является важным структурным компонентом, обеспечивающим функционирование организации и ее экономическую эффективность. Однако вопрос о том, каким именно способом доверие оказывает влияние на эффективное функционирование организации, остается открытым до сих пор.

На наш взгляд, перспективным подходом к изучению феномена доверия является гуманистический подход к исследованию организаций [1], согласно которому каждая внутренняя переменная может быть понята зависимости от смысла, который ей приписывается и транслируется другим сотрудникам организации, в той или иной ситуации. Гуманистический подход показывает, что разные факторы в соответствии с пониманием их людьми могут нести в себе совершенно непохожие функции; при этом одним из главных показателей эффективности любого организационного фактора выступает включенность человека в организационную систему представлений о данном факторе. Если принять положения данного подхода, то организационное доверие будет выступать в качестве своеобразной призмы, определяющей содержательную и смысловую наполненность представлений об организации как системе и механизмах ее функционирования.

Таким образом, доверие выступает в качестве переменной, координирующей деятельность работника на смысловом уровне. Тем не менее практически в любой организации существует система институциональных норм, то есть набор документов, в которых зафиксированы положения и правила, регулирующие деятельность работника на объективном, внешнем уровне. Возникает вопрос — действительно ли в таком случае необходимо доверие или достаточно одного фактора для выполнения координирующей функции в организации?

Для ответа на вопрос о том, существуют ли различия в представлении об организации у сотрудников, по-разному оценивающих уровень доверия в ней, нами было проведено эмпирическое исследование. Респонденты — руководители и заместители руководителей структурных подразделений крупной транспортной компании с наличием ясно очерченных институциональных основ ($n = 23$). В результате исследования были выявлены значимые различия в субъективном сходстве/различии оценок объектов «организация, в которой я работаю» и «организация, которой я доверяю» в зависимости от оценки общего уровня доверия в организации. Так, в группе с оценкой уровня доверия как высокого семантические универсалии объектов «организация, в которой я работаю» и «организация, которой я доверяю» совпадали на 76% по сравнению с 36% в группе с оценкой уровня существующего доверия в организации как низкого. Кроме того, было выявлено, что семантическая наполненность представления об «организации, в которой я работаю» у респондентов с оценкой уровня организационного доверия

как высокого включает в себя больше семантических универсалий, чем у респондентов, оценивших уровень доверия в организации как невысокий. Это, в свою очередь, позволяет сделать предположение о том, что включенность человека в систему представлений о доверии в организации и оценка его уровня связана с включенностью в организацию как систему и более четким пониманием ее структуры и функций.

Подводя итоги рассмотрения представлений о доверии, можно отметить следующее: проблемные ситуации, для анализа которых в различных научных дисциплинах используется понятие доверия, схожи между собой. Это позволяет выделить несколько важных атрибутов феномена доверия, единых для разных общественных дисциплин: он предполагает ситуации взаимодействия, характеризующиеся выраженной ориентацией на будущее и уязвимостью, как минимум, одного из партнеров (дальнейшее благополучие зависит от того, каким образом поведет себя второй партнер). Однако в фокус внимания (или, иначе говоря, в качестве объекта исследования) различных научных дисциплин попадали разные аспекты феномена доверия: так, ранняя философия и социология рассматривали его как фактор, регулирующий в первую очередь общественные институты и связи между ними. Психология личности, а также этика как отдельная ветвь философии концентрировались на изучении индивидуальных характеристик доверия, обусловленного личностными чертами, и на регуляции межличностных отношений и взаимодействий со стороны доверия.

Можно проследить изменение фокуса внимания исследователей в коле-

бательном движении от общего (общественного) к частному (индивидуальному и межличностному), и обратно. Но в настоящее время нельзя (кроме как на высоких уровнях абстракции) выделить в качестве главного только один уровень рассмотрения — общественный или индивидуальный. Современное общество в целом и отдельные его институты в частности вынуждены существовать в новых, уникальных, ранее не возникавших условиях. С одной стороны, знания и информация выступают в качестве основного ресурса, который очень сложно контролировать, так как это может стать и часто становится прерогативой отдельных людей [6, 13]. С другой стороны, в условиях динамичности внешней среды, когда на первый план выступает умение предсказывать тенденции развития ситуации, в том числе экономические [1], в условиях необходимости регуляции деятельности отдельных организаций в терминах общественной, нравственной и правовой ответственности [2, 3, 7] вопрос о значимости связей на уровне общественных институтов, организаций не оставляет сомнений. Наконец, практические запросы, появляющиеся в подобных вновь возникших условиях, невозможно решить, работая в рамках только одной научной дисциплины. Кроме того, в качестве примера нового прикладного запроса выступает актуальная проблема интеграции доверия как ресурса для регуляции общественных отношений в правовую систему регуляции, то есть ставится вопрос об институционализации доверия. Таким образом, вопрос «Что такое доверие?» трансформируется в вопрос «Какое доверие и в какой ситуации?» [12, 13].

С научно-методологической точки зрения создание единой интегративной модели доверия на данный момент представляется сложной задачей, так как она превращается в задачу интеграции различных научных подходов в мультидисциплинарные направления исследований; кроме того, исторический анализ представлений о доверии доказывает существование в настоящее время необходимости интеграции различных уровней анализа феномена доверия, ранее проводившихся параллельно, что, безусловно, также вызывает определенные теоретико-методологические трудности. Возможно, для решения конкретных проблем в рамках одной отдельно взятой организации или применительно к отдельно взятой ситуации использование мультидисциплинарного подхода может быть чрезмерно затратным и не адекватным задаче. Однако для выявления основополагающих принципов функционирования доверия как феномена общественной жизни и отношений между людьми использование нескольких научных дисциплин представляется крайне перспективным.

Литература

1. Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. — М.: Аспект-Пресс, 2007. — 278 с.
2. Величковский Б.Т. Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РАН, 2012. — 256 с.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономического кризиса и изменности. — М.: Ин-т психологии РАН, 2003. — 436 с.
4. Зинченко В.П. Доверие // Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. — С. 143–145.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. — М.: Мысль, 1963–1966. — Т. 4. — Ч. 2: Метафизика нравов. — 478 с.

6. Кирхлер Э., Майер-Пести К., Хофманн Е. Психологические теории организации // Психология труда и организационная психология, — Т. 5. — Харьков: Гуманитарный центр, 2005. — 312 с.

7. Кови С. мл., Мерил Р. Скорость доверия: То, что меняет все : пер. с англ. — М.: Альпина Паблишерз, 2010. — 425 с.

8. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008. — 571 с.

9. Резников Е.Н. Психология межличностных отношений // Социальная психология: учеб. пособие / отв. ред. А.Л. Журавлев. — М.: ПЭРСЭ, 2002. — С. 164–178.

10. Родлер К., Кирхлер Э. Управление в организациях / Психология труда и организационная психология. — Харьков: Гуманитарный центр, 2003. — Т. 2. — 128 с.

11. Скрипкина Т.П. Психология доверия. — М., 2000. — 264 с.

12. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

13. Bigley G.A., Pearce J.L. Straining for shared meaning in organization science: problems of trust and distrust // Academy of Management Review. — 1998. — Vol. 23(3). — P. 405–421.

14. De Jong B., Elfring T. How does trust affect the performance of ongoing teams? The mediating role of reflexivity, monitoring and effort // Academy of Management Journal. — 2010. — Vol. 53 (3). — P. 535–549.

15. Horsburgh H. J. N. Trust and Social Objectives // Ethics. — 1961. — Vol. 72 (1). — P. 28–40.

16. Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H. An integrative model of organizational trust: past, present and future // Academy of Management Review. — 2007. — Vol. 32(2). — P. 344–354.

17. Tsai Wei-Chi, Chi Nai-Wen, Grandey A.A., Fung Sy-Chi. Positive group affective tone and team creativity: Negative group affective tone and team trust as boundary conditions // Journal of Organizational Behaviour. — 2012. — Vol. 33. — P. 638–656.

18. Weber M. Some categories of interpretive sociology // Sociological Quarterly. — 1981. — 22(2). — P. 151–180.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Н. П. Александрова, Е. Н. Богданов

Аннотация: в основу данного исследования положено понимание саморегуляции и стрессоустойчивости как способности личности, представляющей собой управление своим психоэмоциональным состоянием. В настоящее время способность к эмоциональной саморегуляции раскрывается через личностные характеристики индивида в связи с понятием «эмоциональный интеллект». Эмоциональный интеллект выступает в качестве показателя уровня сформированности эмоциональной саморегуляции и в значительной мере обуславливает стрессоу-

стойчивость личности. Такие личностные характеристики, как эмоциональная устойчивость, низкий или умеренный уровень личностной тревожности, интернальный локус контроля, способность вербализации эмоциональных состояний, служат основой для формирования эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости и связаны с высоким уровнем эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, стресс, стрессоустойчивость, эмоциональная саморегуляция, личность.

Summary: *the understanding of self-control and resistance to stress is the basis for this research as abilities of the personality, representing management of the psychoemotional state. Now ability of emotional self-control, reveals through personal characteristics of the individual in connection with the concept "emotional intelligence". The emotional intelligence acts as an indicator of level of formation of emotional self-control and considerably causes resistance to stress of the personality. Such personal characteristics as emotional stability, low or moderate level of personal uneasiness, an internal locus of control, ability of verbalization of emotional states, are a basis for formation of emotional self-control and resistance to stress and are connected with high level of emotional intelligence.*

Keywords: *emotional intelligence, stress, resistance to stress, emotional self-control, personality.*

На переломных этапах истории, когда напряжение в обществе нарастает, а накал страстей достигает предела, когда человек оказывается в состоянии стресса практически постоянно, перед ним встает проблема выживания не только его самого, но и его детей и членов его семьи.

На таком отрезке развития оказалась последние два десятка лет наша страна. К радикальной смене социально-экономического курса большинство населения оказалось неподготовленным. В результате по неопубликованным, но попадающим в средства массовой информации сведениям из Госкомстата, можно сделать вывод о том, что 70% населения России живет в состоянии постоянного стресса. Его может вызвать

почти любое неординарное событие, а также обстоятельства, носящие хронический характер: плохие производственные, материальные или жилищные условия, напряженные отношения в семье или на работе.

Термин «стресс», введенный канадским врачом Гансом Селье в 1956 г., рассматривался им с биологической точки зрения «как неспецифическая реакция организма на любое предъявляемое к нему требование», при этом типовую реакцию может вызвать широкий спектр воздействий или стрессогенных факторов [1].

Поскольку человек является социальным существом и в деятельности его интегральных систем ведущую роль играет психическая сфера, то чаще всего именно психический стресс оказывается наиболее значимым для процесса эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости индивида.

Эмоциональная саморегуляция — один из уровней регуляции активности живых систем разных уровней организации и сложности, выражающий специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексии. На психологическом уровне саморегуляция представляет собой стихийное и осознанное использование человеком разнообразных приемов и технологий, помогающих нормализовать или настроить нужным образом свое эмоциональное состояние [2, 14].

Эмоциональная саморегуляция принадлежит к широкому классу процессов регуляции эмоций, включающих в себя как контроль над собственными чувствами, так и воздействие на чувства других людей в процессе межличностного об-

щения. Поскольку эмоции разворачиваются во времени, эмоциональная регуляция может остановить эмоцию в самом начале, изменить ее силу, время нарастания, приостановления или запуска определенных поведенческих реакций.

В результате эмоциональной саморегуляции могут возникать три основных эффекта:

- успокоения (устранения эмоциональной напряженности);
- восстановления (ослабления проявлений утомления);
- активизации (повышения психофизиологической реактивности).

С точки зрения психофизиологии эмоциональная саморегуляция выполняет роль универсального механизма, с помощью которого индивид может противостоять стрессу, и чем выше уровень эмоциональной саморегуляции, тем больше стрессоустойчивость личности [4, 9].

В психологическом словаре стрессоустойчивость характеризуется следующим образом: 1) некоторая совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки (перегрузки), обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья; 2) способность индивида сохранять здоровье и полную эффективность в деятельности и в отношениях при сильных эмоциональных нагрузках [7].

В современной психологии менеджмента вместо термина «стрессоустойчивость» используется «резилентность» (от англ. «resilience» – упругость, эластичность, способность бы-

стро восстанавливать физические и душевные силы).

Стрессоустойчивость — это способность сохранять эффективность в условиях стресса. Следовательно, это не борьба со стрессом, а адаптация к нему.

У человека механизмы приспособления значительным образом усложняются, так как ему необходимо реагировать на физические, социальные, психологические события и тратить на это ощущаемое количество энергии, которую можно назвать адаптационной.

Исходя из данной трактовки в понятии «стрессоустойчивость» можно выделить два блока показателей, составляющих данный феномен: 1) психофизиологический, включающий в себя эмоциональную устойчивость / неустойчивость, подвижность процессов возбуждения/торможения и силу нервной системы; 2) социально-психологический (экстраверсия/интроверсия, тип и направленность поведенческих реакций и комплекс личностных качеств, проявляющийся в стрессе [12, 19].

В основу нашего исследования положено понимание саморегуляции и стрессоустойчивости как способности личности, представляющей собой управление своим психоэмоциональным состоянием, достигаемым путем воздействия индивида на самого себя с помощью слов, мысленных образов, управления мышечным тонусом и дыханием. Поэтому целью настоящего исследования было: 1) определение совокупности свойств личности, обуславливающих возможности ее эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости; 2) выявление взаимосвязи между эмоциональной саморегуляцией и стрессоустойчивостью личности.

Исследование проводилось на базе муниципальных дошкольных образовательных учреждений — детского сада № 29 общеразвивающего типа, детского сада № 2 комбинированного типа и коррекционного образовательного учреждения № 4 г. Железнодорожного Московской области.

В исследовании приняли участие женщины-воспитатели (21 человек) в возрасте от 38 до 50 лет (55%), от 26 до 38 лет (35%) и старше 50 лет (10%). Среди обследованных общее среднее образование имели 20%, среднее профессиональное — 42%, высшее профессиональное образование — 38% воспитателей-педагогов. Все испытуемые проживали в инфраструктуре малого города (г. Железнодорожный Московской области) и работали в системе муниципального образования.

В настоящее время способность эмоциональной саморегуляции раскрывается через личностные характеристики индивида в связи с понятием «эмоциональный интеллект». Профессиональный интерес психологов к проблеме изучения эмоционального интеллекта весьма высок в связи с огромной значимостью эмоций в стрессоустойчивости человека — об этом свидетельствуют направленность и количество работ, посвященных данной проблеме [3, 6, 18, 11, 5].

Из множества известных черт и свойств личности наиболее мощными факторами повышения уровня ее стрессоустойчивости являются эмоциональная зрелость (в том числе входящие в данный сложный фактор эмоциональная устойчивость и уровень эмоционального контроля); пластичность (гибкость, готовность личности к изменениям), тип

темперамента (сильный тип высшей нервной деятельности по И.П. Павлову) и уровень развития рефлексии.

В связи с изложенным в использованный в настоящем исследовании психодиагностический комплекс были включены следующие методики: методика оценки подверженности стрессу, методика определения уровня эмоционального интеллекта (опросник EQ) Н. Холла; методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко; Торонтская алекситимическая шкала; методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера; методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; тест-опросник Г. Айзенка ЕРi; методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (№ 105) 16 PF-опросник [11].

Для обработки результатов использовался математико-статистический метод ранговой корреляции Спирмена, который позволил определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между признаками, измеренными в одной и той же группе испытуемых.

В современной психологии существует мнение о том, что эмоциональный интеллект выступает в качестве показателя уровня сформированности эмоциональной саморегуляции. Поэтому мы предположили, что степень развития эмоционального интеллекта определяет эффективность процесса эмоциональной саморегуляции и в значительной мере обуславливает стрессоустойчивость личности: индивид с высоким уровнем эмоционального интеллекта «берт на себя ответственность за собственное эмоциональное состояние» [8, 10, 13, 15].

Проведенные нами исследования продемонстрировали, что среди 47% испытуемых относительно мало подвержены стрессу, остальные 53% — подвержены стрессу и испытывают трудности в стрессогенных ситуациях.

Высокий уровень эмоционального интеллекта имеют 43% педагогов; средний уровень эмоционального интеллекта — 57%, лиц с низким уровнем эмоционального интеллекта не выявлено (табл. 1).

Высокий уровень эмоционального интеллекта характеризует наивысший уровень развития внутреннего мира субъекта. Это означает, что имеются определенные установки, которые отражают индивидуальную систему ценностей, выработанную субъектом самостоятельно и четко им осознаваемую. Выбор поведения осуществляется без чрезмерных волевых усилий; мотивация поведения осуществляется не снаружи, а исключительно изнутри.

Среднему уровню сформированности эмоционального интеллекта соответствуют: высокий уровень самоконтроля, определенная стратегия эмоционального реагирования; ощущение психологического благополучия и позитивного отношения к себе.

Самому низкому уровню эмоционального интеллекта соответствуют эмоциональные реакции по механизму условного рефлекса; осуществление активности с преобладанием внешних компонентов над внутренними; низкий самоконтроль и высокая ситуативная обусловленность.

В настоящий момент необходимым шагом в исследовании эмоционального интеллекта как фактора, обуславливающего уровень эмоциональной само-

регуляции и стрессоустойчивости индивида, является уточнение структуры данного феномена и включение ее в систему личностных характеристик. В связи с этим особый интерес вызывает изучение таких биологических предпосылок развития эмоционального интеллекта, как уровень нейротизма, самоконтроля, субъективного контроля, тревожности, алекситимии и уровня эмпатических способностей личности. Результаты исследования уровней эмоционального интеллекта и соответствующих им личностных характеристик испытуемых представлены в таблице 1.

В таблице 1 в каждом столбце числовые показатели, выраженные в баллах, расположены слева, условные обозначения, отражающие характеристики испытуемых — справа.

В столбце «Показатель эмоционального интеллекта»: В — высокий уровень, С — средний уровень, Н — низкий уровень; в столбце «Уровень нейротизма»: Н — нейротизм, эмоциональная неустойчивость, У — эмоциональная устойчивость, нормостеник; в столбце «Уровень развития самоконтроля» [фактор Q₃ «низкий самоконтроль» — «высокий самоконтроль»]: В — высокий уровень самоконтроля, С — средний уровень, Н — низкий; в столбце «Уровень субъективного контроля»: Э — экстернальный локус контроля, И — интернальный локус контроля (в качестве показателей уровня субъективного контроля взято среднеарифметическое значение); в столбце «Уровень личностной тревожности»: В — высокий уровень личностной тревожности, С — умеренная тревожность, Н — низкий уровень; в столбце «Способность вербализации эмоциональных состояний»: В — алекситимический тип, С — проме-

Таблица 1

Показатели эмоционального интеллекта, уровня нейротизма, самоконтроля, уровня субъективного контроля, тревожности и алекситимии, у педагогов дошкольных образовательных учреждений (N = 21)

Испытуемый		Показатель эмоц. интеллекта		Уровень нейротизма (> 11)		Уровень развития самоконтроля (фактор Q ₃)		Уровень субъективного контроля (ср.)		Уровень личностной тревожности		Способность вербализации эмоциональн. состояний (уровень алекситимии)		Уровень эмпатических способностей	
№	Код														
1	1.1.29	17	С	16	Н	6	С	4,4	э	48	В	68	С	18	С
2	1.2.29	16	С	11	У	8	В	3,4	э	49	В	68	С	12	С
3	2.1.29	12	С	16	Н	5	С	3,4	э	30	Н	70	С	12	С
4	2.2.29	17	С	16	Н	8	В	6	И	44	С	59	Н	17	С
5	3.1.29	20	С	16	Н	6	С	3,6	э	56	В	79	В	14	С
6	3.2.29	10	С	16	Н	8	В	2,1	э	53	В	77	В	19	С
7	4.1.29	17	С	9	У	5	С	3,3	э	39	С	71	С	13	С
8	4.2.29	10	С	18	Н	7	В	4	э	55	В	61	Н	21	С
9	5.5.29	42	В	12	У	7	В	5,7	И	53	В	78	В	29	В
10	5.Л.29	44	В	7	У	6	С	7,7	И	30	Н	56	Н	25	В
11	5.М.29	48	В	11	У	8	В	7	И	46	В	39	Н	30	В
12	1.1.2	20	С	7	У	6	С	4,4	э	53	В	57	Н	15	С
13	1.2.2	14	С	17	Н	5	С	3,3	э	52	В	87	В	11	Н
14	2.1.2	58	В	19	Н	7	В	6	И	30	Н	72	С	24	В
15	2.2.2	54	В	8	У	7	В	6,1	И	36	С	43	Н	26	В
16	3.1.2	41	В	11	У	7	В	6	И	42	С	66	С	26	В
17	3.2.2	23	С	14	Н	6	С	5	э	42	С	64	С	8	Н
18	4.1.2	63	В	10	У	10	В	7,8	И	29	Н	48	Н	26	В
19	3.К.	17	С	20	Н	6	С	3	э	47	В	72	С	21	С
20	4.К.	38	В	13	У	8	В	5	э	42	С	66	С	20	С
21	2.К.	39	В	5	У	6	С	4,6	э	41	С	65	С	27	В

жуточный тип, Н — неалекситимический тип; в столбце «Уровень эмпатических способностей»: В — высокий уровень, С — средний уровень, Н — низкий уровень эмпатических способностей.

Как свидетельствуют представленные в таблице данные, испытуемые с высоким уровнем эмоционального интеллекта характеризуются эмоциональной устойчивостью и высоким уровнем развития самоконтроля, имеют низкий или умеренный уровень личностной тревожности, низкий уровень алекситимии, высокие показатели по шкале интернальности (интернальный локус-контроль) и обладают высоким уровнем эмпатиче-

ских способностей.

Респонденты со средним уровнем эмоционального интеллекта имеют схожие по абсолютному значению показатели нейротизма, самоконтроля, уровня субъективного контроля, тревожности и алекситимии и статистически не отличаются от аналогичных показателей в группе воспитателей с высоким уровнем эмоционального интеллекта.

Таким образом, можно заключить, что уровень эмоционального интеллекта в пределах определенных значений обусловлен некоторыми конкретными личностными характеристиками, но не зависит от степени их выраженности.

Особого внимания при рассмотрении вопроса о стрессоустойчивости и эмоциональной саморегуляции личности заслуживают такие ее биологические характеристики, как нейротизм (или тревога) и экстраверсия/интроверсия, которые в значительной мере их и обуславливают. Г. Айзенк рассматривал процессы возбуждения и торможения в нервной системе как определяющие экстраверсию/интроверсию. Он предполагал, что для нервной системы экстравертов характерны слабые процессы возбуждения и сильные процессы торможения, что при стрессовых ситуациях приводит к истерическим нарушениям или к маниакально-депрессивному психозу. Интроверты, наоборот, характеризуются сильным процессом возбуждения и слабым процессом торможения и поэтому имеют склонность к психастеническим реакциям на стрессогенные факторы. Причиной подобных проявлений у экстравертов и интровертов являются различия в восходящем активирующем влиянии ретикулярной формации на кору больших полушарий. Различия в уровне нейротизации личности и соответственно в интенсивности реагирования зависят от соотношения тонуса симпатической или парасимпатической нервной системы [1].

Анализ полученных нами результатов полностью соответствует приведенному утверждению, так как свидетельствует о том, что среди стрессоустойчивых личностей с высоким уровнем эмоционального интеллекта 88% воспитателей являются экстравертами, в то время, как среди воспитателей со средним уровнем эмоционального интеллекта и низкой стрессоустойчивостью 91% ис-

пытываемых — интроверты. Однако эти результаты не могут служить основанием для утверждения о том, что экстраверты более способны к эмоциональной саморегуляции по сравнению с интровертами, так как анализ показателя эмоциональной устойчивости/неустойчивости внутри групп экстравертов и интровертов продемонстрировал одинаковое соотношение индивидов с эмоциональной устойчивостью и эмоциональной неустойчивостью — 33 и 67% соответственно.

Таким образом, нейротизм и экстраверсия/интроверсия — это свойства личности, обусловленные ее физиологическими особенностями. Они входят в структуру эмоционального интеллекта и в значительной степени влияют на поведение человека в широком классе стрессогенных ситуаций, определяя возможности эмоциональной регуляции личности.

Среди испытуемых не были выявлены респонденты с низким уровнем сформированности эмоционального интеллекта. Однако примененный нами математико-статистический метод ранговой корреляции позволил установить личностные характеристики потенциальных респондентов с низким уровнем эмоционального интеллекта.

Была выявлена обратная отрицательная корреляционная связь между:

- уровнем эмоционального интеллекта и уровнем нейротизма ($r_s = -0,543$);
- уровнем эмоционального интеллекта и уровнем тревожности ($r_s = -0,616$);
- уровнем эмоционального интеллекта и уровнем алекситемии ($r_s = -0,539$).

Прямолинейная положительная корреляционная связь была установлена между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем субъективного контроля ($r_s = 0,81$).

Не выявлено корреляционной связи между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем эмпатических способностей ($r_s = 0,22$), между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем самоконтроля ($r_s = 0,37$). Возможно, это обусловлено тем, что уровень эмпатических способностей и уровень самоконтроля входят в структуру эмоционального интеллекта.

На основании полученных данных можно предположить, что психологический портрет представителя с низким уровнем сформированности эмоционального интеллекта будет характеризоваться: 1) эмоциональной неустойчивостью, нейротизмом, выражающимся в плохой адаптации, склонности к быстрой смене настроений (лабильности), чувстве вины и беспокойства, озабоченности, депрессивных реакциях, рассеянности внимания, неустойчивости в стрессовых ситуациях и неадекватно сильными реакциями по отношению к вызывающим их стимулам; 2) высоким уровнем показателя алекситимии (алекситимический тип), существенными когнитивно-аффективными особенностями которого являются: трудности в идентификации и описании своих чувств; сложность в дифференциации чувств и телесных ощущений; сниженная способность к символизации: недостаток воображения, ригидность и конкретность; 3) преобладанием экстернального локуса контроля, при котором субъект не видит связи между своими действиями и значимыми событиями жизни, не

считает себя способным контролировать эту связь и полагает, что большинство событий и поступков — результат случая или действий других индивидов.

Все изложенное в конечном итоге позволило нам сформулировать общий вывод о том, что такие личностные характеристики, как эмоциональная устойчивость, низкий или умеренный уровень личностной тревожности, интернальный локус контроля, способность вербализации эмоциональных состояний, служат основой для формирования эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости и связаны с высоким уровнем эмоционального интеллекта. Дальнейшее исследование в данном направлении выдвигает на первый план проблему психологических способов и механизмов эмоциональной саморегуляции — важнейшего системного субъектного качества и личностных детерминант как своеобразных модуляторов индивидуальной активности субъекта.

Перспективными направлениями в этом плане могут стать исследования:

- аффективной толерантности и ее взаимосвязи с показателями эмоционального интеллекта и личностными характеристиками;
- стратегий эмоциональной саморегуляции (способов управления дыханием, тонусом мышц, движением; способов, связанных с воздействием слова и образов);
- разработка тренинговых программ, позволяющих повысить личностную компетентность профессиональной деятельности на основе развития эмоционального интеллекта и способности к эмоциональной саморегуляции.

Литература

1. Айзенк Г. Структура личности. — СПб.: М., 1999. — С. 236.
2. Александрова Н.П. Эмоциональный интеллект как фактор регуляции педагогической деятельности // Вестн. Моск. гос. академии делового администрирования. — 2012. — № 6. — С. 244–250.
3. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномен // Вопросы психологии. — 2006. — № 3. — С. 78–86.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — С. 352.
5. Гаврина Е.Е. Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 51–59.
6. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. — М.: АСТ, 2008. — С. 478.
7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Психологический словарь. — М., 2004.
8. Ерохина Е.В. Взаимосвязь компонентов эмоционального интеллекта и профессиональной дезадаптации личности // Вестн. Адыг. гос. ун-та. — Сер. 3. Педагогика и психология. — 2010. — № 1. — С. 183–191.
9. Катунин А.П. Стрессоустойчивость как психологический феномен // Молодой ученый. — 2012. — № 9. — С. 243–246.
10. Краснова В.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность и ее связь с эмоциональной дезадаптацией, уровнем стресса и качеством интерперсональных отношений у студентов // Вопросы психологии. — 2011. — № 3. — С. 41–58.
11. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 158–163.
12. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Учен. зап. кафедры общ. психологии Моск. ун-та им. М.В. Ломоносова. — Вып. 1 / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — С. 56–65.
13. Малащук Л.С., Маряшин Ю.Е., Юдин В.Е. Некоторые концептуально-теоретические вопросы повышения стрессоустойчивости специалистов опасных профессий // Вестн. восстановит. медицины. — 2011. — № 4. — С. 44–47.
14. Маттьюс Дж., Кустубаева А.М., Толегенова А.К. Эмоциональная и когнитивная саморегуляция // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. — Сер. 3. Психология и педагогика. — 2013. — № 2. — С. 76–86.
15. Панкратова А.А. Практический, социальный и эмоциональный виды интеллекта: сравнительный анализ // Вопросы психологии. — 2010. — № 2. — С. 111–119.
16. Практикум психодиагностики / под ред. Д.Я. Райгородского. — Самара: М., 2007. — С. 672.
17. Селье Г. Стресс без дистресса. — М., 1978.
18. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.
19. Судаков К.В., Умрюхин П.Е. Системные основы стресса. — М.: Гетар-Медиа, 2010. — С. 112.

ПРОБЛЕМА ПСИХОПАТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Д. В. Сочивко, А. О. Бурцев

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы психопатизации личности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в аспекте социо-демографических, индивидуально-психологических и социо-психологических особенностей их личности.

Ключевые слова: психопатизация, расстройство личности (психопатии), психопатоподобное поведение, психопатоподобные черты личности, психотическая личность, конвергенция, предрасположенность, психиатрическая болезнь (заболевание).

Summary: the article considers ques-

tions psihopatizatsii person convicted persons serving a sentence of imprisonment, in terms of socio-demographic, individual psychological and socio-psychological characteristics of their personality.

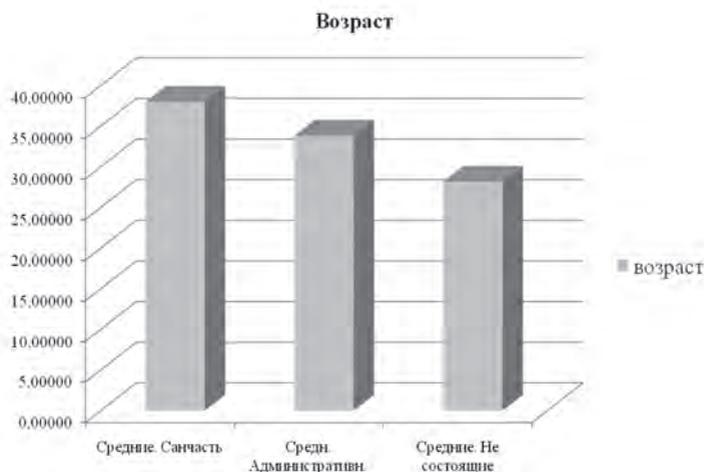
Keywords: *psihopatizatsii personal-ity disorder (psychopathy), psychopathic behavior, psychopathic personality traits, psychotic personality, convergence, predisposition, psychiatric illness (disease).*

Проблема психопатизации личности осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы с позиций юридической психологии часто рассматривается в настоящее время как лежащая в плоскости решения вопроса о преимущественно наследственном или же приобретенном характере такого диагноза, как расстройство личности. Если предполагать, что какая-то физиологическая предрасположенность к этому психическому заболеванию и существует, то это вовсе не означает, что бо-

лезнь обязательно проявится. Не проявиться она может при достаточно благоприятных условиях жизнедеятельности и развития личности. Напротив, при неблагоприятных условиях жизнедеятельности, в частности в условиях отбывания наказания в местах лишения свободы, не только у лиц с заложенной биологической предрасположенностью может развиваться личностное расстройство, но и у других осужденные могут появиться психопатоподобные черты поведения и личности. Как это происходит, мы и намерены исследовать в узком аспекте социально-демографического и социально-психологического анализа личности осужденных в рамках статьи.

Мы полагаем, что проявление и стабилизация в поведении личностных расстройств у осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является результатом конвергенции трех групп факторов:

- социально-демографических;

Рис. 1. Средние показатели возраста в разных группах испытуемых на момент обследования

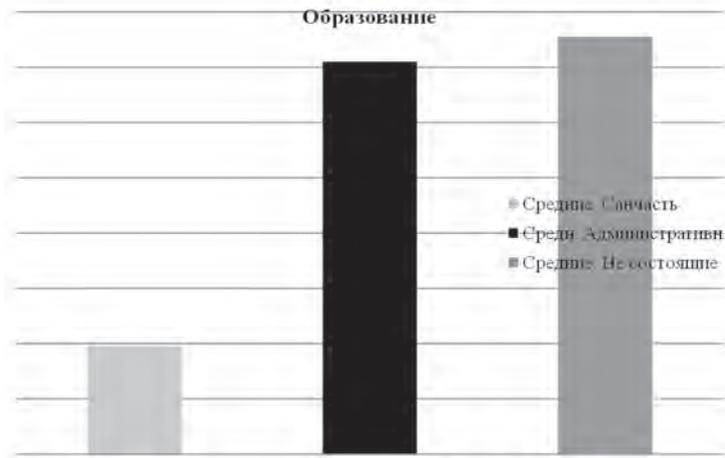
- индивидуально-психологических;
- социально-психологических факторов выживания в криминальной среде исправительного учреждения.

Было обследовано 300 осужденных, разделенных на три группы: состоящие на учете в санчасти исправительного учреждения с диагнозом личностного расстройства (психопатия); состоящие на административном учете (демонстранты, нарушители), то есть часто проявляющие психопатоподобные черты поведения и личности; не состоящие на одном из видов учета.

Обратимся к сравнительному анализу анкетных данных испытуемых осужденных всех трех групп. Средние показатели возраста в разных группах испытуемых приведены на рисунке 1.

Характерно, что с возрастом увеличивается частота проявления личностных расстройств ($p \leq 0,0000$), подтвержденных медико-психиатрическим диагнозом. Но возраст связан и с нарастанием психопатоподобных проявле-

ний поведения, что ведет к постановке осужденного на административный учет. В криминальной субкультуре с возрастом осужденный может либо наращивать, либо терять криминальный авторитет. С этой точки зрения психопатоподобное демонстративное поведение может выглядеть и как последняя попытка утвердиться в криминальном мире. С медицинской же точки зрения можно утверждать, что психиатрические заболевания часто проявляются именно с возрастом и могут быть длительное время незаметны или же вообще не проявиться в достаточно комфортных условиях жизнедеятельности. Полученный эмпирический факт в обоих этих аспектах частично подтверждает нашу гипотезу о конвергенции демографических и социально-психологических факторов как детерминанты формирования психопатоподобного и психопатического поведения личности осужденного в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

Рис. 2. Средние показатели уровня образования испытуемых осужденных разных сравнительных групп

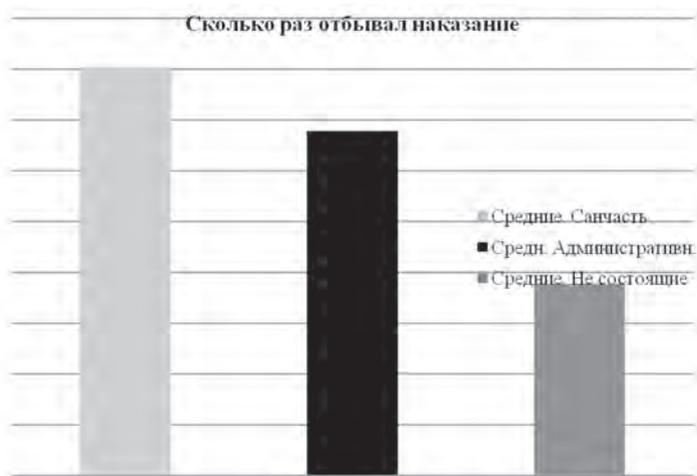
На рисунке 1 прослеживается четкое разделение по возрасту осужденных (разница составляет в среднем 5 лет). Следовательно, можно предположить, что с возрастом часть осужденных, видимо, имеющих рассматриваемую предрасположенность, приходят к обострению расстройства личности как болезни и получению соответствующего диагноза. Но, очевидно, существует и другая часть, изменяющая свое поведение в сторону отказа проявления психопатоподобных черт. Эта очевидность подтверждается беседами с осужденными, а также методами многомерного статистического анализа, что будет изложено ниже.

На рисунке 2 представлены средние результаты уровня образования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Уровень образования у осужденных, состоящих на учете в санчасти, значительно ниже уровня образования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не

состоящих на учете вообще, и не отличается от уровня образования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, состоящих на административном учете.

Следовательно, еще одной характеристикой (чертой болезни) личностных расстройств у осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является низкий уровень образованности. В рамках данного исследования мы не можем сказать, является скрытое или явное (с наличием диагноза) расстройство личности причиной низкой образованности человека, или же наоборот — низкий уровень образования влечет за собой обострение психопатических черт. Мы снова склонны видеть здесь конвергенцию психодемографической и психофизиологической предрасположенности к болезни и социальных факторов (уровня образования) как детерминанту психопатизации личности, что укладывается в нашу общую гипотезу.

На рисунке 3 представлены средние

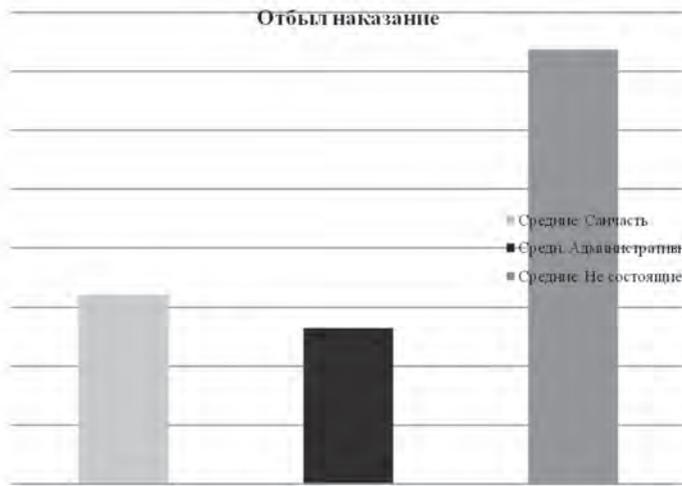
Рис. 3. Средние показатели количества судимостей в разных группах испытуемых

показатели количества судимостей обсле- дуемых осужденных.

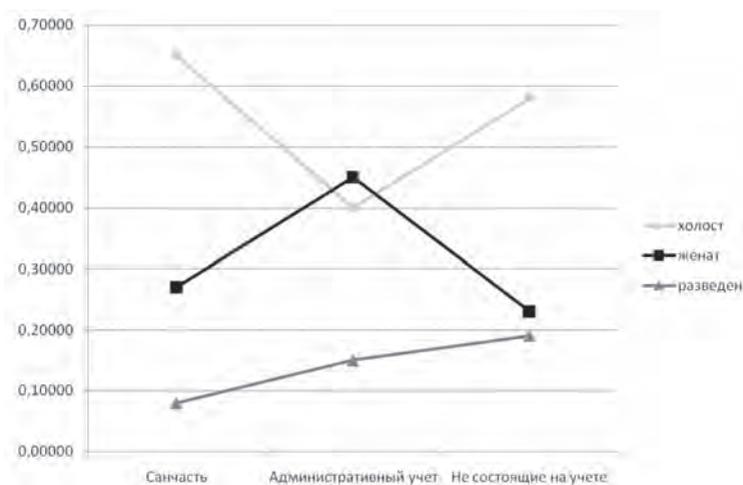
На рисунке 3 прослеживаются харак- терные различия между группами состо- ящих на учете и не состоящих на учете осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. ($p \leq 0,001$) Так, группа административного учета и учета санчасти в среднем отбывали сроки на- казания от 3 до 5 раз, группа не состо- ящих на учете осужденных — в основ- ном 1–2 раза. Это также может свиде- тельствовать о наличии психотравмиру- ющей ситуации, криминализации и изо- ляции в целом как предпосылки к про- явлению и обострению различных рас- стройств личности и психопатоподобно- го поведения осужденных. Таким обра- зом, мы видим участие в конвергенции факторов, обуславливающих обостре- ние личностных расстройств и проявлени- я психопатического поведения и отно- шения к криминальному миру, а именно степень погруженности в криминальный

образ жизни, принятия его как жизнен- ной перспективы.

На рисунке 4 представлен объем от- бытого срока наказания. В группе не со- стоящих на учете осужденных, имеющих в среднем 1–2 судимости (см. выше), заметна такая тенденция: в среднем они уже отбыли большую часть срока по сравнению с осужденными, состо- ящими на учете в санчасти и на адми- нистративном учете (3–5 судимостей). Возможно, этим в какой-то мере объяс- няется и их аккуратное поведение в ко- лонии, без нарушений и демонстрати- вности поведения. При этом у осужденных всех трех групп статьи, по которым они осуждены, схожи: 228, 158, 111, 105 и т. д. Для нас это важно в том аспек- те, что причины меньшей выраженности психопатоподобного поведения в этой группе могут объясняться более близ- ким освобождением, возможно, расче- том на условно-досрочное освобожде- ние, что косвенно подтверждает наше

Рис. 4. Средние показатели объема отбытого срока наказания осужденными в разных группах испытуемых (в процентах)

Рис. 5. Средние показатели частоты встречаемости различного семейного положения у осужденных в разных группах испытуемых

предположение о том, что психопатоподобные черты в этой группе скорее подавляются и контролируются, а не отсутствуют, как это может показаться на первый взгляд.

Рисунок 5 представляет нам семейное положение осужденных из разных групп испытуемых.

Для осужденных, состоящих на учете в санчасти, «предпочтительным» оказывается холостое положение, а также характерно семейное положение «разведен».

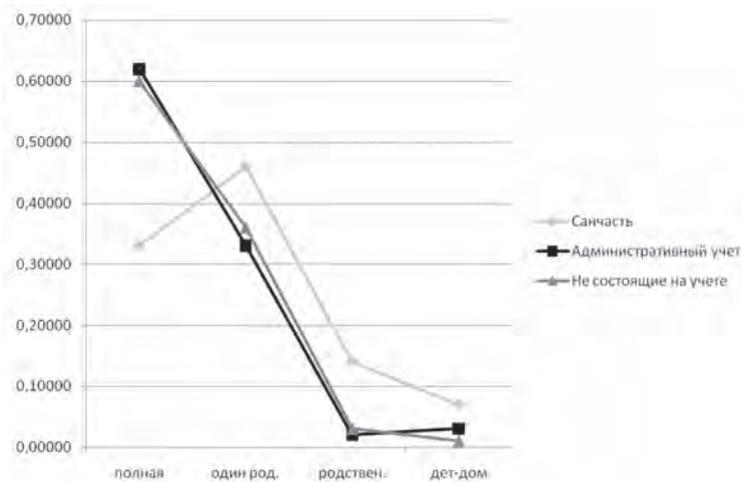
Женатые составляют относительно небольшой процент осужденных из общей массы обследованных.

Осужденные, состоящие на административном учете, практически с равной степенью вероятности имеют семью и являются холостыми.

Осужденные, не состоящие на учете, так же как и осужденные, состоящие на учете в санчасти, статистически значимо чаще бывают холостыми по сравне-

нию с осужденными, состоящими на административном учете.

Следовательно, такая социально-демографическая характеристика, как наличие семьи — холостое положение, весьма рельефно подчеркивает характер психопатоподобного поведения осужденных в разных группах испытуемых. Так, холостыми чаще всего являются больные осужденные и *осужденные, не состоящие на учете*, в то время как осужденные с выраженным демонстративным поведением и соответственно состоящие на административном учете чаще всего имеют семью (рис. 5). Последнее кажется парадоксальным, так как именно эта группа отличается наиболее непредсказуемым (чаще всего открыто агрессивным) поведением. Что же привлекает в таком случае женщин и жен? Возможно, именно эта непредсказуемость и открытость в разнообразных эмоциональных проявлениях кажутся им лучше, чем скрытая (как у многих,

Рис. 6. Средние показатели частоты встречаемости различных типов семейного и внесемейного воспитания осужденных в разных группах испытуемых

не состоящих на учете) или явная психопатизация (у осужденных с диагнозом).

На рисунке 6 представлена частота встречаемости различных типов семейного воспитания осужденных разных групп испытуемых по характеру наличия полной семьи, неполной или же внесемейного воспитания близкими или не самыми близкими родственниками, при отсутствии родственников в детских домах.

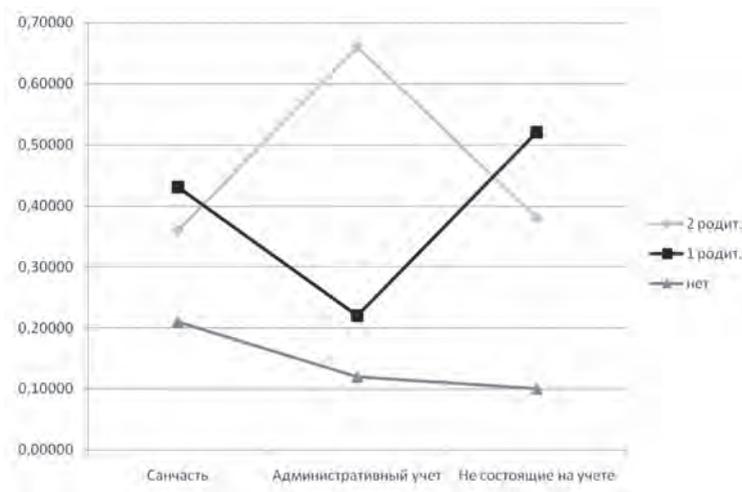
По рисунку 6 видно, что осужденные, имеющие диагноз психопатические «расстройства личности», только в 30% случаев воспитывались в полной семье, в то время как представители двух других исследовательских групп в 60% ($p \leq 0,000$).

Не вдаваясь в сугубо медицинский вопрос о том, является ли психопатия врожденным или приобретенным заболеванием, можно с уверенностью утверждать, что неполная семья, по меньшей мере, ведет к скорейше-

му проявлению болезни и формированию психопатоподобных черт личности. Рисунок 6 показывает, что социально-демографическими факторами, стимулирующими последующие психопатические проявления личности в форме личностного расстройства, являются воспитание не родителями, а родственниками и воспитание в детских домах.

Что касается собственно семейного воспитания, то его роль в общей конвергенции социально-демографических и социально-психологических факторов развития психопатизации личности хорошо видна на рисунке 7.

Чаще всего в полных семьях воспитывались осужденные, состоящие на административном учете (демонстранты, нарушители), соответственно реже всего они воспитывались кем-то одним из родителей (табл. 1). Напротив, осужденные, не состоящие на учете (по мере развития нашего анализа они все более представляли как личности, активно

Рис. 7. Средние показатели частоты встречаемости различного типа семейного воспитания осужденных в разных группах испытуемых

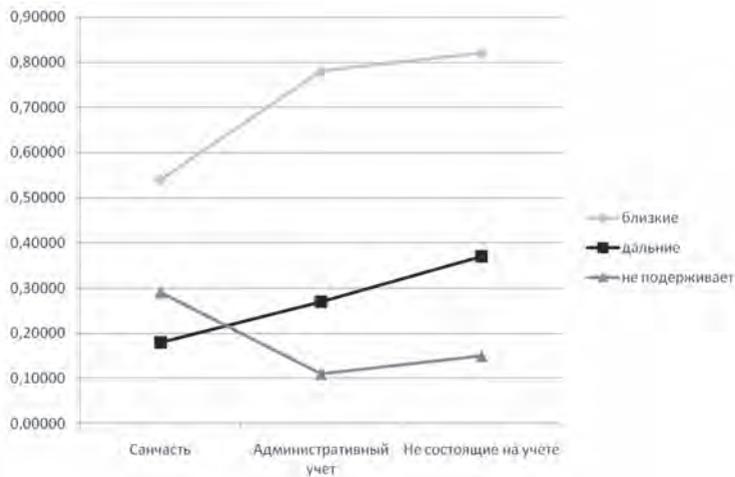
подавляющие психопатоподобное поведение), чаще воспитывались кем-то одним из родителей. Этот факт, на наш взгляд, имеет и то простое объяснение, что воспитание в полной семье, с гораздо большей вероятностью предполагающее внимательное и чуткое отношение к ребенку, часто доходящее до простого балования, создает стереотип ожидания такого отношения к себе и во взрослой жизни. Когда же человек сталкивается с ожесточенным отношением к себе, он срывается, что и ведет к постановке на административный учет.

Беседы с осужденными показали, что для многих из них, поставленных на административный учет, этот момент является поворотным в основной период отбывания наказания, они быстро меняют свое поведение и в дальнейшем никаких психопатоподобных проявлений не демонстрируют. Однако для существенной части этих лиц постановка на учет ведет лишь к развитию психопатоподобного поведения и нередко — к дальнейшей постановке диагноза. Чаще они так и остаются на учете, потом попадают в камеру, переводятся в строгие условия

Таблица 1

Значимость различий средней частоты встречаемости полной и неполной семьи в разных группах испытуемых

	Санчасть/ административный учет	Санчасть/не состоящие на учете	Административный/ не состоящие на учете
2 родителя	0,0000	нет	0,0001
1 родитель	0,0014	нет	0,0000
Нет родителей	нет	0,0317	нет

Рис. 8. Средние результаты поддержания семейных отношений осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы

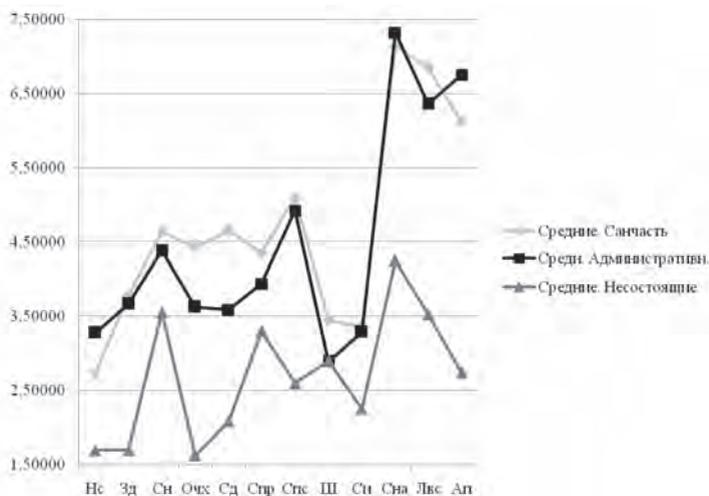
содержания. Есть ли у кого-то из них диагноз личностного расстройства или нет, сказать трудно, но проявление психопатоподобных черт очевидно.

Осужденные, воспитанные одним родителем или вне семьи, еще в днтстве научились подавлять свои психопатоподобные проявления, что не означает отсутствия у них соответствующих личностных черт, которые при определенных условиях могут привести к поведенческому взрыву. Именно с этой точки зрения осужденные, не состоящие на административном (и клиническом) учете, требуют более тщательного психологического мониторинга психопатоподобных черт личности, чтобы избежать их неожиданных проявлений.

Рисунок 8 иллюстрирует степень поддержания контактов осужденными с родственниками по их анкетным оценкам.

В ходе исследования выяснилось, что в целом с близкими родственниками от-

ношения поддерживают все три группы осужденных, но существенно выше показатели у тех, кто не состоит на учете или состоит на административном учете (около 80%). Состоящие на учете в санчасти поддерживают отношения с близкими родственниками приблизительно лишь в 50% случаев. Осужденные этой группы также меньше всего поддерживают отношения и с дальними родственниками. Таким образом, наиболее активны в отношениях с родственниками осужденные, не состоящие на учете (рис. 8). Это говорит об их большей ориентации на ресоциализацию после освобождения в опоре на родственные связи. Сам по себе этот рычаг может и должен использоваться воспитательными и психологическими службами в исправительной работе с осужденными. Для нас же здесь важно то, что этот факт снова говорит не об отсутствии, а, скорее, о подавлении психопатоподобных черт личности. В какой мере они выражены в раз-

Рис. 9. Средние показатели по методике ОНЛ в разных группах осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы

ных группах испытуемых, мы скоро увидим.

В качестве промежуточного можно сделать вывод о том, что проведенный анализ в самом общем виде демонстрирует нам конвергенцию социально-демографических, социально-психологических и индивидуально-психологических факторов как общей причины психопатизации личности в период отбывания наказания в местах лишения свободы. Первая группа факторов представлена особенностями воспитания и развития личности и уровнем образования. Вторая — самим фактом отнесения к той или иной исследуемой группе. Следует заметить, что представители всех трех групп в местах лишения свободы связаны жесткими правилами социального поведения и общения. Например, человек с диагнозом расстройства личности автоматически оказывается в определенной изоляции (если, конечно,

он не является тонким симулянт, что, впрочем, скоро становится известным оперативному отделу). В результате круг общения этих осужденных узкий или они оказываются в одиночестве, замыкаются в себе (что и проявилось в статистике отношения с родственниками).

Осужденные, состоящие на административном учете, могут играть разные роли, но всегда специфические с позиций социально-психологических мнений и установок криминального сообщества (тем более администрации): начиная от прибалтанных, зарабатывающих авторитет, либо, напротив, нарушителей-дурачков и заканчивая артистами и клоунами. Любая из этих ролей накладывает отпечаток на межличностное общение осужденных этой исследовательской группы. Наконец, не состоящие на учете обычные осужденные — «мужики» также специально регулируют свой круг общения, стараясь его беречь (так

Таблица 2

Наличия и уровень значимости различий средних значений по шкалам методики ОНЛ в разных группах испытуемых осужденных

	Санчасть/административный учет	Административный учет/ не состоящие на учете	Санчасть/ не состоящие на учете
Нс: Неуверенность в себе	нет	0	0
Зд: Зависимость от других	нет	0,0001	0
Сн: Склонность к насилию	нет	нет	0,0038
Очх: Отрицательные черты характера	нет	0	0
Сд: Склонность к депрессии	нет	0,0041	0
Спр: Склонность к паранойе	нет	нет	нет
Спс: Склонность к психозам	нет	0	0
Ш: Шизофрения	нет	нет	нет
Си: Склонность к истерии	нет	нет	0
Сна: Склонность к нарциссизму	нет	0	0
Лвс: Линия владения собой	нет	0	0
Ап: Антисоциальное поведение	нет	0	0

называемые семейники — малые группы по землячеству или интересам), ведут себя строго «по понятиям» и стараются не вступать в конфликты с администрацией.

Третья группа факторов — индивидуально-психологические — в этой части исследования представлена лишь косвенно, например в отношении к родственникам, уровню образования. Нам еще только предстоит детально исследовать этот вопрос. При этом мы исходим из того, что в той или иной мере психопатизация личности присуща

каждой из исследуемых групп испытуемых осужденных, однако имеет качественно и количественно различные формы выражения. В частности, проведенный анализ позволил нам предположить, что в группе осужденных, не состоящих на учете, психопатоподобные черты личности подавляются и контролируются личностью, но они существуют. Обратимся к эмпирическим данным психодиагностических исследований. На рисунке 9 приведены средние показатели по шкалам методики «Опросник нарушений личности» (ОНЛ), кото-

рая широко используется психологами в пенитенциарных и лечебных учреждениях Германии.

Данные таблицы 2 показывают, что осужденные, состоящие на административном учете, проявляют в точности те же самые нарушения личности, что и осужденные, имеющие диагноз расстройства личности (психопатия). Статистические различия между этими группами отсутствуют.

Отсутствуют различия между осужденными, состоящими на административном учете, которые, как мы видели, по данному опроснику являют нам личность, нарушенную точно так же и практически в той же степени, как и осужденные, имеющие медицинский диагноз расстройства личности, и осужденные, не состоящие на учете, не различаются по таким показателям, как склонность к насилию, паранойе, шизофрении и истерии. Таким образом, можно считать доказанным тот факт, что данные осужденные не поставлены ни на какой учет в исправительном учреждении, хотя это не означает отсутствия у них психопатоподобных нарушений личности. Речь, очевидно, идет лишь о большем самоконтроле поведения. Более того, по таким показателям, как склонность к паранойе и шизофрении, осужденные, не состоящие на учете, ничем не отличаются от осужденных, имеющих психиатрический диагноз. С теоретической точки зрения это означает, что осужденные, не состоящие на административном учете (как нарушители), проявляют меньше поведенческих нарушений личности (таких, например, как антисоциальное поведение или склонность к нарциссизму) и больше глубинных (паранойя, шизофрения).

Литература

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. — М.; Воронеж: Ин-т пр.т. психологии; МОДЭК, 1997. — 352 с.
2. Сочивко Д.В. Психодинамическая модель «эмоционально-волевого двигателя» в человеческом поведении // Математическая психология: школа В.Ю. Крылова. — М.: ИПРАН, 2010.
3. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Психодинамика личности осужденных за убийства // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.
4. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умысленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 29.
5. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216.
6. Антонян Ю.М., Верещагин В.А. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Гос-во и право. — 1999. — № 11. — С. 44–50.
7. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. — СПб., 2004.
8. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие / А.М. Столяренко [и др.]; под ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 639 с.
9. Пастушенина А.Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 46–55.
10. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1898.
11. Соколов И.С. Неблагополучная семья — криминогенный фактор детской и подростковой преступности // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 94–100.
12. Молоствов А.В. Социально-психологические особенности личности осужденных женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 55–62.
13. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от "А" до "Я"» / под общ. ред. Д.В. Сочивко // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 193.
14. Рябов В.Б. Подход к нормативной модели субъективного восприятия качества трудовой жизни // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007. — Вып. 4. — С. 128–141.
15. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

А. М. Киселев

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования психологической готовности отдельных сотрудников, руководителей органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и возглавляемых ими коллективов к действиям в экстремальных ситуациях. Раскрываются условия, компоненты и особенности психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы при действиях в условиях сложной оперативной обстановки.

Ключевые слова: экстремальные ситуации, психологическая готовность, сотрудники, руководители пенитенциарных органов и учреждений, подразделения уголовно-исполнительной системы, компоненты и специфика формирования психологической готовности.

Summary: This article deals with a problem of formation of psychological readiness of certain employees, administration of penal bodies and establishments and penal staff to actions in extreme situations, and reveals conditions, components and peculiar features of psychological readiness of penal staff and units of penal system to actions in a difficult operational situation.

Keywords: extreme situations, psychological readiness, penal staff, administration of penal bodies and establishments, units of the penal system, components and specificity of formation of psychological readiness.

Обострение социально-политических, экономических, национальных, территориальных и религиозных противоречий, чрезвычайные ситуации техногенного, природного и экологического характера осложняют условия выполнения служебных задач персоналом уголовно-исполнительной системы России [2, 3, 4, 5, 8]. Эти условия предъявляют высокие требования как к отдельным сотрудникам, так и к органам и учреждениям, их психологической готовности для действий в данных обстоятельствах. Эффективность указанных действий во многом определяется наличием навыков профессионального взаимодействия, а также формированием психологической готовности личного состава, что составляет основу успешного решения служебных задач [1, 17, 18, 19].

На состояние готовности сотрудников оказывают влияние и те конкретные условия, в которых осуществляется их профессиональная деятельность. К числу внешних и внутренних условий, характеризующих психологическую готовность сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях, следует отнести: содержание задач, их трудность, новизну, творческий характер; обстановку, в которой осуществляется деятельность, пример поведения окружающих; самооценку собственной подготовленности; предшествующее нервно-психическое состояние; состояние здоровья и физи-

ческое самочувствие; личный опыт мобилизации сил на решение задач большой трудности; умение контролировать и регулировать уровень своего состояния психологической готовности; умение самонастраиваться, создавать оптимальные внутренние условия для предстоящей деятельности в сложных условиях обстановки.

Наши исследования показали, что для возникновения состояния психологической готовности к сложным видам деятельности необходимо:

- осознание целей, решение которых приведет к удовлетворению потребностей или выполнению поставленной задачи;

- осмысление и оценка условий, в которых будут протекать предстоящие действия, актуализация опыта, связанного в прошлом с решением задач и выполнением требований подобного рода;

- определение на основе опыта и оценки предстоящих условий деятельности наиболее вероятных и вспомогательных способов решения задач или выполнения требований;

- прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата;

- мобилизация сил в соответствии с условиями и задачей, самовнушение в достижении цели [8, с. 168].

В итоге сотрудник настраивается на определенное поведение, на совершение действий, необходимых для достижения поставленной цели; готовит, если необходимо, материальную базу для выполнения задачи, а если условия дости-

жения цели зависят в какой-то мере от него самого — создает эти условия, а также совершает подготовительные действия, пополняет недостаток информации, проводит упражнения, тренировки, рисует схемы возможного разворачивания событий и т. д.

С началом практических действий внимательно следит за изменением обстановки, оценивает адекватность своих действий, модель которых он построил заранее, стремится не упустить оптимальных условий и средств, ведущих к достижению цели, сознательно управляет собой. Таким образом, состояние психологической готовности к действиям в экстремальных ситуациях имеет сложную динамическую структуру и включает в себя следующие компоненты:

- мотивационный (ответственность за выполнение задач, чувство долга);

- ориентационный (знания и представления об особенностях и условиях деятельности);

- операциональный (владение способами и приемами деятельности, необходимыми знаниями, навыками, умениями, процессами анализа, синтеза, сравнения, обобщения и др.);

- волевой (самоконтроль, самомотивация, умение управлять действиями, из которых складывается выполнение обязанностей);

- оценочный (самооценка своей подготовленности и соответствия процесса решения служебных задач оптимальным образцам).

Достаточная развитость и выраженность этих компонентов и их целостного единства является, на наш взгляд, показателем высокого уровня психологической готовности сотрудника, его активности, самостоятельности, творчества

в процессе деятельности в экстремальных ситуациях. Их недостаточная развитость и выраженность свидетельствуют об известной неподготовленности, незавершенности формирования готовности, о ее средних или низких уровнях [6, 7, 9, 10, 20].

Остановимся на некоторых особенностях психологической готовности коллектива (органа, учреждения, отдела, службы) УИС России и его руководителя (начальника).

Готовность — это первичное фундаментальное условие успешного выполнения любой деятельности. Возникновение состояния психологической готовности к деятельности в экстремальной ситуации начинается с постановки цели на основе потребностей и мотивов (или осознания коллективом и руководителем поставленной перед ними задачи). Далее идет разработка плана, установок, моделей, схем предстоящих действий.

Затем руководитель приступает к воплощению появившегося состояния готовности в предметных действиях, применяет определенные средства и способы деятельности, сравнивает ход выполняемой задачи и ее промежуточные результаты с намеченной целью, вносит коррективы. Причем анализ ситуации, решение, развитие замысла, эмоций, проявление и изменение готовности определяются прежде всего доминирующим мотивом, который обеспечивает необходимую длительность и направленность активности. Существенно и другое. В создании, сохранении и восстановлении состояния готовности решающую роль играет то, что она связана с различными сторонами личности руководителя. Вне реально существую-

щих связей с другими характеристиками психической деятельности состояние готовности теряет свое содержание.

Состояние психологической готовности личности руководителя к деятельности в экстремальной ситуации следует понимать как сложное образование. Оно имеет динамическую структуру, между компонентами которой существуют функциональные зависимости. Стремясь выполнить поставленную коллективу задачу, руководитель в практической деятельности на основе внутренней активности (биологической, физиологической и психической) реализует определенную цель. Обычно он реализует две группы своих возможностей: неспецифические и специфические, которые являются слагаемыми его готовности к деятельности в экстремальной ситуации.

Неспецифические возможности характеризуются активным применением средств и способов, общих для решения многих задач, поддержанием внутреннего равновесия, мобилизацией своего опыта, чувств, воли для решения сложных, неординарных задач. В этом важное проявление общей активности и целостности личности руководителя.

Специфические возможности как слагаемые готовности выражаются в особом профессионально заостренном развитии устойчивых качеств и свойств личности руководителя (направленности, характера, способностей, уровня притязаний и др.), а также такой их актуализации, которая бы строго соответствовала требованиям решения служебных задач в условиях экстремальной ситуации.

Неспецифические и специфические возможности руководителя находятся в

диалектической взаимосвязи с готовностью к деятельности возглавляемого им коллектива.

Психологическая готовность коллектива — не прямое следствие, не механическая сумма готовности отдельных его членов. Помимо мобилизации индивидуальных качеств, нужно привлечь на выполнение задачи общественное мнение, традиции коллектива, создать общую установку и коллективное настроение. Общий успех является итогом не отдельно взятых индивидуальных, а совместных и согласованных действий многих людей. Коллективный результат базируется на правильном восприятии и представлении всеми участниками хода решения задачи, взаимопонимании, взаимоуверенности, взаимном доверии, сплоченности, навыках взаимодействия. Следовательно, содержание и структура готовности коллектива раскрываются в общей целеустремленности, направленности его умственных, эмоциональных и волевых проявлений мастерства и установок на четкое и полное выполнение служебных задач в экстремальных ситуациях.

Известно, что объединение людей для совместной деятельности порождает взаимовлияние, подражание, внушение, соревнование, стремление к самоутверждению, симпатии, антипатии, взаимные оценки, авторитеты и т. п. Все эти социально-психологические явления оказывают влияние на психологическую готовность не только отдельных членов, но и целого подразделения. Например, если тот или иной человек равнодушен к общему успеху и стремится к успеху личному, то это может отрицательно сказаться на общем ритме работы коллектива, вызвать несогласован-

ность в действиях, что особенно опасно при выполнении задач в экстремальных ситуациях.

Таким образом, здоровый морально-психологический климат, чувство уверенности, взаимопонимание, уважение и доброжелательность друг к другу, взаимная требовательность и взаимозаменяемость составляют необходимые предпосылки психологической готовности коллектива к деятельности в экстремальных ситуациях, создания общей установки на успешное выполнение стоящей задачи, слаженности и согласованности действий [12, 13, 14, 15].

Вместе с тем спаянность, дисциплина, профессиональная выучка, сознательность и стойкость коллектива способствуют формированию и сохранению психологической готовности каждого его члена к активным действиям в сложной оперативной обстановке и в экстремальных ситуациях [11, 16].

Литература

1. Бобкова И.Е. Особенности психологического консультирования руководителей подразделений территориальных органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 121–129.
2. Гаврина Е.Е. Психодинамика формирования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 115–123.
3. Гаврина Е.Е. Психологические особенности проявления деструктивных отклонений в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 87–95.
4. Гаврина Е.Е. Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 51–59.
5. Датиной А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

7. Душкин А.С. Компетентностный подход в кадровой политике полицейских структур зарубежных стран // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 132–143.

8. Киселев А.М. Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях: дис. ... д-ра пед. наук. — СПб.: Университет МВД России, 2009.

9. Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В. Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание: науч. журн. // Академия ФСИН России. — 2011. — № 3. — С. 11.

10. Кряклин К.В. К вопросу об актуальности изучения психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 76–78.

11. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 158–163.

12. Огородников В.И., Долинин А.Ю. Организация и специфика контроля служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 4. — С. 129–132.

13. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 8–18.

14. Пряхина М.В. Критерии оценки и психологического прогноза эффективности управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 101–107.

15. Рожков О.А. Совместный эмпирический анализ профессиональной деформации и мотивации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 71–75.

16. Сомов А.В., Мальцева Т.В. Психолого-управленческое воздействие руководителя на подчиненных в правоохранительных органах // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 125–129.

17. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

18. Тавилова Н.Н. Особенности психодинамики личностного роста сотрудников УИС в зависимости от стажа службы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 98–106.

19. Цолцаева Р.С.-М. Феномен ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 156–160.

20. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К АСОЦИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ*

Н.В. Яковлева

Аннотация: в статье представлены результаты исследования индивидуальных моделей здоровья подростков, склонных к асоциальным девиациям. Показано, что их индивидуальные модели здоровья отличаются на интра-системном, системообразующем и интeрсистемном уровнях и имеют дефор-

мацию по типу «ложной неуязвимости».

Ключевые слова: асоциальное поведение, индивидуальные модели здоровья, деформация индивидуальных моделей здоровья.

Abstract: This article presents the results of studies of individual models of adolescent health, prone to antisocial de-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ №12-16-62001.

viancy. Shown that individual health model "difficult" teenagers differ by intra-system, system and inter-system levels and have deformation type "false invulnerability".

Keywords: *antisocial behavior, individual health model, deformation of individual health models.*

В современной психологии асоциальное поведение рассматривается как наиболее часто встречающаяся форма негативной социальной девиации, характеризующаяся невыполнением или непризнанием общепринятых норм поведения: употребление алкоголя и курение в общественных местах; отказ от учебной и трудовой деятельности; нарушения нравственных норм [1, 3, 4, 5, 7, 10]. На наш взгляд, особая роль в профилактике асоциального поведения должна быть отведена изучению состояния здоровья субъекта, пониманию индивидуальных психологических механизмов его поведения. Именно поэтому в качестве действенной формы профилактики асоциальной девиации мы видим объединение усилий медицины и психологии в формировании здорового отношения к себе, окружающим, здорового образа жизни.

Область наших интересов — здоровьесберегающая деятельность личности ее особенности, свойства и механизмы [9]. Здоровьесберегающее поведение личности — фундаментальный процесс конструирования человеком социальной реальности в рамках своей витальной метакомпетентности. Здоровье воспринимается личностью как основной базовый ресурс жизни: «Я считаю себя здоровым, если уверен, что хватит сил осуществить свои жизненные планы». Индивидуальное здоровье че-

ловек соотносит не только и не столько с текущей оценкой состояния, сколько со всем жизненным путем, с возможностями реализации жизненных сил и прогнозом успешности в социуме. Такое понятие здоровья хорошо вписывается в социально-психологический контекст данного исследования. Оно созвучно содержанию социально-когнитивной теории самоэффективности Банудры, теории самодетерминации Деси и Райана, теории вынужденной беспомощности Селигмана, с современными работами по мотивации достижений [6, 8]. Индивидуальная модель здоровья — это целостная взаимосвязанная система взглядов на себя и свое здоровье, оценка своей жизнеспособности в мире; это психологический механизм жизнеобеспечения, возникающий и развивающийся в ходе жизнедеятельности и представленный в форме системы жизненного опыта личности по здоровьесбережению.

Целью исследования было выявление особенностей индивидуальной модели здоровья трудных подростков и их социально благополучных сверстников.

Для исследования индивидуальных моделей здоровья были отобраны следующие методы из психодиагностического комплекса Статус ПСИ [12]: структурированное интервью «Индивидуальная модель здоровья»; методика репертуарных решеток Дж. Келли (с авторской модификацией ролевого репертуара); методика незаконченных предложений (авторская модификация), методика «Лицо здорового человека» (ЛЗЧ).

При статистической обработке полученных психодиагностических данных мы применяли математические процедуры частотно-структурного, корреля-

Таблица 1

Структура индивидуальной модели здоровья (ИМЗ)

Уровень ИМЗ	Параметры
Интрасистемный	Общая оценка состояния своего здоровья; Эталонные представления о параметрах здоровья; Оценочные шкалы текущего уровня здоровья.
Системообразующий	Генезис индивидуальной модели здоровья; Ценностно-смысловые характеристики здоровья; Смыслы здоровья и базовые жизненные установки.
Интерсистемный	Схемы действия в проблемных ситуациях жизнеобеспечения; Стратегии и тактики здоровьесбережения.
Интегральный	Самозффективность в области здоровья

ционного, факторного, кластерного анализов, а также детерминационного анализа.

Работа проводилась на базе Центра психолого-педагогической и медико-социальной помощи детям и подросткам г. Рязани. Было исследовано 57 трудных подростков в возрасте от 12 до 15 лет (средний возраст $13,2 \pm 0,8$ года), из них 42 человека (73,6% юноши). В качестве контрольной группы были привлечены школьники, отдыхающие в детских лагерях в отрядах школьного и творческого актива (38 человек, 27 — юноши, или 71%).

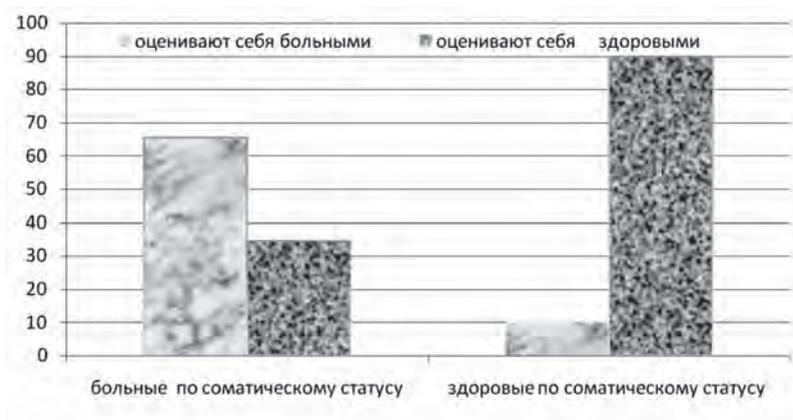
При исследовании индивидуальных моделей здоровья нами использовалась теория витальной метакомпетентности, разработанная автором [9, 10]. В контексте этой теории структура индивидуальной модели здоровья представлена тремя уровнями (табл. 1).

Интрасистемный уровень. В исследовании общей оценки своего состояния здоровья (самооценки) было выяснено, что подростки по сравнению со взрослыми существенно завышают оценку своего здоровья. И в экспериментальной, и в контрольной выборке наблюдалось смещение самооценки

здоровья в сторону ее завышения (достаточно для $p \geq 0,1$). Только 52,8% обследованных подростков по медицинским данным можно считать условно здоровыми, остальные имеют разные хронические заболевания, в том числе с выраженной клинической картиной на момент психодиагностического обследования. Более 34,5% всех опрошенных подростков считают себя здоровыми при наличии тяжелых хронических заболеваний (в том числе 16,5% — с выраженной клинической картиной), а 10,2% — больными при отсутствии заболевания. В целом самооценка здоровья подростков прямо не связана с качеством текущего состояния здоровья, а конструкты «здоровье» и «болезнь» не образуют единой когнитивной шкалы.

Сравнительный анализ экспериментальной и контрольной выборок показывает, что самооценка своего здоровья в группе трудных подростков существенно завышена (вариант «абсолютно здоров» — 66,2%). В контрольной группе социально благополучных превалирует вариант «в целом здоров» — 45,7%. (рис. 2).

В процессе исследования интрасистемного уровня индивидуальных моде-

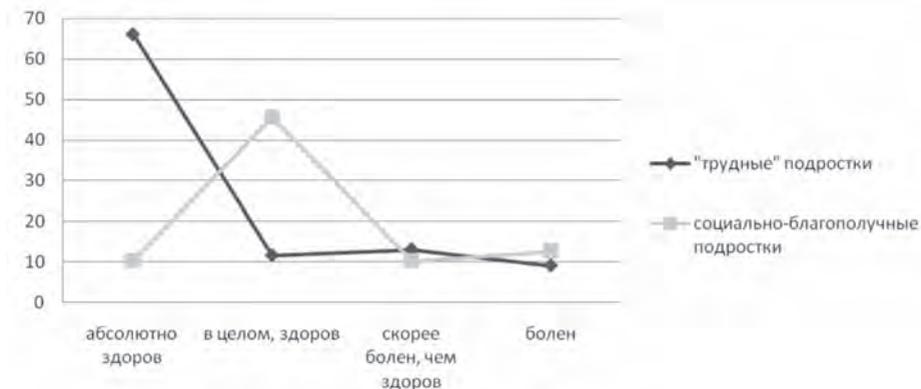

Рис. 1. Соотношение соматического статуса и самооценки здоровья в группе обследованных подростков

лей здоровья было получено более 200 эталонных характеристик.

Основные содержательные критерии, по которым люди оценивают здоровье: физический комфорт, положительный эмоциональный настрой, привлекательный внешний вид, высокая работоспособность, хорошая саморегуляция и здоровый образ жизни. Ведущие критерии здоровья подростков по вы-

боркам частично совпадали с данными по взрослой выборке (физический комфорт традиционно является базовым критерием здоровья), но при этом были и интересные различия. Так, если в группе трудных подростков эталоны здоровья смещены в область успешности социальной коммуникации (положительный эмоциональный настрой — 74,4% и высокий социально-психологический

Рис. 2. Распределение ответов по самооценке здоровья в экспериментальной и контрольной группах

Таблица 2

**Частота выбора эталонных критериев в экспериментальной
и контрольной выборках**

№ п/п	Обобщающий признак	Типовые характеристики	Трудные подростки, % выбора критерия	Социально благополучные подростки, % выбора критерия
1	Физический комфорт	Ничего не болит, хорошее самочувствие, ничего не беспокоит, нет болезненных ощущений	82,1	73,2
2	Положительный эмоциональный настрой*	Хорошее настроение, радость, оптимизм, жизнерадостность, жизнелюбие	74,4	46,7
3	Высокая работоспособность*	Энергичность, активность, хорошая работоспособность, малая утомляемость, выносливость	45,3	68,2
4	Высокий социально-психологический статус	Авторитет, дружелюбие, привлекательность, открытость, общительность	62,3	57,4
5	Хорошая саморегуляция	Спокойствие, умение не застревать на проблеме, уравновешенность	34,5	49,1
6	Здоровьесберегающее поведение	Здоровый образ жизни, придерживается диеты, занимается спортом, нет вредных привычек	5,4	15,8

статус — 62,3%), то в контрольной выборке эталон был смещен в область деятельности достижений (высокая работоспособность — 68,2%, хорошая саморегуляция — 49,1%). Для подростка с асоциальными девиациями здоров тот, у кого ничего не болит, хорошее настроение и авторитет в своей среде. Соотнося эти данные с результатами исследования социальной адаптированности трудных подростков (конфликт с окружением, эмоциональный дискомфорт), можно отметить, что в индивидуальную модель здоровья включены актуальные проблемные ситуации жизнеобеспечения. Для социально благополучного подростка — это человек, который умеет ставить цели и их достигать (табл. 2).

Методика «Лицо здорового человека» позволила определить социально-перцептивные критерии здоровья. По результатам исследования экспериментальной выборки установлено, что испытуемые считают изображенных мужчин здоровыми в 1,7 раза чаще, чем женщин; молодых людей (в возрасте до 25 лет) — в 2,7 раза чаще, чем представителей более старших возрастных категорий. На наш взгляд, данные результаты подтверждают тезис о завышении самооценки здоровья и роли социального статуса в оценке трудными подростками здоровья других людей.

Если социально благополучные подростки демонстрировали высокую компетентность в дифференциации изобра-

Рис 3. Коммуникативно открытые и коммуникативно закрытые лица (методика «Лицо здорового человека»)

жений, то трудные — не отличились подобными умениями. При определении здоровья у социально благополучных важным критерием была диагностика коммуникативных качеств изображенного лица: чем более открытым, расположенным к общению человек выглядел, тем чаще ему приписывалось здоровье. Социально-перцептивными признаками здоровья являлись улыбка, направление взгляда. Улыбающееся лицо практически всегда в оценивалось как образ здорового человека. Если человек на фотографии смотрел прямо в камеру, его изображение гораздо чаще определялось как здоровое (63,8 %) (две фотографии слева на рис. 3). Как признак нездоровья интерпретировался взгляд в сторону (78,8 %) или исподлобья (82,1 %) (две правые фотографии на рис. 3).

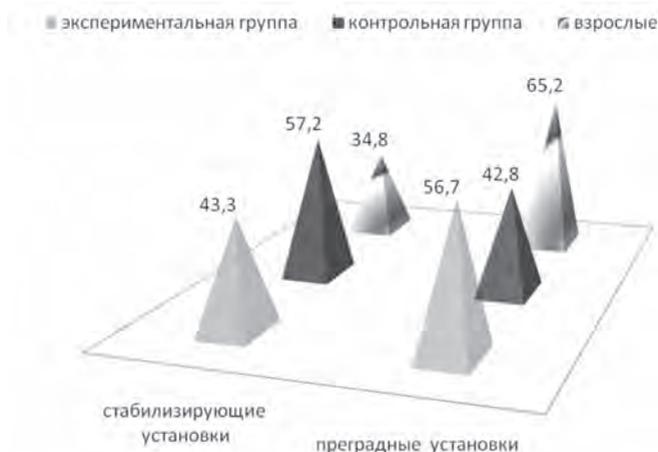
Для трудных подростков оценка лица проходила формально: здоровье приписывалось по половому и возрастному признаку. Улыбка часто воспринималась как маска, скрывающая проблемы, либо оценивалась как признак неадекватного состояния человека («Чего она смеется? Наверное, пьяная...» и т. п.).

В целом результаты исследования социально-перцептивных признаков здоровья согласуются с данными ана-

лиза эталонных критериев здоровья, выявленными в ходе структурированного интервью «Индивидуальная модель здоровья»: эталонная модель здоровья подростка отражает не только характеристики самочувствия, но и социальный контекст его жизни, концепцию общего жизненного успеха.

Системообразующий уровень. Активное смыслообразование в области здоровья возникает при столкновении человека с жизненными ситуациями, в которых возникает риск угрозы жизни или существенный физический дискомфорт. Именно поэтому в ходе структурированного интервью мы выясняли наличие жизненных событий и обстоятельств, которые могли бы повлиять на отношение к здоровью.

Почти треть обследованных подростков (31,3 %) отметили, что на отношение к здоровью повлияли переживания по поводу тяжелой болезни членов семьи, 9,5 % — своей болезни. Как правило, на формирование отношения к здоровью подростка влияет «история болезни семьи» (в сумме — 40,8 %). Во взрослой выборке этот показатель значительно выше и достигает 75,1 % [9, 12]. Достоверных различий между экспериментальной и контрольной выборкой по па-

Рис. 4. Частота встречаемости стабилизирующих и преградных смысловых установок в области здоровьесбережения

раметру «генез отношения к здоровью» выявлено не было.

Не было выявлено различий и в содержании ценностно-смысловых характеристик здоровья. Практически у всех подростков конструкт «Здоровье» наиболее тесно связан с когнитивным конструктом «Достижение». Вместе они образуют оценочную шкалу «Успешность», которая присутствует в когнитивном поле наравне со шкалами «Жизнь», «Счастье». Данный результат исследования особенно важен в определении коррекционных мишеней воздействия в тренинге здоровья. В целом конструкт «Здоровье» слабо интегрирован в систему жизненных ценностей подростка.

У подростков здоровье, безусловно, попадает в разряд инструментальных ценностей, необходимых для достижения ведущих жизненных целей. Здоровье не самоцель, но условие успешной жизни. Выделение здоровьесознания и здоровьесбережения в качестве веду-

щих факторов, определяющих специфику смысловой регуляции здоровья, эффективное для других выборок, в данном исследовании не принесло желаемого результата [2, 9, 13]. Вес этих факторов был значительно меньше: «Здоровьесознание» — 0,167234; «Здоровьесбережение» — 0,098451.

В отличие от взрослых, стабилизирующие установки в области здоровья у подростков были представлены более существенно. Особенно наглядно это проявилось в контрольной группе. У трудных подростков преобладали преградные смысловые установки. Типичные проявления преградной установки в области здоровьесбережения: «здоровье не позволяет мне осуществить свою мечту; если бы здоровье позволяло, я бы активнее занялся спортом... учился в школе... вел более веселый образ жизни... лучше бы общался... был богаче... для здоровья я должен бросить вредные привычки...». Таким образом, в экс-

периментальной группе здоровьесбережение чаще оценивается как торможение других видов активности, чем самостоятельная целенаправленная деятельность (рис. 4).

В целом на системообразующем уровне индивидуальных моделей здоровья наблюдаются инструментализм и низкая интеграция ценностей в области здоровья. Это отражает общие закономерности развития смысловой сферы личности и придает специфические особенности индивидуальным моделям здоровья подростков. Практически не было выявлено достоверных различий между трудными подростками и их социально благополучными сверстниками. Исключение составляет специфика смысловых установок в области здоровьесбережения. Однако факторный вес этой смысловой группы в общей системе ценностей подростков очень мал.

Интрасистемный уровень. В результате исследования было выяснено, что набор образцов здоровьесберегающего поведения в индивидуальном сознании подростков невелик и достаточно стереотипен. Наиболее встречаемые и социально стереотипные варианты оздоровления: отказ от вредных привычек, избирательность в пище, ритмичность и продолжительность сна, система физических упражнений. При этом подростки практически не видят в этих способах того, что могло бы быть эффективным для него лично. Испытуемые экспериментальной и контрольной групп не осведомлены об индивидуальных комплексных программах оздоровления, никогда не пытались их разработать самостоятельно или с помощью специалистов. Они недооценивают роль медицинских работников и переоценивают

роль ближайших родственников (в первую очередь, матери) в тактике лечения и реабилитации.

Таким образом, в области информированности о стратегии и тактике здоровьесбережения наблюдается преобладание социальных стереотипов. В схемах действия в проблемных жизненных ситуациях, связанных со здоровьем, ведущая роль отдается ближайшему окружению, а не специалистам.

Интегральный уровень. У подростков экспериментальной группы выявлена низкая самооценочность в области здоровья. Склонные к асоциальному поведению, они не верят, что обладают достаточными способностями, личностным потенциалом, опытом и знаниями для эффективного управления своим здоровьем. При этом их самооценка в области здоровья значительно завышена по сравнению с другими группами испытуемых. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с механизмом психологической защиты личности. Оценивая свое здоровье как очень хорошее, подросток защищает себя от страхов и чувства беспомощности, возникающих при угрозах здоровью. Как показало исследование, референтными лицами в области здоровьесбережения для подростков чаще всего являются члены семьи. Ухудшение отношений с родственниками запускает действие защитного механизма: усиливает чувство беспомощности и еще больше завышает самооценку здоровья. В результате у трудных подростков возникает деформация индивидуальной модели здоровья в форме ложной неуязвимости. Эта деформация, безусловно, требует клинико-психологической коррекции.

Выводы

1. Индивидуальные модели здоровья трудных подростков имеют специфические особенности, которые могут быть мишенями коррекционной работы в области здоровьесбережения.

2. На интрасистемном уровне моделей здоровья трудных подростков наблюдается завышение самооценки в области здоровья, значительное влияние социального контекста и концепции жизненного успеха на эталонные представления о здоровье.

3. Для системообразующего уровня данных моделей здоровья характерны инструментализм и низкая интеграция ценностей в области здоровья.

4. Интерсистемный уровень индивидуальных моделей здоровья трудных подростков отличается преобладанием социальных стереотипов в стратегиях и тактиках здоровьесбережения.

5. Специфичной особенностью интегрального уровня изучаемых моделей здоровья является деформация индивидуальной модели здоровья по типу ложной неуязвимости.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология. — М., 2003. — 288 с.
 2. Зоткина М.Н., Жаднов В.А., Яковлева Н.В. Характеристика личностно-мотивационных особенностей у больных с цереброваскулярными заболеваниями // Образование и наука на XXI век: материалы за 8-а Междунар. науч.-практ. конферен-

ция. — Т. 33: Психология и социология. — София, 2012. — 80 с.

3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. — М., 2001. — 160 с.

4. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: руководство для врачей. — М., 1981. — 607 с.

5. Костяк Т.В. Границы формирования индивидуального стиля социализации детей и подростков [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2009. — № 6(8). URL: <http://psystudy.ru>

6. Майерс Д. Социальная психология. — М., 2005. — 794 с.

7. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психолог. журн. — 1987. — Т. 8. — № 4. — С. 92–102.

8. Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. — Ч. 5: Психология здоровья: социально-психологическая перспектива. — М., 2004. — С. 502–540.

9. Яковлева Н.В. Витальная метакомпетентность личности. Теория и практика психологических исследований здоровья. — Рязань, 2012. — 385 с.

10. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

11. Яковлева Н.В. Коррекция здоровьесберегающего поведения как направление коррекции асоциального поведения // Problems of modern philology, pedagogics, and psychology: materials digest of the XXV International Scientific and Practical Conference and the II stage of Research Analytics Championship in pedagogical and psychological sciences and the I stage of the Championship in philological sciences. — London, 2012. — P.160–163.

12. Яковлева Н.В. Психодиагностический комплекс «Статус ПСИ»: рабочие тетради, тесты, интерпретация. — Рязань, 2007. — 231 с.

13. Яковлева Н.В., Уланова Н.Н. Этнопсихологическое исследование индивидуальных моделей здоровья студентов медицинского вуза // Dynamika naukowych badań — 2012: materiały VIII Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji. — Vol. 16. Psychologia i socjologia Politologia. — Przemysł: Nauka i studia, 2012. — S. 44–47.

ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ

Е. Л. Сучкова

Аннотация: в статье рассматриваются особенности морально-правовых представлений осужденных; дан сравнительный анализ ценностно-нормативных оснований приемлемости (допустимости) правонарушающего поведения, характерных для групп осужденных и законопослушных граждан; выявлены и описаны гендерные различия в оценках допустимости совершения преступлений в правовых ситуациях.

Ключевые слова: мораль, право, морально-правовые представления, осужденные, правонарушающее поведение.

Summary: the article examines peculiarities of moral and legal notions of convicts. It contains a comparative analysis of value- and regulatory-based grounds for the acceptability (permissibility) of delinquent behavior in groups of convicts as and law-abiding citizens. It also reveals and describes gender differences in the assessment of permissibility to commit a crime in legal situations.

Keywords: morality, law, moral and legal notions, convicts, delinquent behavior.

Этикоцентризм, будучи основанием российского права, сформировал понимание права как дополнения нравственности, в силу чего в российской правовой культуре и правосознании феномен права превратился в способ правового обеспечения запретов, в орудие осуществления государственного насилия. Подчеркивание трансцендентного смысла морали, установки на об-

условленность человеческого поведения нравственностью и моральной саморегуляцией, неприятие рациональных форм и формализации права, акцентирование запретительной природы права как средства насилия и принуждения привели к дефициту правосознания в национальном сознании, что получило выражение в интерпретации права как дополнения нравственности [3, с. 29].

В правосознании россиян наблюдается разграничение понятий «законность» и «нравственность», вследствие чего законы не воспринимаются как рациональные и справедливые. Ориентация на моральные нормы является компенсаторным механизмом законопослушности, когда в качестве правовых норм выступают нормы морали [1, с. 16, 17]. Ориентированность на специфические моральные нормы ведет к отрицанию ценности юридических законов, пренебрежительному отношению к правовым институтам.

Рассматривая общие и специфические черты морали и права как регуляторов социальных отношений, О.Э. Лейст отмечает, что они служат одной цели — поддержанию общественного порядка, создающего условия для воспроизводства существующих отношений и ненасильственного решения социальных конфликтов (созданию «замиреной среды»), но эта цель достигается ими по-разному. Право ориентировано на общественные отношения, которые можно формально определить для охраны и воспроизводства, и целями его реали-

зации выступают сохранение и поддержание правопорядка. Общей целью морали является воспитание добропорядочной и добродетельной личности [2, с. 174, 175].

О.Э. Лейст выделяет два важных аспекта соотношения права и морали. Во-первых, социальная роль права по поддержанию общественного порядка резко возрастает в периоды падения нравственности, морального разложения из-за разнообразных социальных конфликтов, разрушающих единство общества. Во-вторых, лица, хорошо воспитанные в моральном отношении, гораздо реже совершают преступления [2, с. 193].

Анализируя нравственное состояние современного российского общества, А.В. Юревич приходит к выводу о том, что разрушены или существенно деформированы нравственные нормы, регулирующие как общесоциальные, так и межличностные отношения. Для современного российского общества характерно подчеркнутое игнорирование общепринятой морали и окружающих и даже умышленное нанесение вреда последним [9, с. 110]. В ситуации стремительной нравственной деградации российского общества становится совершенно очевидным то, что уровень развития морального сознания большинства населения уже не в состоянии компенсировать неразвитое правовое.

Таким образом, существующая в правосознании россиян тесная взаимосвязь моральных и правовых представлений порождает ряд серьезных проблем. С одной стороны, моральное регулирование поведения человека в правовой ситуации — это хорошо. Многие исследователи (и мы с ними согла-

симся) считают, что опора на нравственный закон (внутренний закон совести) является позитивной основой российского правосознания. С другой стороны, моральные представления о «должном» реагировании в той или иной правовой ситуации могут существенно различаться у представителей разных социальных общностей. То, что еще недавно было аморальным, становится привычным и повсеместно распространенным, а отсутствие ориентации населения на моральные и правовые нормы приводит к тому, что компенсаторный механизм законопослушности не срабатывает.

В ходе исследования по изучению содержания морального сознания представителей различных социальных групп А.А. Хвостовым были получены данные о том, что преступники далеко не всегда понимают, чего от них ждет общество и как они должны поступать. Они, скорее всего, ориентируются на внешние формы поведения, хорошо осознавая, что запрещено, а что разрешено в конкретных ситуациях. Но моральная основа таких действий им, видимо, непонятна, поэтому они поступают так, как принято, а в неопределенных вопросах полагаются на собственные соображения о добре и зле и в средствах особенно не церемонятся. Следовательно, можно говорить о том, что у осужденных ослаблен нравственный (внутренний) контроль, который препятствует возникновению мотивов преступного поведения. Преступники в целом меньше осуждают позицию «цель оправдывает», тогда как законопослушные однозначно против нее, и свободы в самоопределении осужденные допускают явно больше, чем законопослушные граждане, полагая, что

каждый сам вправе решать, что хорошо, что плохо [7, с. 350].

Подобные моральные взгляды обуславливают личностную приемлемость определенного преступного способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. А.Н. Пастушеня отмечает, что «такая приемлемость выражает преобладающе положительную представленность преступного способа в психическом мире личности. Эта представленность может проявляться в том, что субъект видит прежде всего положительные стороны криминального способа (быстрый, легкий, доступный, результативный, единственно возможный и т. п.) и не придает определяющего значения его отрицательным последствиям» [4, с. 34].

Изучение содержания морально-правовых представлений как элемента правосознания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, помогло бы понять механизмы принятия решений в правовых ситуациях, что особенно важно для пенитенциарных психологов, осуществляющих психологическое сопровождение деятельности по исправлению и ресоциализации осужденных. Все это обусловило значимость изучения заявленной проблемы и предопределило цель нашей работы.

Мы провели исследование с целью найти ответы на следующие вопросы: какие формы поведения и поступки осужденные считают для себя недопустимыми, а какие — важными и обязательными в ситуациях совершения общественно опасных деяний, запрещенных УК РФ под угрозой наказания; чем руководствуются преступники — нормами права, нормами морали или житейскими соображениями (здравым смыс-

лом)? Нами было сделано предположение о том, что осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, будут так же, как и законопослушные граждане, апеллировать в указанных правовых ситуациях не к закону, а к морали и житейским соображениям, но при этом они будут чаще ориентироваться на субъективные моральные суждения, оправдывающие асоциальные поступки необходимостью защитить собственные интересы. Ставилась задача сравнить оценку допустимости совершения преступления в указанных ситуациях осужденных и законопослушных граждан с учетом гендерной принадлежности.

Респондентам предъявлялись описания ситуаций совершения наиболее распространенных уголовных преступлений (по УК РФ): приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228); убийств (ст. 105); краж (ст. 158); умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111); грабежей (ст. 161). Описания содержали типичные способы самооправдания, выявленные в ходе изучения представлений лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, об обстоятельствах совершенных ими преступлений [6, с. 66, 67]. Приемлемость (допустимость) поведения в ситуации необходимо было оценить по 5-балльной шкале (1 балл — абсолютно не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — затрудняюсь ответить, 4 — скорее согласен, 5 — абсолютно согласен).

В опросе приняли участие 120 осужденных (60 женщин и 60 мужчин, отбывающих наказание в колониях общего режима ГУФСИН России по Красноярскому краю и УФСИН России по

Ямало-Ненецкому автономному округу), 120 граждан, не привлекавшихся к уголовной ответственности (60 женщин и 60 мужчин, проживающих в городах Красноярске, Салехарде и Вологде). Под нашим руководством в сборе эмпирических данных принимали участие К.В. Меркулова и М.С. Дерюгин. Группы осужденных и законопослушных граждан были уравновешены по возрасту и образовательному статусу.

Начнем анализ эмпирических данных с рассмотрения ответов опрошенных относительно возможности возникновения такой ситуации, когда допустимо лишить жизни одного или нескольких человек. Более половины опрошенных женщин (73% в группе осужденных и 66,4% в группе законопослушных) не согласились с тем, что *«бывают ситуации, когда допустимо лишить жизни одного или нескольких человек»*. Меньшая часть женщин в обеих группах (21,5% осужденных и 29,9% законопослушных) полагают, что такая ситуация допустима. При этом законопослушные женщины чаще всего аргументируют свою позицию необходимостью самозащиты от психически больных, а осужденные — потребностью сохранить жизнь в ситуациях, когда им кажется, что их жизни угрожает опасность. Мужчины (56,4% в группе осужденных и 54,8% в группе законопослушных) в большей степени по сравнению с женщинами допускают возникновение подобной ситуации ($U = 1124,5$, $p < 0,001$; $U = 1219$, $p < 0,01$), связывая необходимость таких действий с самозащитой и защитой членов семьи.

Более половины опрошенных осужденных (66,4% женщин и 88% мужчин) считают: *«если человек издевается над*

другими (морально или физически), то, сопротивляясь, можно лишить его жизни»: «Да можно, чтобы самому не пострадать: кто первый успел, тот и прав», «Да, можно поступать с другими так, как они с тобой поступают», «Да, с человеком надо поступать так, как он заслуживает: если он бьет других, то и его надо бить, если он угрожает, то и ему надо угрожать». В группе законопослушных граждан 53,1% женщин и 63,1% мужчин согласны с тем, что если человек издевается над другими (морально или физически), то, сопротивляясь, можно лишить его жизни, но при этом практически отсутствует развернутая аргументация такой позиции, отмечается, что «всякое может быть». Таким образом, для осужденных мужчин по сравнению с законопослушными более приемлемо поведение по принципу «око за око, зуб за зуб», целью которого является сохранение своего благополучия и комфорта ($U = 1348,5$, $p < 0,01$).

Указали на возможность возникновения такой ситуации, *«когда допустимо нанести тяжкий вред здоровью человека»*, 69,7% осужденных женщин и 84,7% осужденных мужчин («да, чисто превышение самообороны — тоже дело случая, случайно взял и убил», «бывают, если в ответ нанести, если будет у кого такая ситуация. Я же не буду стоять молча», «да, когда он так же относится к другим людям: как он с нами, так и мы с ним»). В группе законопослушных респондентов 51,4% женщин и 68,1% мужчин связывают ситуации нанесения тяжкого вреда здоровью человека с превышением пределов допустимой самообороны, врачебной ошибкой, дорожно-транспортным происшествием («да, в целях самообороны», «да, врачи нечаян-

но, не специально», «да, мы все под Богом ходим. Переходил дорогу — сбили»).

Таким образом, большинство опрошенных (мужчин и женщин), как осужденных, так и законопослушных граждан, считают допустимым нанести тяжкий вред здоровью человека в указанной ситуации (статистически значимых различий между указанными группами не выявлено). В группе осужденных приемлемость указанного поведения, как правило, мотивировалась необходимостью любой ценой защитить свои интересы, а законопослушные граждане допускают возможность возникновения подобной ситуации только по неосторожности (без предварительного умысла), приводят в пример действия, связанные с превышением пределов допустимой самообороны, дорожно-транспортными происшествиями.

Более половины осужденных и законопослушных женщин (66,4 и 59,7% соответственно) указали на неприемлемость ситуации, *«если человек поступает плохо и на словах не понимает, что так нельзя поступать, то можно воздействовать на него физически»*, комментируя свою позицию следующим образом: «Надо найти слова для этого человека, объяснить доходчиво. Нет, на кулаках не всегда доходит», «Надо воздействовать примерами», «Лучше промолчать».

Около трети опрошенных женщин из экспериментальной и контрольной групп (29,9 и 34,8% соответственно) допускают физическое воздействие в подобной ситуации («Можно: есть такие, которые не понимают, врезать раз — и все станет понятно», «Да, зависит от ситуации, когда сделал что-то плохое», «Можно: ремень — хороший учитель»). Обращает на себя внимание тот факт, что в группе

законопослушных женщин чаще всего в качестве примеров приводили ситуации, связанные с физическим наказанием детей («да, ребенку — подзатыльник»).

В группе мужчин большинство опрошенных (96,3% осужденных и 84,7% законопослушных) солидарны с указанной позицией, полагая, что «иначе не поймут». Полученные данные иллюстрируют взгляды, традиционные для нашей страны, согласно которым «добро должно быть с кулаками». Большее количество осужденных мужчин по сравнению с женщинами считают приемлемым физическое насилие в ситуации, когда, по их мнению, человек поступает плохо, а им не удается словами изменить его поведение ($U = 1275, p < 0,002$). Вероятно, указанные различия объясняются высоким уровнем физического насилия в исправительных колониях для мужчин, связанного с необходимостью сохранения и (или) повышения своего статуса в неформальной стратификационной системе осужденных.

В группе осужденных более половины (58,1% женщин и 76,4% мужчин) допускают, что *«если взрослый человек принимает решение купить наркотики, то нет ничего страшного в том, чтобы продать их ему»*. Оправдывая подобное поведение, опрошенные отмечают, что «у каждого своя голова, поэтому, если решил, пускай покупает», «не продаст Катя — продаст Маша; он взрослый и принимает решение». Все опрошенные законопослушные женщины (100%) и 85% мужчин из данной группы не согласны с тем, что если взрослый человек принимает решение купить наркотики, то нет ничего страшного в том, чтоб продать их ему («нет, нельзя: наркотики — это смерть», «нет, это страш-

но», «нет, я против этого всего»). Итак, среди законопослушных граждан (женщин и мужчин) значительно больше тех, кто считает неприемлемой продажу наркотиков ($U = 222$, $p < 0,001$; $U = 168$, $p < 0,001$), по сравнению с осужденными.

Более трети осужденных женщин (38,2%) и 50% осужденных мужчин согласились с тем, что *«можно взять чужое имущество в ситуации, когда оно, скорее всего, никому не принадлежит»*: «можно, если оно никому не принадлежит», «да, можно, если на дороге нашел и никого рядом нет», «если это не твое, то можно, потому что это ничье». В группе законопослушных граждан о солидарности с такой точкой зрения чаще заявляли мужчины (34,9%) по сравнению с женщинами (21,6%) ($U = 1440$, $p = 0,05$).

Большинство опрошенных осужденных женщин (86,3%) не согласны с тем, что если *«человек плохо хранит свои вещи или не дорожит ими»*, то их можно взять: «Нет, не согласна, даже если я плохо храню, это же мои вещи, если я не дорожу и она мне не нужна, но это все равно мое», «Нет, каждый по-своему хранит свои вещи, мои нельзя, не тобой положено — не тебе брать, а у других — да, почему бы и нет». Обращает на себя внимание тот факт, что осужденные женщины при обосновании своей позиции часто указывали на то, что их вещи в подобных ситуациях брать нельзя, а чужие можно — это свидетельствует о дуализме внутренней нормативной системы (в отношении себя и других людей). Законопослушные женщины (93%) заявили о том, что не станут в подобной ситуации брать себе чужие вещи: «Это его вещи, что он хочет, то и делает», «Это не значит, что они ему не нужны».

В группе мужчин 50% осужденных и 43,2% законопослушных считают для себя приемлемым в такой ситуации присвоить чужое имущество. Таким образом, среди опрошенных мужчин (осужденных и законопослушных) по сравнению с женщинами значительно больше тех, кто допускает присвоение чужого имущества ($U = 1115$, $p < 0,001$; $U = 808$, $p < 0,001$).

Подавляющее большинство опрошенных осужденных (91,3% женщин и 81,3% мужчин) не согласились с тем, что *«если человек живет в материальном достатке, то ничего страшного не будет в том, что более нуждающийся возьмет у него какое-то имущество»*. В группе законопослушных граждан 23,2% женщин и 33,2% мужчин указали на допустимость присвоения чужого имущества в рассматриваемой ситуации («Да, почему бы и не взять», «Да, если он никому не помогает, надо забрать и отдать другим»). Таким образом, в группе законопослушных граждан (женщин и мужчин) по сравнению с группой осужденных больше тех, кто заявил о допустимости заимствования нуждающимся имущества у тех, кто живет в материальном достатке ($U = 1229$, $p < 0,01$; $U = 1270,5$, $p < 0,05$). Кроме того, анализ ответов показал, что осужденные рассматривали данную ситуацию в контексте субкультуры мест лишения свободы, в которой вопросы, связанные с неприкосновенностью личной собственности осужденных, являются весьма значимыми («Я не согласна, каждый человек сам должен решать, кому помочь. Нет четких границ в том, кто нуждается в помощи, а кто нет. Хотя сам должен решать, кто нуждается и с кем поделиться»).

Проведенное исследование показало, что и осужденные, и законопослушные граждане, оценивая допустимость/недопустимость совершения общественно опасных деяний, предусматривающих уголовную ответственность, не указывали правовые нормы, регулирующие поведение в подобной ситуации, не упоминали о возможности уголовного наказания за их нарушение. Обращает на себя внимание тот факт, что осужденные и законопослушные граждане продемонстрировали терпимость к совершению целого ряда преступлений насильственного характера.

По сравнению с законопослушными гражданами осужденные чаще указывали на приемлемость правонарушающего поведения, обосновывая его необходимостью защитить свои личные интересы. Это согласуется с результатами ранее проведенных исследований, в которых были получены данные о достаточно широком распространении среди осужденных убеждения в том, что закон можно нарушить в конкретной ситуации, ставящей под угрозу какие-то личные интересы [8, с. 49, 50].

Анализ данных с учетом гендерных различий показал, что и законопослушные, и осужденные мужчины по сравнению с женщинами из указанных групп в большинстве своем допускают возникновение ситуации, когда можно лишить жизни одного или нескольких человек. Среди осужденных мужчин по сравнению с осужденными женщинами значительно больше тех, кто считает приемлемым физическое насилие в ситуации, когда, по их мнению, человек поступает плохо и когда им не удастся словами изменить его поведение. В группах мужчин (осужденных и законопослуш-

ных) по сравнению с группами женщин значительно больше тех, кто допускает присвоение чужого имущества в ситуации, когда человек плохо хранит свои вещи или не дорожит ими.

При принятии решения о приемлемости либо неприемлемости правонарушающего поведения осужденные чаще всего ориентировались на нормы, принятые в их среде, и собственные соображения, ориентированные на защиту личных интересов. Результаты проведенного исследования подтверждают предположение, выдвинутое А.Н. Суховым, о том, что для части осужденных более выгодной по сравнению с ресоциализацией оказывается вторичная асоциализация (когда отклоняющееся поведение стало во многих случаях нормой, а норма — отклонением, когда не срабатывает внутрилличностный конфликт, когда совесть — помеха, прибыль не приносит, когда успех достигается любой ценой), и значительное число осужденных ориентируются не на позитивные социальные ценности, а на криминальные (субкультуру) [5, с. 115]. Законопослушные граждане не руководствовались житейскими соображениями и нормами морали. Полученные данные свидетельствуют о приоритете других ценностно-нормативных регуляторов поведения перед правовыми способами обеспечения социального порядка.

Литература

1. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психолог. журн. — 2004. — Т. 25. — № 5. — С. 16–31.
2. Лейст О.Э. Сущность права: монография. — М., 2002.
3. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010.

4. Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 27–38.

5. Сухов А.Н. Социальные детерминанты ресоциализации осужденных // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 115–118.

6. Сучкова Е.Л. Обстоятельства совершенных преступлений в представлениях осужденных // Вестник института : преступление, наказание, исправление: науч.-практ. журн. / Вологод. ин-т права

и экономики ФСИН России. — 2012. — № 3 (19). — С. 66–68.

7. Хвостов А.А. Структура и детерминанты морального сознания личности: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2005.

8. Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания осужденных: учеб. пособие. — М., 1985.

9. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Психолог. журн. — 2009. — Т. 30. — № 3. — С. 107–117.

СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОЖИДАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

О.Э. Схопчик

Аннотация: в статье рассматриваются социально-правовые ожидания как один из структурных компонентов правосознания личности. Они складываются на основе оценочного восприятия индивидом явлений социально-правовой действительности, конкретной ситуации и касаются: положительных, отрицательных последствий, которые могут наступить в результате совершения противоправного деяния и вероятности их возникновения; возможности избежать наказания в случае совершения противоправного деяния; собственного юридически значимого поведения в будущем. Раскрываются содержательные особенности данных ожиданий у несовершеннолетних с различными типами правосознания, выявленные в результате эмпирического исследования.

Ключевые слова: социально-правовые ожидания, правосознание, типы правосознания, несовершеннолетние правонарушители, подростки.

Summary: The article deals with social and legal expectations as one of the

structural components of the justice of the individual. These expectations are formed on the basis of the assessment of perception of indi-home phenomena of social and legal reality, the particular situation and relates to the possible positive and negative consequences that may occur as a result of the wrongful act and the likelihood of their occurrence, the possibility of avoiding punishment in the case of a wrongful act; own legally significant conduct in the future and motivational bases of admissibility of a wrongful act in the future. Revealed substantial features of these expectations in the minors with different types of justice revealed by the empirical study of adolescent sense of justice.

Keywords: social and legal expectations of justice, types of justice, juveniles, adolescents.

Социально-правовые ожидания выступают одним из основных структурных компонентов правосознания личности, к которым относятся также знания и представления, касающиеся прав, обя-

занностей и юридической ответственности; отношения к правомерным и противоправным способам действий, их субъектам и последствиям; личностные нормы (принципы) юридически значимого поведения. Правосознание личности представляет сферу ее внутреннего мира, которая проявляется в феноменах осознанного отражения правовой стороны социальной действительности и сознательно-волевой саморегуляции юридически значимого поведения. Оно служит внутренней предпосылкой правомерной направленности поведения человека в различных сферах общественных отношений, регулируемых правовыми нормами. Несформированность правосознания, его искажения, отрицательные характеристики во многих случаях выступают причиной противоправных отклонений в поведении.

Правосознание личности формируется в процессе правовой социализации, которая наиболее интенсивно происходит в подростковом и юношеском возрасте. В связи с этим у несовершеннолетних оно в индивидуально различной степени обусловлено возрастными особенностями психики, которые могут негативно влиять на правомерную произвольную саморегуляцию поведения. Такие возрастные психологические особенности могут проявляться: в повышенной податливости влиянию референтной группы, снижающей морально-правовое самоопределение; в более выраженной эмоционально-импульсивной саморегуляции, снижающей сознательно-волевою; в недостаточной правовой ориентации и предубежденности [12].

Социально-правовые ожидания воздействуют у индивида относительно воз-

можности реализации цели, решения жизненных проблем, соотносятся с лично приемлемыми способами ее достижения и складываются на основе оценочного восприятия индивидом явлений социально-правовой действительности, конкретной ситуации и отношения к ним [1, 4, 7, 8, 9, 11]. В мотивационных теориях ожидания, связанные с достижением цели и избеганием отрицательных последствий, выражаются в субъективной уверенности в верном выборе способа действий [13, 16, 17]. Одним из условий такой уверенности выступает субъективно оцененная возможность реализации цели и получения желаемого вознаграждения [13]. От осознания желательности и реальности достижения цели зависят усилия, которые предпринимает индивид [13, 16, 17].

В социально-правовых ожиданиях выражается субъективная вероятность достижения желаемого результата, наступления положительных или отрицательных последствий в результате совершения противоправного деяния, возможность избежания наказания в случае нарушения закона и т. п. Представления, складывающиеся у индивида о пользе и вреде, которые могут наступить в результате преступного деяния, влияют на мотивацию его действий [8]. В механизме социального поведения ожидания личности относительно вероятности, успешности реализации цели при использовании определенного способа и возможности избежания при этом неблагоприятных для себя последствий влияют на процесс принятия ею юридически значимых цели и способа ее достижения [8, 9]. Таким образом, если индивид оценивает предполагаемый результат и возможные последствия сво-

его противоправного поведения как обладающие высокой субъективной ценностью, то это создает сильную мотивацию к выбору им незаконного способа действий, а низкая значимость отрицательных последствий, которые могут возникнуть в результате преступного деяния, не будет выступать сдерживающим фактором при выборе противоправного варианта поведения.

Изучение социально-правовых ожиданий осуществлялось в рамках сравнительного эмпирического исследования правосознания несовершеннолетних правонарушителей и их сверстников, ведущих себя законопослушно. Выборка составила 305 человек — лиц мужского пола в возрасте 14–17 лет: 1-я группа — 110 человек — подростки, осужденные за совершение преступлений и отбывающие наказание в воспитательных колониях Республики Беларусь; 2-я группа — 93 человека — подростки, совершившие правонарушения и состоящие на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних (ИДН) территориальных органов внутренних дел; 3-я группа — 102 несовершеннолетних, являющихся учащимися средних общеобразовательных школ г. Минска, которые по характеристикам педагогов вели себя устойчиво положительно.

Основным методом исследования выступало стандартизированное интервью с открытыми вопросами. Вопросы были ориентированы на изучение основных компонентов правосознания: 1) социально-правовых представлений; 2) отношения к явлениям правового характера, субъектам юридически значимого поведения; 3) социально-правовых ожиданий; 4) личностных норм респондентов, выражающих различную сте-

пень допустимости, желательности либо недопустимости, нежелательности использования преступного и правомерного способов удовлетворения потребностей, разрешения конфликтных ситуаций.

Обработку результатов интервью осуществляли при помощи качественных и количественных методов (контент-анализа ответов респондентов; шкалирования, кластерного и факторного анализа). Для анализа взаимосвязи между ответами на вопросы и группами респондентов использовали таблицы сопряженности, по которым вычисляли наблюдаемое значение χ^2 -критерия, которое сравнивалось с критическим значением χ^2 -критерия. Статистическую обработку проводили с помощью специализированного статистического пакета SPSS 11.0 [2]. Для выявления эмоционального компонента отношения респондентов к явлениям социально-правового характера, субъектам юридически значимого поведения использовали цветовой тест отношений.

Кластерный анализ позволил выявить четыре типа правосознания несовершеннолетних, характеризующихся определенными качественными особенностями.

1-й тип — правосознание законопослушной направленности и высокой степени сформированности, которая выражает зрелую антикриминальную устойчивость личности; **2-й тип** — правосознание преобладающе положительной направленности, но с недостаточной зрелостью взглядов, убеждений, личностных принципов и норм поведения, что можно трактовать как недостаточную антикриминальную устойчивость. Она может проявляться в подат-

ливости отрицательному влиянию других лиц или обстоятельств ситуации; **3-й тип** — противоречивое правосознание, в котором сочетаются нейтрально-положительные и отрицательные взгляды и представления на явления правовой действительности, соответствующие им отношения и ожидания. Этот тип характеризуется не только низкой антикриминальной устойчивостью, но и определенными признаками склонности к противоправному поведению (68 человек, из них 27 подростков, состоящих на учете в ИДН, и 41 подросток, отбывающий наказание в воспитательной колонии); **4-й тип** — правосознание с криминогенными дефектами, которые могут проявляться в наличии выраженных признаков склонности к совершению корыстных и (или) насильственных противоправных деяний.

Проведенное исследование показало, что правосознание несовершеннолетних правонарушителей имеет качественные отличия от правосознания их законопослушных сверстников. Знание таких особенностей позволило определить комплекс психолого-педагогических задач и основные формы воспитательно-профилактической работы по формированию законопослушного правосознания и его исправлению у правонарушителей [14, 15].

В результате анализа эмпирических данных выявлены достоверно значимые различия в содержании следующих социально-правовых ожиданий несовершеннолетних с различными типами правосознания.

Ожидания относительно возможных положительных последствий, которые могут наступить в результате совершения противоправного деяния. Боль-

шинство подростков с криминогенными дефектами правосознания (4-й тип) и противоречивым правосознанием (3-й тип) не испытывали проблем в изложении положительных результатов, которые может дать совершение преступного деяния, что выражалось в развернутых представлениях об этих результатах и положительной эмоциональной окраске их рассуждений: материальные средства, которые можно потратить на вкусную еду, модную одежду, спиртные напитки, развлечения, подруг, престижные вещи, уважение и авторитет среди сверстников и т. п. Подростки 2-го типа и 1-го типа, говоря о возможных положительных последствиях, которые могут возникнуть в результате нарушения закона, испытывали определенные трудности, заключающиеся в сложности представления таких «выгод». Такая затрудненность носила более выраженный характер у подростков 1-го типа: почти половина из них (47%) не смогли назвать никаких положительных последствий. Несовершеннолетние 2-го типа чаще отмечали «выгоды» противоправного поведения, однако рассматривали их как возможные и значимые для других. Чаще всего указывали на возможность получения определенной суммы денег, необходимой для удовлетворения потребностей в еде, сигаретах и алкоголе. Убеждения респондентов 1-го типа отражали неприятие ими тех или иных «выгод» противоправного поведения, так как само преступное деяние воспринималось данными испытуемыми как лично неприемлемое. Остальные указывали на возможность иметь в результате совершения противоправного деяния деньги, материальные ценности, приобрести «уважение», весело

провести время. В то же время эти последствия рассматривались как обладающие положительным значением для тех, кто совершает противоправные деяния, и не имеющие такого ценностного значения для данных подростков.

Ожидания возможных отрицательных последствий противоправного деяния и вероятность их возникновения. Несовершеннолетние с криминогенными дефектами правосознания (4-й тип) и противоречивым правосознанием (3-й тип) таким последствиям придают меньшее значение, чем иные респонденты. Для данных испытуемых значимость «выгод» противоправных действий превышает значение и вероятность возникновения их отрицательных последствий. Последние воспринимаются преимущественно в отношении самого субъекта преступного поведения (в виде лишения свободы (4-й тип — 68,8%; 3-й тип — 47,1%) и негативных переживаний (4-й тип — 21,5%; 3-й тип — 17,6%) и не проецированы на будущую жизнь, не рассматривается их вред для других лиц. Вероятность возникновения отрицательных последствий испытуемыми данных типов представляется невысокой (4-й тип — 29,2%; 3-й тип — 17,6%) или средней (4-й тип — 41,7%; 3-й тип — 44,1%).

Подростки с преобладающей законопослушной направленностью (2-й тип) и законопослушной направленностью правосознания (1-й тип) выражали убеждения в преобладании отрицательных последствий противоправных деяний. Их возникновение респонденты 2-го типа рассматривали преимущественно в отношении самого субъекта преступного деяния — в виде его переживаний и лишения свободы и значитель-

но реже — в отношении потерпевших и иных лиц. Однако более развернутый характер носили рассуждения испытуемых 1-го типа, что свидетельствует о ясном и определенном представлении ими негативных последствий нарушения закона как для самого преступника, его будущей жизни, так и других людей: его родителей (32%) и потерпевших (26%). Преобладающее большинство подростков отмечали, что такие последствия трагивают будущее субъекта преступного деяния: указывали на потерю таких положительных жизненных перспектив в дальнейшей жизни человека, как престижная работа, семья, доверие людей (64%). Несколькими иной представляется испытуемым вероятность возникновения отрицательных последствий. В отличие от подростков 2-го типа, которым такая вероятность представляется средней (65,2%), для несовершеннолетних 1-го типа она является высокой: их убеждения отражали уверенность в неизбежности возникновения негативных последствий в результате нарушений закона (68%).

Представления (ожидания) о возможности избежать наказания в случае совершения противоправного деяния и о количестве подростков, привлекаемых к ответственности. В результате изучения данных ожиданий возможности избежать юридической ответственности за совершенные противозаконные действия выявлено, что респонденты с криминогенными дефектами правосознания (4-й тип) уверены в том, что можно совершить преступление и не быть привлеченным к уголовной ответственности (77%). По их мнению, не более половины всех подростков, нарушивших закон, привлекаются к ответственности за про-

тивоправные действия (68,8%). Остальным, на их взгляд, удастся избежать наказания, потому что они все тщательно продумывают и действуют предусмотрительно (не оставляют следов, обеспечивают себе алиби, вовремя скрываются, не попадают на глаза свидетелям — «их не могут поймать», «они все хорошо продумывают»). Респонденты с противоречивым правосознанием (3-й тип) и преобладающе законопослушной направленностью правосознания (2-й тип) полагают, что избежать ответственности можно, хотя и достаточно сложно (3-й тип — 48,5%, 2-й тип — 29,2%). В то же время подростки 2-го типа затруднялись при объяснении причин этого явления. Высказывали мнение о том, что не обо всех правонарушениях подростков становится известно милиции. Отдельные испытуемые полагали, что в некоторых случаях родители ищут путь разрешения проблемы, исключая применение к их детям мер уголовной ответственности. Вместе с тем почти половина респондентов со 2-м типом правосознания считают затруднительным избежать ответственности за совершенное преступление (2-й тип — 46,1%; 3-й тип — 10,4%).

Достоверно значимо отличаются представления респондентов с законопослушной направленностью правосознания (1-й тип). Для них характерны убеждения о неотвратимости наказания в случае нарушения человеком закона (67%). Испытуемые уверены в том, что рано или поздно преступник будет отвечать за содеянное. Для немногих подростков избежать привлечения к ответственности возможно, но очень проблематично. Несовершеннолетние убеждены также в том, что подавляющее боль-

шинство преступников привлекаются к ответственности за свои противоправные деяния (79%).

Представления о вероятности привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление субъекта, по характеру, образу жизни и привычкам похожего на испытуемого. Изучение было направлено на выявление ожиданий респондента относительно собственного юридически значимого поведения в будущем. Данные представления позволяют также выявить личностную допустимость (недопустимость) противоправного деяния. Исследование показало, что несовершеннолетние с криминогенными дефектами правосознания (4-й тип) и противоречивым правосознанием (3-й тип) допускают вероятность привлечения к уголовной ответственности человека, похожего на них. Кроме того, среди них по сравнению с иными респондентами оказалось значительно больше тех, для кого такая вероятность представляется высокой (4-й тип — 29,2%, 3-й тип — 14,7%). У этих подростков в отличие от иных испытуемых обнаружилась высокая психологическая идентификация с таким субъектом: респонденты анализировали ситуацию с точки зрения интересов преступника, в которых проецировали свои интересы, проявляли оправдательное отношение к нему, «болели» за него.

Достоверно значимо отличаются суждения несовершеннолетних с законопослушной направленностью правосознания (1-й тип) [$\chi^2_{\text{эмп.}} \geq \chi^2_{\text{кр.}}$; $p \leq 0,05$]. Ожидания подростков 1-го типа относительно юридически значимого поведения человека, сходного с ними, характеризуются однозначным его представлением в дальнейшем: преобладающее

большинство респондентов уверенно ответили, что такой человек не будет привлечен к уголовной ответственности, так как не совершит преступного деяния (78%). Более того, для данных испытуемых лишение свободы несет в себе категорически негативный личностный смысл. Это проявилось в невозможности представить себя осужденным, находящимся в колонии; в уверенности, что пребывание в местах лишения свободы будет вызывать у человека чувство стыда, страха, сожаления, зря потраченного времени, различные отрицательные эмоции, а также негативно повлияет на всю его дальнейшую жизнь. Лишь немногие из них допускают небольшую вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности (12%). Однако в отличие от иных испытуемых, указывавших на определенные виды преступлений, за которые может быть в будущем осужден данный субъект, подростки поясняли, что привлечение такого лица к ответственности возможно в результате ошибочного обвинения («он ничего не совершал, но все указывает на него») или объясняли это риторическим «в жизни все может быть».

В отличие от несовершеннолетних 1-го типа более половины испытуемых 2-го типа испытывали затруднения в прогнозировании юридически значимого поведения такого человека (42,7%). Вдвое меньше по сравнению с 1-м типом оказалось подростков, уверенных в правомерности его поведения (34,8%). Остальные респонденты допускали возможность нарушения им закона. В ходе дальнейшего исследования того, что конкретно совершит такой человек, выяснено, что это могут быть хулиганские действия (драки), кражи ле-

карств или суммы денег, необходимых для лечения близких.

Представления (ожидания) о чувствах, с которыми субъект, по характеру, образу жизни и привычкам похожий на испытуемого, будет жить в период отбывания наказания, и о том, как сложится в дальнейшем его жизнь. В результате изучения данных представлений обнаружилось, что подростками с 4-м и 3-м типами правосознания лишение свободы не рассматривается как негативный фактор, препятствующий достижению благополучия в жизни. Немногие связывают отбывание уголовного наказания с последующими отрицательными последствиями: лишь отдельные респонденты указали на потерю положительных жизненных перспектив (4-й тип — 2,1%, 3-й тип — 7,4%). На наш взгляд, это свидетельствует не об уверенности подростков в собственных силах успешно построить свою жизнь даже после отбытия наказания, а о том, что наличие судимости, нахождение в колонии не несут в себе негативного личностного смысла для них. Об этом говорит и тот факт, что в результате исследования представлений респондентов 4-го и 3-го типов относительно чувств, с которыми субъект, «похожий» на испытуемого, будет жить в период отбывания наказания, выявлено их нормальное эмоциональное и душевное состояние (4-й тип — 39,6%, 3-й тип — 32,5%). Социальная незрелость подростков, слабое прогнозирование последствий своих действий, доминирование личностной значимости положительных последствий противоправных деяний над отрицательными не позволяют, на наш взгляд, данным несовершеннолетним понимать реальные, объективные связи преступного пове-

дения с жизнью субъекта противоправного поведения в будущем.

Достоверно значимо отличаются представления респондентов с преобладающе законопослушной направленностью (2-й тип) и законопослушной направленностью правосознания (1-й тип) ($\chi^2_{\text{эмп.}} \geq \chi^2_{\text{кр.}}$; $p \leq 0,05$). Подростки 2-го типа выразили уверенность в том, что дальнейшая жизнь такого человека сложится благополучно, поскольку «он одумается», «больше уже ничего не совершит», «не захочет больше попадать в колонию». Однако такая уверенность не всегда отражала их убежденность в однозначно правомерном поведении такого человека в будущем, а выражала, скорее, его желательность. Переживания опрошенные связывали с чувством вины, раскаяния (57,3%) и беспокойства (20,2%). У респондентов 1-го типа сформированы представления о преобладании чувства вины и позора за совершенное преступление (73%). Жизнь после отбывания наказания им видится лишенной многих положительных перспектив, например таких, как хорошее образование, престижная работа, настоящие друзья, семья (63%).

Мотивационные основания допустимости совершения респондентом противоправного деяния в будущем. В рассуждениях подавляющего большинства несовершеннолетних с криминогенными дефектами правосознания (4-й тип) и противоречивым правосознанием (3-й тип) обнаружена личностная допустимость совершения ими преступных деяний как насильственного, так и корыстного характера. Выявлено, что такая допустимость связана с состоянием нервно-психического возбуждения, обусловленного алкогольным опьянением,

реальной или мнимой угрозой достоинству испытуемого или физического насилия со стороны других лиц. По мнению большинства респондентов 4-го типа, совершение ими преступных действий может произойти под влиянием алкогольного опьянения (56,3%). При этом они отмечали, что в трезвом состоянии вряд ли будут совершать насильственные действия. Характерно то, что подростки почти не чувствуют личной ответственности за свое противоправное поведение, его причины они видят, как правило, во внешних обстоятельствах. При хорошей осведомленности данных респондентов о влиянии алкогольного и наркотического опьянения на меру юридической ответственности (она оказалась выше, чем у иных респондентов) для таких несовершеннолетних характерно убеждение в том, что алкогольное опьянение, напротив, как бы снимает, смягчает ответственность человека за те действия, которые он совершает в таком состоянии, поскольку он «не понимает, что делает» («это все водка»). Поводом для совершения преступных действий испытуемыми могут также стать оскорбительные и унижительные выражения в их адрес или близкого человека (девушки, друга), чувство обиды и желание отомстить (23%). Полученные нами данные согласуются с результатами изучения личности несовершеннолетних осужденных другими авторами, которые указывают на неумение таких подростков контролировать свое поведение, их дерзость и озлобленность [4], а также на то, что они считают совершение противоправных действий ненамеренным [3].

Совершение противоправных деяний представляется им также возможным по причине трудного материального поло-

жения. Лишь немногие (среди подростков 3-го типа — 8,8%, 4-го типа — 8,3%) выразили убежденность в правомерности своего поведения в дальнейшем. Однако эти представления носили общий характер, наблюдались затруднения в объяснении того, почему следует поступать правомерно, что свидетельствует о неразвитом ценностно-смысловом содержании личностных норм поведения респондентов.

Изучение данных представлений у респондентов с преобладающе законопослушной направленностью (2-й тип) и законопослушной направленностью правосознания (1-й тип) показало, что в отличие от иных испытуемых почти для половины подростков со 2-м типом правосознания (47,2%) и большинства несовершеннолетних с 1-м типом характерны личностная недопустимость и неприемлемость совершения противоправных деяний (66%). Несовершеннолетними со 2-м типом правосознания противозаконный способ действий рассматривается как недопустимый и бессмысленный. Подчеркивались отрицательные последствия таких деяний как для субъекта поведения, так и для иных лиц. Преступление связано у подростков с внутренним запретом на его совершение. Отдельные испытуемые допускали, что могли бы нарушить закон, но лишь в исключительных, критических обстоятельствах (ситуация реальной угрозы здоровью и жизни родных и близких; возмездие за причиненный вред здоровью и жизни этих людей) (11,8%). При этом преступление выступало нежелательным и крайним вариантом действий в подобных обстоятельствах, когда правомерное поведение неэффективно.

Итак, с учетом изложенного можно сделать определенные выводы. Социально-правовые ожидания несовершеннолетних с различными типами правосознания характеризуются следующими содержательными особенностями:

у несовершеннолетних с криминальными дефектами правосознания (4-й тип): развернутыми представлениями о различных положительных последствиях противоправных деяний; низкой субъективной значимостью отрицательных последствий и уверенностью в невысокой (низкой и средней) вероятности их возникновения; в убеждении о возможности избежания ответственности большинством лиц, совершающих преступления, в сочетании с позитивным отношением к этому явлению; в отсутствии уверенности в правомерности своего поведения в будущем;

у несовершеннолетних с противоречивым правосознанием (3-й тип): развернутыми представлениями о различных положительных последствиях противоправных деяний и низкой субъективной значимостью отрицательных последствий, рассматривающихся преимущественно в отношении самого субъекта преступного деяния; убеждениями в том, что можно избежать ответственности за совершенные противоправные деяния, но достаточно сложно; уверенностью в привлечении к ответственности менее половины подростков, совершивших противоправные деяния; отсутствием уверенности в правомерности своего поведения в будущем;

у несовершеннолетних с преобладающе положительной направленностью правосознания (2-й тип): убеждениями в преобладании отрицательных послед-

ствий противоправных деяний, рассматривающихся преимущественно в отношении самого субъекта преступного деяния, и в невысокой вероятности их наступления; убеждениями в возможности избежания юридической ответственности за совершенное правонарушение (преступление), но затруднениями в объяснении того, каким образом это можно сделать; уверенностью в привлечении к ответственности немногих правонарушителей; отсутствием уверенности в собственном юридически значимом поведении;

у несовершеннолетних с правосознанием законопослушной направленности и высокой степенью сформированности (1-й тип): представлениями о различных отрицательных последствиях противоправных деяний и в высокой вероятности их возникновения; уверенностью в том, что к ответственности привлекается большинство подростков, совершивших противоправные деяния; уголовное наказание рассматривается данными подростками как фактор, препятствующий достижению благополучия в жизни; уверенностью в своем законопослушном поведении в будущем.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 364 с.

2. Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей: версия 10: пер. с нем. / под ред. В.Е. Момота. — СПб.: ДиаСофтЮП, 2002. — 601 с.

3. Дядченко Е.А. Психологический прогноз рецидивных преступлений несовершеннолетних осужденных без лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 98–106.

4. Кудрявцев В.Н. Понятие и криминологическое значение мотивации преступного поведения // Криминальная мотивация / Ю.М. Антонян [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1986. — С. 8–19.

5. Литвишков В.М., Митькина А.В. Системно-структурный подход к анализу побудительных сил исправления несовершеннолетних осужденных // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 62–71.

6. Лунев В.В. Функции мотивации // Криминальная мотивация / Ю.М. Антонян [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1986. — С. 19–37.

7. Панова О.Б. Экзистенциальный подход к правовой ресоциализации воспитанников детских исправительных учреждений // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 75–80.

8. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. — Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. — 207 с.

9. Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 21–38.

10. Пристанская О.В. Правосознание лиц, совершающих преступления в несовершеннолетнем и молодом возрасте // Криминологические проблемы правосознания и общественного мнения о преступности: сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности; под ред. и со вступ. ст. И.И. Карпеца, И. Незкусила. — М.; Прага, 1986. — С. 190–198.

11. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение: теория и методология исследования. — Красноярск: Краснояр. ун-т, 1998. — 254 с.

12. Схолчик О.Э. Влияние возрастных особенностей несовершеннолетних на правосознание и юридически значимое поведение // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 99–106.

13. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения: пер. с англ. — СПб.: Речь, 2001. — 238 с.

14. Схолчик О.Э. Психолого-педагогические задачи воспитательно-профилактической работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Республики Беларусь с подростками-правонарушителями // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 3. — С. 68–75.

15. Схолчик О.Э. Формы воспитательно-профилактической работы по формированию правосознания несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 2. — С. 97–103.

16. Atkinson J.W. An introduction to motivation. — Princeton: Van Nostrand, 1964. — 335 p.

17. Vroom V.H. Work and motivation. — New York: Wiley, 1964. — 331 p.

ПОДХОДЫ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Т. В. Мальцева

Аннотация: статья посвящена проблеме внутриличностных конфликтов, обусловленных особенностями профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, а так же анализу подходов к преодолению внутриличностных конфликтов.

Ключевые слова: юридическая психология, профессиональная деятельность, психологическая культура, внутриличностный конфликт.

Summary: article deals with the problem of intrapersonal conflicts arising from the peculiarities of professional work of police officers, as well as analysis of points of view to overcoming intrapersonal conflicts.

Keywords: juridical psychology, professional occupation, psychological culture, intrapersonal conflict.

Служба в правоохранительных органах является деятельностью с повышенной потребностью в активности, связанной с реальной опасностью, включающей в себя многообразные сложные как физические, так и умственные действия, обусловленной административным прессингом и враждебностью со стороны лиц, нарушающих закон. В условиях реформирования системы органов внутренних дел участились случаи возникновения внутриличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел, обусловленных несоответствием личностных качеств высоким квалификационным

требованиям, ошибочными представлениями о способах выполнения профессиональной деятельности с учетом требований реформы, необходимостью интенсивного развития профессионально важных качеств и т. д. Данные многочисленных исследований [1, 2, 4, 5, 6, 8 и др.] указывают на высокий уровень профессиональных стрессовых воздействий, которым подвергаются сотрудники органов внутренних дел в ходе своей повседневной жизнедеятельности. Все это ведет к распространению в среде сотрудников органов внутренних дел профессионально обусловленных внутриличностных конфликтов, различных психосоматических расстройств и заболеваний, состояний нервно-психической дезадаптации. В настоящей статье рассмотрим существующие подходы к преодолению внутриличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел.

В зарубежной практике существует опыт адекватного преодоления (разрешения) внутриличностного конфликта. Преодолеть (разрешить) конфликт — значит восстановить баланс внутреннего мира личности, снизить остроту противоречий жизненных отношений, достигнуть нового жизненного качества.

В ходе преодоления внутриличностного конфликта, согласно Э. Фрейду, должна произойти смена объекта влечения, то есть переключение энергии влечения от неподходящего объекта и

направление ее в социально приемлемое русло. Критерий адекватности разрешения ситуации внутриличностного конфликта — нахождение возможности реализовать бессознательное влечение в соответствии с социальными нормами. Психологическим механизмом этого процесса является сублимация — переключение энергии либидо на социально одобряемый объект.

К. Хорни считает, что невротическая личность разрешает внутриличностный конфликт, разрушая баланс трех основных форм движения — против людей, к людям и от людей, так как человек сознательно признает лишь одну из них и отвергает или подавляет две другие. Нормальному человеку свойственна интеграция всех трех ориентаций, поскольку они не являются взаимоисключающими. В связи с этим критерием адекватности разрешения внутриличностного конфликта, по К. Хорни, выступает обеспечение некоторой интеграции основных ориентаций личности, необходимой для дальнейшей ее самореализации.

Целью устранения внутриличностного конфликта К. Хорни определяет изменение внутренних условий личности, приведших к конфликту [11]. Эта задача должна решаться за счет осознания реальных чувств и желаний, создания своей системы ценностей, анализа структуры характера в целом.

Современный психоанализ предполагает, что внутриличностные конфликты присущи не только невротической, но и нормальной личности. Как члену цивилизованного общества, человеку придется подавлять сексуальность, ограничивать деструктивность и агрессию. Эти процессы подавления и ограничения ведут к появлению и сохранению всех ви-

дов конфликтов у индивида [14]. Критерием адекватности разрешения ситуации внутриличностного конфликта служит появление возможности реализовать инстинктивные влечения в пределах социально одобряемых рамок.

По мнению С. Фрэнкса и Дж. Вилсона [9, с. 351], преодоление внутриличностного конфликта должно идти через формирование и укрепление способности к действиям, приобретение техник, позволяющих улучшить самоконтроль.

В когнитивной психологии работа с внутриличностным конфликтом направлена на изменение восприятия событий, которое опосредуется мышлением, а также сложившихся когний и приведение их в соответствие с объективной реальностью.

Разрешение внутриличностного конфликта в рамках поведенческой психотерапии — это реагирование человека на жизненные ситуации так, как он хотел бы сам, и уменьшение или исключение нежелательных способов реагирования.

В теории личности К. Роджерса разрешение внутриличностного конфликта — это правильность осознания нового опыта, новых ценностей и переживаний, которые благодаря этому занимают подобающее место в Я-структуре, вызывая необходимые ее изменения.

По Р. Мею, расширение самосознания и переструктурирование жизненных целей и ценностей — средства преодоления внутриличностного конфликта и снятия невротической тревожности [16, с. 225]. Осознание противоречия между различными целями составляет первый этап разрешения внутриличностного конфликта.

Дж. Салливан также связывает понятие эмоционального здоровья (и лич-

ностного роста) с прояснением внутренних противоречий. Необходимым условием их разрешения и предпосылкой душевного благополучия личности является осознание данных противоречий [17].

Дж. Бюдентал видит преодоление внутриличностного конфликта в осознании человеком того, как он сам себя ограничивает, на принятии им ответственности за собственную жизнь, на стремлении найти смысл, стоящий за поступками и действиями.

Оригинальные идеи по преодолению определенных видов внутриличностного конфликта высказываются создателями транзактного анализа Э. Берном (1969), гештальттерапии Ф. Перлзом (1976) и психосинтеза Р. Ассаджиоли (1982).

Э. Берн и его последователи [13, 15] полагают, что люди в повседневном общении склонны воспроизводить определенные стереотипы взаимодействия («игры»), обусловленные порождением дисбаланса трех внутренних структур («родитель», «взрослый», «ребенок»). Восстановление равновесия данных структур или достижение внутренней непротиворечивости возможно лишь через осознание своих излюбленных «игр» и тех «выгод», которые они приносят, и построения на этой основе новых способов взаимодействия.

Разрешение внутриличностного конфликта Ф. Перлз предлагает строить на полном и «бесконечном» осознании себя, своих потребностей как единственном пути достижения необходимого баланса между личностью и ее окружением.

Р. Ассаджиоли полагает, что расширение сознания является условием не только разрешения конфликтов, но и душевного развития личности в целом [12].

Подводя итог обзора подходов зарубежной психологии к преодолению внутриличностного конфликта, можно сделать вывод о том, что большинство психологических практик в качестве одного из важнейших условий его разрешения видит необходимость *осознания личности своих противоречий и конфликтов, в том числе составляющих их сторон и причин их конфронтации.*

Отечественными психологами также накоплен разносторонний опыт подходов к разрешению внутриличностных конфликтов.

Наиболее последовательным и проработанным в отечественной психотерапии является учение В.Н. Мясищева (1960). В соответствии с его патогенетическим методом одним из первых этапов преодоления внутриличностного конфликта будет осознание нарушений во взаимоотношениях с окружающей действительностью, причин психологической дезадаптации.

Близких взглядов придерживается Е.С. Калмыкова (1986), выдвигая, помимо важности осознания внутриличностных противоречий и их составляющих, необходимость занятия активной личностной позиции, ведущей к переструктурированию иерархии ценностей и формированию более богатого внутреннего мира личности. Кроме того, эта активность должна иметь направленность на конструктивное преобразование составляющих внутриличностного конфликта, а не приспособления к ним.

В последнее десятилетие XX века в отечественной психологии появились специальные исследования, затрагивающие различные аспекты проблемы внутриличностного конфликта и способов его разрешения (В.О. Жда-

нов, Д.В. Грешнев, В.В. Козлов, Л.М. Митина, О.В. Кузьменкова, Г.И. Козырев, Ю.Н. Юрлов и др.). Так, Л.М. Митина, О.В. Кузьменкова отмечают, что успешному преодолению внутренних противоречий «способствуют развитие рефлексивные навыки, принятие ценностей самоактуализирующейся личности, стремление к самоуважению, к относительной независимости от внешнего влияния, отсутствие агрессии в поведении» [7, с. 15].

В работе Г.И. Козырева подчеркивается, что для успешного преодоления внутриличностного конфликта необходимы выработка адекватной оценки ситуации, включающей в себя самооценку индивида и оценку сложности существующих проблем, развитая рефлексия и адекватная эмоциональная реакция субъекта [3, с. 102–111].

Н.В. Гришина считает интересным диалог, то есть диалог субличностей нашего Я, универсальным способом преодоления внутриличностного конфликта.

По мнению Ю.В. Румянцевой, существует два взаимосвязанных механизма конструктивного разрешения конфликта [10, с. 35–37]:

1) наличие свободы выбора — готовность увидеть возможные варианты поведения, отличные от привычной стереотипной позиции в конфликте;

2) поведенческая гибкость (ведущий показатель поведенческой креативности) — умение продуцировать и использовать разные стратегии.

Ю.Н. Юрлов установил, что конструктивное разрешение внутриличностного конфликта зависит от его вида и осуществляется путем оптимизации лежащего в его основе ведущего противоре-

чия через использование имеющихся у личности возможностей по переработке негативных факторов.

В.О. Жданов также обозначает такие условия разрешения внутриличностного конфликта, как осознание личностью своих внутренних противоречий путем рефлексии, активная позиция, направленная на конструктивное преобразование составляющих внутриличностного конфликта. Автором были сформулированы принципы конструктивного взаимодействия с внутриличностным конфликтом: «конфликт надо решать», «принятое решение надо выполнять».

Д.В. Грешнев подчеркивает, что адекватное разрешение внутриличностного конфликта возможно через принятие ответственного решения и определение перспектив самореализации, в результате которого происходит позитивное изменение личности.

Итак, самые разнообразные зарубежные и отечественные подходы к преодолению внутриличностных конфликтов, признают необходимыми условиями его адекватного разрешения:

во-первых, *осознание* своих внутренних противоречий, составляющих сторон данных противоречий и наличия конфронтации между ними;

во-вторых, занятия *личностью активной позиции*, ведущей к переструктурированию иерархии ценностей и формированию внутреннего мира личности;

в-третьих, *направленности* этой активности на конструктивное преобразование составляющих внутриличностного конфликта, а не приспособления к нему, которое ведет к постепенному накоплению осознанных и неосознанных неразрешенных противоречий во внутреннем мире личности;

в-четвертых, *развитие навыков личностной рефлексии*, чтобы в последующем было возможно самостоятельно преодолевать подобные психологические проблемы.

Литература

1. *Гаврина Е.Е.* Психологические особенности проявления деструктивных отклонений в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 87–95.

2. *Гаврина Е.Е.* Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 51–59.

3. *Козырев Г.И.* Конфликтология. Внутриличностные конфликты // Соц.-гуманит. знания. — 1999. — № 2. — С. 102–111.

4. *Ксенофонтов А.М.* Динамика психологического статуса сотрудников органов внутренних дел под влиянием экстремальных факторов служебно-боевой деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук. — Архангельск, 2005.

5. *Мальцева Т.В.* Влияние реформирования системы органов внутренних дел на психологические особенности будущих полицейских // Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности (Васильевские чтения — 2013): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 мая 2013 г.): в 2 ч. / сост. В.М. Статный. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та МВД России, 2013. — Ч. II.

6. *Мальцева Т.В.* Психологическое консультирование курсантов и слушателей высших образовательных учреждений МВД России в ситуациях внутриличностных конфликтов профессионального становления: монография. — М.: Моск. ун-т МВД России; Ун-т Рос. академии образования, 2005.

7. *Митина Л.М., Кузьменкова О.В.* Психологические особенности внутриличностных противоречий учителя // Вопросы психологии. — 1998. — № 3. — С. 3–16.

8. *Пряхина М.В.* Влияние внутриорганизационных источников стресса на нервно-психическую адаптацию сотрудников органов внутренних дел // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. — 2010. — № 3 (47).

9. Психотерапевтическая энциклопедия / под общ. ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб., 2006.

10. *Румянцева Ю.В.* Механизмы конструктивного разрешения межличностных конфликтов // Конфликт и личность в изменяющемся мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 2–5 окт. 2000 г.) / отв. ред. Н.И. Леонов, С.Ф. Сироткин. — Ижевск, 2000. — С. 35–37.

11. *Хорни К.* Ваши внутренние конфликты. — СПб., 1997.

12. *Assagioli R.* Psychosynthesis. A manual of principles and techniques. — N.Y., 1982.

13. *Berne E.* Games people play. — N.Y., Grove Press, 1964.

14. *Farrell B.A.* The standing of psychoanalysis. — Oxford: Oxford univ. press, 1981.

15. *Harris A.* I'm OK — You're OK. A practical guide to trans-actional analysis. — N.Y.: Evanston, 1969.

16. *May R.* The meaning of anxiety. — N.Y.: Ronald Press Co., 1950.

17. *Sullivan G.S.* Conceptions of modern psychiatry. — L.: Tavistock, 1955.

ПОНЯТИЕ «КОПИНГ-СТРАТЕГИИ» И ПРИМЕР АСОЦИАЛЬНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

Е. В. Сухова

Аннотация: в статье рассматривается понятие копинг-стратегии, которое изучают не только психологи, но и специалисты по персоналу, менеджеры. Описаны разные копинг-стратегии, к которым прибегают здоровые люди и боль-

ные, мужчины и женщины. Отмечается, что иногда способы совладания с жизнеугрожающей ситуацией больных представляют опасность для общества.

Ключевые слова: копинг-стратегии, копинг-стратегии здоровых лю-

дей, копинг-стратегии больных людей, гендерные отличия в использовании копинг-стратегий.

Summary: *coping strategies are studied not only by psychologists, but also by specialists of personnel managers. Describes coping strategies resorted to healthy people. Sick people have resorted to other coping strategies, men and women are different. Sometimes ways of coping with life-threatening situation patients pose a danger to society.*

Keywords: *coping strategies of coping-strategies healthy people, coping strategies sick people, gender differences in the use of coping strategies.*

Термин «копинг» (англ. coping) впервые появился в психологической литературе в 1962 г. при изучении преодоления детьми кризисов развития. Р. Лазарус в книге «Психологический стресс и процесс совладания с ним» (1966) описал копинг как стратегию совладания с тревогой и стрессом: «непрерывно меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека» [11]. В настоящее время под копинг-стратегиями понимаются осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека [1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10]. Копинг следует рассматри-

вать как процесс, предполагающий динамику или постоянные изменения приемов совладания, поскольку личность и среда образуют неразрывную динамическую взаимосвязь и оказывают друг на друга взаимное влияние. Методика копинг-стратегии зависит от конкретной проблемы, самочувствия человека. В настоящее время методики копинга очень разнообразны и объединяют в себе несколько видов.

Копинг-стратегия *конфронтация* — ожесточенное противостояние между человеком и сложившейся ситуацией. Применяется как агрессивный ответ конкретным жизненным обстоятельствам, человек воспринимает ситуацию враждебно и отвечает адекватно ее враждебности. Копинг-стратегия *самоконтроль* — подавление эмоций для того, чтобы перейти к разумным действиям. Копинг-стратегия *поиск поддержки* — стремление обратиться за помощью к близким, единомышленникам, избавиться от одиночества в трудную минуту, часто в момент личного горя, утраты близкого, несчастья. Копинг-стратегия *побег* — уход от проблем, ответственность за поступки переносится на других людей. Копинг-стратегия *планирование* — выработка точного плана выхода из сложившейся ситуации. Копинг-стратегия *позитивная переоценка* — стремление увидеть в любой ситуации свои положительные стороны. Копинг-стратегия *принятие ответственности* — принятие своих ошибок как данность. Копинг-стратегия *откладывание ответственности* — решение проблемы на расстоянии, дистанцирование от проблемы [11, 12]. В исследованиях совладающего поведения [2, 3, 5, 8, 9, 10] установлено, что факторами, влияющими на выбор стиля и стра-

тегии совладающего поведения, являются особенности ситуации и воспринимаемый контроль над ней, а также особенности личности.

Рассмотрим пример. Фиброзно-кавернозный туберкулез легких является длительно протекающим заболеванием, которое сопровождается развитием осложнений, может закончиться развитием инвалидности, нарушает жизненные планы, отношения с окружающими. Возникает вопрос, какие копинг-стратегии используют больные этим заболеванием и насколько они социально приемлемы и эффективны.

Целью проведенного исследования было изучение специфики копинг-стратегии у больных фиброзно-кавернозным туберкулезом легких и ее социальной приемлемости.

Была обследована группа больных фиброзно-кавернозным туберкулезом легких из 253 человек, 152 мужчины и 101 женщина, проходивших курс стационарного лечения в Самарской областной туберкулезной больнице. Пациенты отобраны методом сплошной выборки. Клинические методы обследования были обычными для подтверждения диагноза «туберкулез легких».

Для выявления специфических эмоций больного человека в ответ на заболевание была разработана специальная анкета (рационализаторское предложение № 509 Самарского военного медицинского института), а для выявления особенностей поведения — другая анкета (рационализаторское предложение № 216 Самарского государственного медицинского университета). Все больные были информированы о том, что анкетирование анонимное, анализируются лишь обобщенные данные.

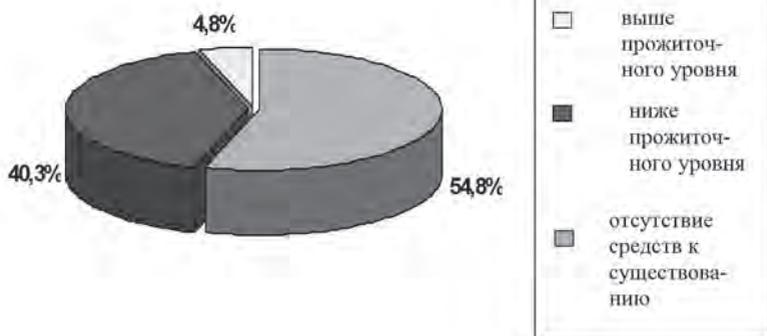
Возраст больных с фиброзно-кавернозным туберкулезом легких составил: мужчины $45,7 \pm 3,8$ года; женщины: $44,0 \pm 3,9$ года. Средняя длительность заболевания туберкулезом среди всех больных была $7,5 \pm 1,8$ года. Клинические характеристики больных соответствовали заболеванию. фиброзно-кавернозным туберкулезом легких.

Основные жалобы больных были следующими: общая слабость, одышка при незначительной физической нагрузке, постоянный кашель с небольшим количеством слизисто-гноной мокроты, потливость по ночам, нарушение ночного сна, снижение работоспособности.

Анализ социальной ситуации показал следующее.

60,3 % больных из сельской местности имели начальное или неполное среднее образование, 58,4 — среднее и 8,9 % — высшее. 57,8 % мужчин употребляли алкоголь и 98,7 % курили, стаж курения превышал 10 лет. Среди женщин курили 62,4 %, причем у 38,7 % стаж курения превышал 10 лет. 62,3 % мужчин отбывали срок в исправительных учреждениях. Заболевание началось в местах лишения свободы у 40,3 % обследованных.

Материальное положение оценивалось по следующим категориям: отсутствие средств к существованию; материально зависимые, то есть доход на одного члена семьи был ниже прожиточного минимума; материально обеспеченные, то есть имеющие доход в виде прожиточного минимума и выше. В каждом регионе существует свой оценочный показатель. Он характеризуется отношением бюджета прожиточного минимума к средней заработной плате. Расчет осуществ-

Рис. 1. Характеристика материального положения у больных фиброзно-кавернозным туберкулезом легких

вляется по каждому административно-территориальному формированию и контролируется службами социальной защиты. Изменение материального положения у лиц исследуемой группы представлено на рис. 1.

Таким образом, 55 % больных фиброзно-кавернозным туберкулезом легких не имели средств к существованию.

Заболевание фиброзно-кавернозным туберкулезом легких привело к развитию у обследуемых целой гаммы разнонаправленных эмоций. В результате анкетирования эти эмоции были выявлены. В таблице 1 в процентах представлено количество мужчин и женщин, имеющих определенную эмоцию.

Таким образом, из данных таблицы 1 становится понятным, что у больных хроническим туберкулезом легких в ответ на заболевание, длительное лечение и изменения поведения окружающих развились различные эмоции, которые можно сгруппировать как различного рода страхи, стыд за свою болезнь

и недовольство вынужденной социальной изоляцией.

Из литературных источников [4, 6, 8] известно, что с помощью эмоций (особого вида психических процессов, которые выражают переживание человеком его отношения к окружающему миру и самому себе) оценивается значимость действующих объектов и ситуаций. Специфические эмоции изменяют, контролируют и направляют поведение (табл. 1). Под их влиянием изменилось поведение больных людей. Изменение поведения мужчин и женщин, страдающих фиброзно-кавернозным туберкулезом легких, представлено в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, каждый больной человек использовал одновременно несколько копинг-стратегий, то есть способов совладания с ситуацией хронического заболевания. Эти способы достоверно имеют гендерные отличия.

Как известно, с помощью эмоций происходит оценка значимости событий и ситуаций. Особенно сильны те эмоции, которые появляются как реак-

Таблица 1

Специфические эмоции больных хроническим туберкулезом легких

Специфические эмоции больных	Процент мужчин	Процент женщин
Стыд за свое заболевание при расспросах и разговорах о нем окружающих	16,8±2,3	18,3±3,1
Утаивание диагноза от близких и окружающих из-за стыда	48,2±2,6	20,6±1,8
Разговоры о своем заболевании и обсуждение его проявлений только с близкими из-за стыда	27,0±3,2	40,3±2,4
Боязнь того, что окружающие могут увидеть их входящими в противотуберкулезный диспансер	72,4±2,8	80,3±3,1
Уверенность в том, что как только окружающие узнают о заболевании туберкулезом, то начнут их избегать	68,0±2,6	80,2±1,9
Недовольство тем, что заболевание привело к ограничению контактов с людьми	80,3±3,2	80,7±2,7
Чувство изоляции от общества	48,6±1,7	60,8±3,2
Чувство изоляции от друзей	38,8±2,5	40,3±2,6
Возмущение из-за отсутствия эмоциональной поддержки членов семьи, близких и друзей	80,7±2,9	60,4±2,4
Уверенность в том, что больные туберкулезом являются изгоями общества	20,4±2,6	27,8±2,9
Чувство усталости от болезни, длительного лечения	48,4±3,2	60,4±2,6
Ощущение собственной физической слабости	52,4±2,5	20,6±1,8
Страх потерять работу	12,3±2,6	10,7±3,4
Страх перед неопределенностью будущего	20,6±2,4	40,7±1,7
Страх остаться в одиночестве из-за болезни	11,4±3,2	36,3±1,9
Страх перед невозможностью физически защитить себя	20,4±1,2	10,5±3,1
Страх умереть от туберкулеза	20,5±3,1	30,7±1,7
Усталость от разлуки с близкими	38,7±2,1	52,4±4,1
Усталость от больничного питания	44,2±1,9	66,7±2,3
Усталость от больничного окружения	52,7±2,3	42,9±3,1
Страх болезни и обсуждение ее симптомов с другими пациентами	46,2±2,1	61,9±1,8
Страх перед длительным лечением и обсуждение лечения с более «опытным» пациентом	38,7±3,1	52,4±2,4
Страх смерти и обсуждение с более «опытным» пациентом дополнительных методов лечения	25,3±2,4	37,1±3,2
Желание получить информацию о заболевании	69,1±2,4	85,7±1,8
Жалость к себе	60,1±3,8	80,7±2,1
Желание добиться изменения своего положения	24,4±2,2	35,4±1,9
Желание «отомстить» обществу за свое заболевание, считая, что это не инфекционное заболевание, а социальное страдание	15,3±2,4	8,9±2,3

Вера в благополучный исход заболевания	40,5 ±3,5	57,8 ±4,6
Сожаление о том, что нет более эффективных препаратов и методов лечения туберкулеза	92,7±2,3	100,2±1,9
Степень доверия лечащему врачу	70,4±3,1	79,2±4,7
Степень доверия нетрадиционным методам лечения	84,5 ±6,5	70,7 ±3,7
«Примеривание» симптомов другого пациента на себя	42,2±2,3	35,6±1,9
Равнодушие ко всему, кроме своей болезни	40±2,7	28±3,4

ция на значимые или представляющие для индивида опасность [6]. Заболевание фиброзно-кавернозным туберкулезом расценивается людьми как витальная угроза (выявлены страхи умереть от туберкулеза у 25 % мужчин и 37 % женщин, боязнь собственного заболевания — у 46 и 61 % соответственно) и одновременно как социальная угроза (уверенность в том, что как только окружающие узнают о заболевании туберкулезом, то начнут избегать больного человека, была выявлена у 68 % обследованных мужчин и 80 % женщин, чувство изоляции от общества испытывали соответственно 49 и 61 %, чувство изоляции от друзей — 39 и 40 %, уверенность

в том, что больные туберкулезом являются изгоями общества, — у 20 и 27 %, страх перед неопределенностью будущего — у 20 и 40 %, страх остаться в одиночестве из-за болезни беспокоил 11 % мужчин и 37 % женщин).

В таблице 1 можно выделить 15 эмоций, связанных с болезнью как витальной угрозой, и 18 эмоций, связанных с болезнью как социальной угрозой. Совершенно очевидно, что у каждого больного человека было одновременно несколько эмоций в связи с болезнью.

Для того чтобы справиться с гаммой разнонаправленных эмоций в связи с критической ситуацией болезни, больные фиброзно-кавернозным туберкуле-

Таблица 2

Изменение поведения больных туберкулезом легких

Изменение поведения больных	Процент мужчин	Процент женщин	Достоверность различий (χ^2)
Следование советам других больных	54,1±3,1	31,3±2,5	14,45*
Невыполнение врачебных назначений	34,2±2,5	23,8±4,1	3,15
Правильность выполнения врачебных назначений	50,1±4,9	66,2±4,7	5,80*
Использование нетрадиционных методов лечения	75,6±3,2	34,9±1,9	4,23*
Выполнение правил личной гигиены	28,4±3,5	74,4±2,3	4,93*
Обращение к религии	76,8±3,4	64,7±3,6	4,78*

Примечание: * различие достоверно.

зом сознательно применяют различные приемы совладания, используют копинг-стратегии.

О приемлемости копинг-стратегии «поиск поддержки» для данной категории лиц свидетельствует тот факт, что 80 % обследованных мужчин и 60 % женщин выразили возмущение из-за отсутствия эмоциональной поддержки членов семьи, близких и друзей, то есть реально они поддержки не нашли и реализовать данную стратегию им оказалось невозможным. О приемлемости применения стратегии «планирование» свидетельствует тот факт, что желание получить информацию о заболевании было выявлено у 69 % мужчин и 85 % женщин, то есть фактически они не имеют информации о болезни и вследствие этого прибегнуть к такой стратегии не могут. О применении копинг-стратегий можно судить по анализу изменения поведения больного человека. Какие же копинг-стратегии применяются для совладания с длительным заболеванием фиброзно-кавернозным туберкулезом легких?

На первом месте по частоте использования у мужчин с указанным диагнозом находится копинг-стратегия «обращение к религии». Религия учит смирению, принятию ситуации. На наш взгляд, обращение к религии помогает справиться со страхом смерти. На втором месте у мужчин копинг-стратегия «использование нетрадиционных методов лечения», которую можно интерпретировать как веру в чудо излечения. На третьем месте — невыполнение правил личной гигиены, копинг-стратегия «заражение окружающих».

У женщин, страдающих фиброзно-кавернозным туберкулезом легких, на

первом месте по частоте использования копинг-стратегия «совладание с ситуацией длительного заболевания» — выполнение врачебных назначений. На наш взгляд, это не партнерство врача и пациента в борьбе с заболеванием, не активное сотрудничество, а перекалывание ответственности за течение и исход на врача. Для партнерских отношений, активного сотрудничества с врачом больным недостает информации по своему заболеванию (69 % мужчин и 86 % женщин выразили желание ее получить). На втором месте у женщин — обращение к религии (способ смириться с возможностью смерти, инвалидности, социальной изоляцией). Вера в чудо — использование нетрадиционных методов лечения у женщин на третьем месте по частоте применения.

Сравнивая копинг-стратегии больных мужчин и женщин, можно понять, что только одна четвертая часть женщин прибегает к заражению окружающих, они больше мужчин склонны оберегать от заражения тех, кто рядом. Мужчины чаще женщин следуют советам других больных (перекалывают ответственность на более опытных больных). Выявленные эмоции показали наличие страха смерти от своей болезни (21 % мужчин и 31 % женщин). Но тем не менее 34 % мужчин и 23 % женщин не выполняют врачебных назначений. На наш взгляд, это своеобразная бравада, достоверно более свойственная мужчинам с фиброзно-кавернозным туберкулезом легких. Половина мужчин выполняет врачебные назначения (и 66 % женщин), но для осознанного партнерства больным недостает информации о болезни. Использование нетрадиционных методов лечения более характерно

для мужчин с фиброзно-кавернозным туберкулезом легких: как оказалось, они больше женщин верят в чудо и достоверно чаще обращаются к религии. Выполнение врачебных назначений можно расценить как продуктивную копинг-стратегию, она более характерна для женщин. Стратегии, направленные на решение проблемы, считаются более эффективными, чем стратегии, назначение которых — совладание с отношением индивида к проблеме [11, 12]. Из шести выявленных копинг-стратегий больных фиброзно-кавернозным туберкулезом легких пять являются непродуктивными. Кроме того, приемом совладания с длительно протекающим заболеванием выступает умышленное заражение окружающих. Такое поведение является асоциальным, а данная копинг-стратегия — социально опасной.

В последнее время копинг-стратегии широко изучаются не только психологами, но и специалистами по работе с персоналом. На наш взгляд, следует иметь представление и о непродуктивных копинг-стратегиях, представляющих социальную опасность.

Итак, можно сделать определенные выводы:

1. Больные люди используют несколько другие копинг-стратегии для совладания с ситуацией, представляющей опасность, чем здоровые люди.

2. Каждый больной человек одновременно прибегает к нескольким копинг-стратегиям.

3. Мужчины и женщины прибегают к различным копинг-стратегиям.

4. Копинг-стратегии больных туберкулезом легких могут представлять собой социальную опасность, по большей части они являются непродуктивными.

Литература

1. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
2. *Карвасарский Б.Д.* Клиническая психология. — СПб.: Питер, 2004. 539 с.
3. *Ким В.В.* Общие меры профилактики преступности осужденных, больных туберкулезом // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4.
4. *Калинова И.Л.* Сравнительный анализ структуры межличностного общения осужденных женщин при наличии у них ситуативных и смертельно опасных заболеваний в контексте принятия ими медико-психологической помощи // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 82–88.
5. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.
6. *Муздыбаев К.* Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журн. социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1. — Вып. 2.
7. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психолог. журн. — Т. 18. — 1997. — № 5.
8. *Перре М., Бауман У.* Клиническая психология. — СПб.: Питер, 2007. — 1312 с.
9. *Щербатых Ю.В.* Психология страха. — М.: Эксмо, 2002.
10. *Ayers T.S., Sandier I.N., West S.G., Roosa M.W.* A dispositional and situational assessment of children's coping: Testing alternative models of coping // Journal of personality. — 1996. — № 64. — P. 923–958.
11. *Causey D.L., Dubow E.F.* Negotiating the transition to junior high school: The contributions of coping strategies and perceptions of the school environment. // Prevention in Human Services. — 1993. — № 10. — P. 59–81.
12. *Compas B.E., Forsythe C.J., Wagner B.M.* Consistency and variability in causal attributions and coping with stress // Cognitive therapy and research. — 1988. — № 12. — P. 305–320.
13. *Herrman-Stahl M.A., Stemmler M., Petersen A.C.* Approach and avoidant coping: Implications for adolescent mental health // Journal of youth and adolescence. — 1995. — № 24. — P. 649–655.
14. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. — New York: Springer, 1984.
15. *Pearlin L.I., Schooler C.* The structure of coping // The journal of health and social behavior. — 1978. — Vol. 19. — №. 1. — P. 2–21.

МОДЕЛЬ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

П. А. Галушкин

Аннотация: в статье рассматривается проблема самореализации лиц с ограниченными возможностями, обосновывается ее модель, излагаются составляющие ее модели.

Ключевые слова: самореализация, самореализация лиц с ограниченными возможностями, модель самореализации, внешние и внутренние факторы самореализации, осмысленность жизни, субъектность, жизненные планы.

Summary: the problem of selfrealization of physically challenged people is treated in the article, its model is substantiated, the components of the model of physically challenged people are stated.

Keywords: selfrealization of physically challenged people, the model of selfrealization, meaningfulness of life, subjectivity, life plans.

В настоящее время все большую актуальность приобретают исследования личностного потенциала человека и возможности его раскрытия — самореализации личности. Усиление внимания психологов к этой проблеме связано с пониманием ее определяющей роли в развитии личности, предъявлением более высоких требований к таким качествам человека, как способность к самообразованию, саморазвитию и самосовершенствованию. Проблема самореализации личности напрямую связана с гуманистической ценностью современного общества — максимальной

реализации человеческого потенциала в каждом.

В последние десятилетия проведено большое количество исследований по проблеме самореализации личности. В работах психологов были:

- определены теоретические подходы к сущности феномена самореализации личности, его природы [1, 4, 13, 17, 18, 19, 20];
- выявлены формы и виды самореализации личности [4, 11, 12, 13, 21, 22];
- изучены условия и факторы, влияющие на процесс самореализации личности [1, 2, 5, 24, 25, 26, 27].

Все интереснее и актуальнее становится исследование специфических особенностей самореализации личности социально незащищенных групп населения, и в частности людей с ограниченными возможностями здоровья [9, 10, 11, 12].

По данным статистики, в последние годы наблюдается неуклонный рост числа лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности, — на настоящий момент они составляют около 10% населения земного шара. В России к началу XXI века в органах социальной защиты на учете состояло около 10 миллионов инвалидов.

Проблема самореализации личности с ограничениями здоровья долгое время не была актуальной для нашего общества и науки. Но в последние годы в России происходит изменение государственной политики: государство и общество призваны обеспечить инвалидам

равные с другими гражданами возможности в реализации прав и свобод, интегрировать их в общество. В 1995 г. был принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а 2009 г. — объявлен «годом равных возможностей».

Проблемы самореализации указанной категории населения имеют особое значение. В психолого-педагогических исследованиях основное внимание уделяется вопросам социальной реабилитации и адаптации. Безусловно, формирование полезных умений и навыков очень важно, но практика показывает, что без стремления самой личности к самореализации все эти усилия оказываются малоэффективными. Необходимы специальные исследования психологических аспектов самореализации личности с ограниченными возможностями. Такие исследования могут составить основу разработки программ психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями, будут способствовать эффективной реализации существующих программ социальной реабилитации и созданию новых комплексных медико-социально-психологических методик реабилитации, имеющих своей целью помочь человеку установить гармоничные отношения с обществом и с самим собой.

Для того чтобы приступить к подобным исследованиям, считаем необходимым обозначить основные представления о самореализации личности, выделить ее структурные компоненты и обозначить связи между ними. Обратим внимание на то, что в отечественной науке нет общепринятого определения категории самореализация личности, а в зарубежной психологии (в связи с тем, что

проблема личностного роста и развития разрабатывалась в рамках конкурирующих научных школ) существует целый ряд близких по смыслу понятий, наиболее известным из которых является категория «самоактуализация», разрабатывавшаяся в рамках гуманистического направления психологии. Причины такого положения следующие.

Во-первых, среди психологов нет единства взглядов на оценку сущности самореализации личности. Анализ психологических исследований показал, что самореализация может рассматриваться как цель, средство, явление, процесс, состояние, результат и итог жизненного пути. Вместе с тем в рассмотренных нами научных представлениях имеется ряд схожих постулатов, во многом дополняющих друг друга. Это объясняется тем, что начало изучения самореализации и самоактуализации в психологии связано со становлением экзистенциально-гуманистического направления, поэтому и фундаментальные свойства исследуемого нами явления были заложены в русле именно этого направления.

Во-вторых, психологи расходятся в оценках природы самореализации. Западные ученые преимущественно понимают самореализацию и самоактуализацию личности как природную тенденцию, что ограничивает возможность анализа ее сущности. В отечественной психологии самореализация анализируется в контексте социокультурных, общественных, педагогических явлений.

В-третьих, методологической особенностью проблемы самореализации личности выступает сложность ее изучения. Самореализация не может наблюдаться непосредственно, наблюдаются лишь ее проявления и результаты,

отраженные в психике субъекта и продуктах его деятельности. Самореализацию трудно измерять в силу ее высокой субъективности и контролировать в ходе эксперимента из-за влияния большого числа факторов. Это значительно осложняет применение измерительных и экспериментальных методов исследования.

Опираясь на проведенный нами анализ литературных источников и исходя из необходимости создать применимую и в эмпирическом исследовании модель, отражающую сущность самореализации личности, мы можем предложить следующее определение. Самореализация — это процесс актуализации имеющихся потенциалов, реализации жизненных планов в общественно значимых формах жизнедеятельности на основе принятой личностью системы ценностных ориентаций и смыслов. Самореализация является более общим понятием по отношению к самоактуализации, включающим в себя ценностно-смысловую сферу личности как определяющую ее течение, а также социальную и профессиональную сферы как пространство для осуществления ее потенциалов. Самореализация представляет собой основную, хотя и не единственную, врожденную тенденцию человека, которая направлена на развертывание всех заложенных в нем потенциалов и способностей через реализацию полученных знаний и компетенций, а также реализацию ценностей, смыслов и жизненных планов [2, 13].

Самореализация представляет собой процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека. Большинство ученых обращает внимание на то, что развитие личности — процесс, который никогда не завершается, что свидетель-

ствует о бесконечности и неограниченности самораскрытия личности [14, 15, 16]. Этот процесс протекает двояко и может быть направлен в сторону как прогресса, так и регресса [14]. При этом в разные возрастные периоды самореализация имеет свои особенности. Впервые элементы самореализации фиксируются еще в детском возрасте, особенно это заметно у одаренных детей, но полную и подлинную самореализацию мы можем фиксировать только с приходом взрослости, зрелости, так как именно в эти периоды завершается формирование человека как профессионала и субъекта собственной жизни [1, 2, 4, 5, 17].

Как отмечают экзистенциальные психологи, самореализация не происходит сама по себе, этот процесс требует от человека больших волевых усилий. Направление развития человека определяется экзистенциальными выборами, которые он делает в течение всей жизни [24]. Личность не может раскрыть свой потенциал вне общества, поэтому процесс самореализации тесно связан с социализацией и индивидуацией и носит двусторонний характер.

Реализуя себя, личность изменяет свое отношение к окружающим и отношение их к себе. Внутрличностные изменения несут перемены в поведении, что приводит к достижению тех или иных вершин и изменению социального статуса человека в референтной группе и обществе в целом. Данные положения составили основу разработки модели самореализации личности с ограниченными возможностями.

Самореализация — полидетерминированный процесс, поэтому все воздействия, влияющие на нее, можно разде-

Модель самореализации личности с ограниченными возможностями

лить на внутренние, зависящие от человека, и внешние, не зависящие от него. Мы полагаем, что существует связь между успешностью самореализации личности, ее нравственным содержанием, направлением, способом проявления и той социальной средой, в которую человек включался на протяжении своего жизненного пути. Процесс самореализации неразрывно связан с социализацией, и мы обоснованно можем выделять ряд условий, которые оказывают воздействие на человека извне на различных уровнях включенности субъекта в социальные процессы и отношения, а именно макро-средовые, мезо-средовые, микро-средовые условия.

Макро-средовые условия. К ним можно отнести все глобальные воздействия — экологические, социально-политические и экономические особенности общества, в котором живет и действует человек. А. Маслоу, выделяя усло-

вия, способствующие и мешающие самоактуализации, обращал внимание на позитивное значение для личности существования «психически здорового общества» в противоположность авторитарному и наличие синергичной среды [14]. В некоторых случаях эти факторы могут значительно подавлять или, наоборот, стимулировать самостоятельность и активность личности, принимая или отвергая личную инициативу.

Мезо-средовые условия. Более существенное влияние на процесс самореализации личности оказывает система институтов социализации. На основе анализа исследований, посвященных влиянию школьного и вузовского образования на формирование предпосылок самореализации личности, можно утверждать, что система образования вносит существенный вклад в качественные характеристики самореализации личности в зрелости [3, 6, 23]. Ре-

шающим фактором в реализации личностного потенциала являются не природные задатки человека сами по себе, а личностные качества как продукт общего и профессионального образования. Специфической для исследуемой группы населения составляющей внешних условий самореализации выступает категория «безбарьерной среды». В современной теории социальной работы такая среда понимается, с одной стороны, в узком смысле, как физическая общедоступность объектов инфраструктуры для инвалидов и маломобильных групп населения, как непременно условия доступности всей социальной среды (зданий и сооружений, магазинов и предприятий сервиса), с другой стороны, в широком значении, как возможность инвалидов участвовать в общественной, производственной, творческой, спортивной жизни страны, получить достойное образование и квалифицированную работу, вести полноценную и насыщенную жизнь.

Микро-средовые условия. В формировании личности важнейшее место отводится отношениям внутри родительской семьи. А. Маслоу обращал внимание на пагубное значение авторитарного стиля воспитания для полноты реализации человеком своего потенциала [14]. К. Роджерс настаивал на модели безусловного принятия родителями ребенка и отводил важнейшее место в детерминации самореализации личности отношениям «мать — дитя» [16]. В дальнейшем место родительской семьи занимает референтная группа, в качестве которой может выступать студенческий или трудовой коллектив, а также неформальные общности, в которые входит личность. Как показали ранее проведенные нами

исследования, существует корреляция между благоприятным психологическим климатом в коллективе и уровнем выраженности самореализации его членов [8]. Референтная группа является важнейшей составной частью социальной среды и поэтому либо способствует, либо препятствует реализации человеком своего потенциала и способностей.

Внутренние детерминанты самореализации составляют ее предпосылки. В группу предпосылок, зависящих от человека, входят отношение к физическому ограничению, субъектность личности, осмысленность жизни, жизненные планы. Как следует из положений теории Л.С. Выготского, культурно-историческое влияние на развитие личности опосредует влияние наследственных факторов [7]. Самореализация личности всегда характеризуется ситуацией, когда личность становится субъектом собственного развития, однако, учитывая специфику нашего исследования, следует обратить внимание не столько на сами физические ограничения, сколько на субъективное отношение к ним человека.

Важнейшим внутренним свойством личности мы полагаем субъектность — это способность человека опираться на собственные возможности, стержень его действий. Субъектность проявляется в том, что человек является центром инициативы, реализации и ответственности. Субъектность как детерминанта самореализации личности определяет направленность на непрерывное профессиональное и личностное совершенствование, которое будет возможным лишь в том случае, если личность на всех этапах социализации и последующей общественно полезной деятельно-

сти выступает как самоорганизующийся субъект, принимающий самостоятельные и ответственные решения, делающий свободный, сознательный выбор, принимающий общечеловеческие ценности как приоритетные.

Важной психологической структурой, преломляющей внешние влияния и соорганизующей жизненный путь человека, является осмысленность жизни. Основными ее составляющими выступают смысложизненные ориентации, цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией [13]. Эти образования соотносятся с целью (будущим), процессом (настоящим) и результатом (прошлым). Человек может черпать смысл своей жизни либо в одном, либо в другом, либо в третьем (или во всех трех сразу). В. Франкл заложил основу для теоретической и эмпирической типологии смыслов жизни [24].

Осмысленность жизни тесно связана с субъектностью личности. Д.А. Леонтьев рассматривает самореализацию как приведение жизни в соответствии со своим смыслом. Еще одной определяющей самореализацию структурой выступают жизненные планы личности. Они являются содержательной основой самореализации. Жизненный план возникает в результате обобщения и укрупнения целей, которые ставит перед собой личность, интеграции и соподчинения ее мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций. Жизненные планы включают в себя ожидания человека, которые выражаются в общем отношении к собственному будущему. Качественными характеристиками жизненных планов можно назвать:

- обеспеченность планов средствами их реализации, что выражается в дей-

ствиях, которые субъект предпринимает в настоящем для достижения будущих целей;

- само содержание жизненных планов — их насыщенность, объемность, широта и т. п.;

- целостность целей планов, ожиданий личности.

В случае согласованности этих элементов можно говорить о единой жизненной программе субъекта.

Обосновываемая нами модель самореализации включает в себя сферы ее осуществления, позволяющие фиксировать объективные проявления этого процесса и определять его направленность и структуру. Человек может реализоваться в совершенно различных сферах жизнедеятельности — в профессии, творчестве, воспитании детей и т. д.

К формам проявления самореализации мы можем отнести: во-первых, деятельностные проявления, выражающиеся в профессиональных достижениях, творческих успехах, уровне компетенции, материальном положении; во-вторых, социальные проявления — высокий социальный статус, включенность в общественные отношения, широкий круг общения; в-третьих, внутренние формы, выражающиеся в личностном развитии. По общему мнению, самоактуализирующиеся люди обладают целым рядом положительных характеристик, в частности творческими проявлениями, субъективным контролем, ориентацией на самостоятельность, свободу и другие нравственные ценности.

Деятельностная сфера включает в себя любую общественно полезную, социально значимую деятельность, в том числе творческую и общественную. При оценке эффективности реализации в

этой сфере необходимо помнить, что, несмотря на безусловную значимость материального вознаграждения как фактора ценности для общества выполняемой деятельности, существуют нематериальные варианты признания полезности вклада человека: эстетическая ценность продуктов творчества и тот вклад, который человек привносит в свое бытие и в бытие своего окружения. Эти нематериальные ценности также необходимо учитывать, чтобы наиболее полно оценить достижения человека в направлении деятельности реализации.

Социальная сфера — это вся совокупность общественных отношений, в которые включается субъект. Подлинная самореализация невозможна вне социума, который, с одной стороны, дает человеку нормы, правила, модели поведения, а с другой — является тем пространством, где человек может реализовывать свой потенциал. Сюда мы можем отнести социальный статус личности — коллектив. За критерий оценки успешности реализации в этой сфере можно принять удовлетворенность человека отношениями с референтной группой и обществом в целом, а также ценность этого человека для тех малых и больших групп, в которые он включается. В качестве ориентиров мы можем рассматривать степень реализации потребности в общении, качественную сторону этого общения, неконфликтность, широту социальных связей и т. п.

Личностная сфера самореализации состоит в обретении новых личностных смыслов, приобщении к универсальным человеческим ценностям, раскрытии своего «Я», своей самости. В качестве критериев оценки этой сферы са-

мореализации принимают ориентацию во временном континууме, способность проживать жизнь «здесь и теперь». Показателями продвижения самореализации в личностной сфере являются высокий уровень самопринятия, позитивное и адекватное самоотношение, самоуважение, способность творчески мыслить в повседневной жизни.

Благодаря моделированию процесса самореализации личности человека мы можем разрешить основные затруднения, возникающие при эмпирических исследованиях. Во-первых, благодаря выделению и описанию основных компонентов самореализации личности становятся ясны ее природа, процессуальная сущность и полидетерминированность. Во-вторых, проявляется очевидность взаимосвязи внешних и внутренних условий, направляющих течение самореализации личности, что в практическом смысле позволяет строить программы психологического воздействия, способные комплексно корректировать личностный рост и развитие человека с учетом всех его индивидуальных особенностей. В-третьих, открываются возможности для систематического и комплексного эмпирического исследования процесса самореализации личности через выделенные его составляющие. В-четвертых, данная модель позволяет исследовать процессы личностного роста людей с ограниченными возможностями здоровья, обнаружить специфику, свойственную этой группе, и на основе полученных данных разрабатывать и проводить комплексные реабилитационные программы.

Литература

1. *Абулханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991.
2. *Ахмеров Р.А.* Жизненные программы личности // Наука и практика. Диалоги нового века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Набережные Челны: Изд-во КГПИ, 2003. — Ч. 1. — С. 3–4.
3. *Богданов Е.Н., Завыкин В.Г.* Психология личности в конфликте. — СПб.: Питер, 2004.
4. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. — 1997. — № 5. — С. 3–19.
5. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Рос. академии образования. — М.: Магистр, 1999. — С. 30–41.
6. *Вахромов Е.Е.* Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. — М.: Изд-во МПА, 2001.
7. *Выготский Л.С.* Психология. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
8. *Галушкин П.А.* Психологические особенности самоактуализации личности в студенческих и трудовых коллективах: монография / под общ. ред. Е.И. Исаева. — М.: АПК и ППРО, 2006.
9. *Датий А.В.* Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
10. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
11. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.
12. *Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н.* Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.
13. *Леонтьев Д.А.* Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. — М.: Смысл, 2001.
14. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. — СПб.: Евразия, 2002.
15. *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. — М.: Смысл, 2001.
16. *Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия. — М.: Рефл-бук, 1997.
17. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
18. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.
19. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 116–126.
20. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.
21. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.Н.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.
22. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.
23. *Сочивко Д.В., Чубиц В.Э.* Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.
24. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
25. *Щелкушкина Е.А.* Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.
26. *Юсуфов Р.Ш.* Проблемы медико-санитарного обеспечения и социальной адаптации лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 142–143.
27. *Яковлева Н.В.* Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Д. В. Гамидов

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, проводится анализ категорий лиц, больных наркоманией, которым предоставляется отсрочка отбывания наказания, приведены критерии, по которым предоставляется отсрочка отбывания наказания больным наркоманией.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, больной наркоманией, медико-социальная реабилитация.

Summary: in given article some are considered problem a question of a delay of serving of punishment sick of a narcotism. In article the analysis of categories of the persons sick of a narcotism to which the delay of serving of punishment is given is carried out. Criteria on which are considered the delay of serving of punishment sick of a narcotism is given.

Keywords: a delay of serving of the punishment, a sick narcotism, mediko-social rehabilitation.

Современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьез-

ную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения [1].

Действующее уголовное законодательство предусматривает отсрочку реального отбывания наказания осужденным беременным женщинам, женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющимся единственным родителем, кроме осужденных к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была введена новая норма, предусматривающая отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, совершившим впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), и изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию.

Согласно статистическим данным за 2011 г. в исправительных учреждениях содержались 124 747 осужденных к лишению свободы за преступления,

связанные с наркотиками (ст. 228–234 УК РФ) [3].

Предоставив больным наркоманией лицам возможность отсрочки отбывания наказания, законодатель, по-видимому, руководствовался:

- с одной стороны, стратегическими задачами государственной антинаркотической политики, в частности такой из них, как сокращение спроса на наркотики [2];

- с другой стороны, соображениями о недостаточной эффективности уголовно-правового воздействия на больного наркоманией лица в ситуации реального отбывания им наказания в виде лишения свободы [1].

Однако чем обусловлен выбор преступлений, за которые может быть назначена отсрочка реального отбывания наказания лицам, больным наркоманией, остается непонятным [6, 7, 10].

По мнению профессора Э. Жевлакова, перечисленные в ст. 82.1 УК РФ преступления относятся с учетом изменений в ст. 15 УК РФ, внесенных Федеральным законом от 7 января 2011 г., к преступлениям небольшой тяжести, и суды редко назначают по ним наказание в виде реального лишения свободы, хотя такая возможность в соответствии со ст. 56 УК РФ им предоставлена [10].

Из текста указанных статей видно, что данные преступления не связаны со сбытом наркотических средств и психотропных веществ, и соответствующие посягательства чаще всего совершаются лицами, больными наркоманией, с целью удовлетворения своих потребностей в наркотических средствах и психотропных веществах.

На наш взгляд, также целесообразно включить в перечень преступлений,

указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 230 УК РФ, относящееся к категории средней тяжести, так как в большинстве случаев лица, которые осуществляют склонение других лиц к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, сами являются больными наркоманией и им также необходимы лечение и медико-социальная реабилитация.

Суд, разрешая вопрос об отсрочке наказания в порядке ст. 82.1 УК РФ, должен иметь достоверные данные о том, что лицо действительно больно наркоманией. Согласно Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» больным наркоманией признается лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования поставлен диагноз «наркомания». Наркомания — заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства и психотропного вещества. Следовательно, одним из оснований установления факта заболевания наркоманией будет результат медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии со ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Если на стадии предварительного расследования медицинское освидетельствование не проводилось, суду необходимо назначить его.

В связи с тем что ст. 82.1 УК РФ предусматривает вид отсрочки от отбывания наказания, связанный с лечением от наркомании, на наш взгляд, следует законодательно обязать органы предварительного расследования назначать судебно-наркологическую экспертизу в отношении лиц, подозреваемых в совершении указанных преступлений, с целью

установления диагноза «наркомания». Проведение экспертизы в рамках предварительного расследования позволит сократить срок рассмотрения уголовного дела в суде, вынести обоснованный и справедливый приговор.

Лицу, признанному больным наркоманией, необходимо без чьего-либо давления изъявить желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Государство гарантирует больным наркоманией оказание наркологической помощи, которая включает в себя обследование, консультирование, диагностику, лечение и медико-социальную реабилитацию, которая проводится в учреждениях государственной, муниципальной или частной систем здравоохранения, получивших лицензию на указанный вид деятельности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [5, 8, 9, 11, 15]. Имеется в виду, что медико-социальная реабилитация — это не просто лечение, а совокупность медицинских, психологических, педагогических, правовых и социальных мер, направленных на восстановление физического, психического, духовного и социального здоровья, способности функционирования в обществе (реинтеграцию) без употребления наркотиков [1]. Лечение и медико-социальная реабилитация предусматриваются на 5 лет, но не более [4, 12, 13, 14].

Подводя итог, отметим следующее:

а) требуется расширить перечень статей, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотиков, указанных в ст. 82.1 УК РФ, и дополнить ч. 1 ст. 230 УК РФ;

б) в качестве оснований предоставления отсрочки наказания необходимо

представлять суду медицинские документы, заключения о том, что лицо действительно больно наркоманией;

в) проведение судебно-наркологической экспертизы позволит суду сократить срок рассмотрения уголовного дела, для вынесения обоснованного и справедливого приговора.

Литература

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 2. — Ст. 219.

2. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 (в ред. от 28.09.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.

3. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России [Электронный ресурс]. — URL: <http://fsin.su>.

4. Наркотики в молодежном дискурсе: подход теории социальных представлений / И.Б. Бовина, М.Г. Дебольский, Н.В. Дворянчиков [и др.] // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 53.

5. Гришко А.Я. Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 14–19.

6. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.

7. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.

8. Зарипов З.С., Семенец М.Ю. Наркотизм среди несовершеннолетних и его профилактика на уровне местного сообщества 2009 г. // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 66–72.

9. Жарких А.А. Особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в рамках теории ведущих тенденций // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 49–58.

10. Жевлаков Э.Н. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. — 2012. — № 3. — С. 24.

11. Калинова И.Л. Сравнительный анализ структуры межличностного общения осужденных женщин при наличии у них ситуативных и смертельно опасных заболеваний в контексте принятия ими медико-психологической помощи // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 82–88.

12. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 654 с.

13. Савельева Т.И. Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 137–142.

14. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

15. Юсуфов Р.Ш. Проблемы медико-санитарного обеспечения и социальной адаптации лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 142–143.

ПРЕСТУПНИК: ПОВЕДЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ (ЗАМЕТКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ)

Д. М. Плоткин

Аннотация: в статье описан ряд примеров из практики следователя по особо важным делам.

Ключевые слова: преступник, личность, преступление, убийство.

Summary: this article describes several examples from the practice of the investigator for particularly important cases.

Keywords: criminal, personality, crime, murder.

Проработав долгие годы следователем прокуратуры Рязанской области, я неожиданно поймал себя на мысли о том, что следствие и суд, решая судьбу преступника, не всегда надлежаще учитывают его личность, отдавая предпочтение объективной стороне преступления. Но ведь цель наказания состоит не столько в том, чтобы покарать виновного, сколько в том, чтобы подобного преступления он не совершал впредь.

Расследую уголовные дела, я всегда старался встретиться с государственным обвинителем и настроить его так, чтобы он ориентировал суд на принятие своего решения с учетом изучения личности подсудимого.

В 1993 г. мне с коллегами пришлось в рабочем поселке Старожилово расследовать «дело людоедов». Руководил группой преступников 28-летний Сергей Сопин — местный житель. Мнил он себя супер-человеком, считал, что может распоряжаться не только чужими судьбами, но и чужими жизнями. Жить этому

«супер-человеку» пришлось в квартире, смонтированной из лошадиных стойл бывшей конюшни известного в дореволюционной России предпринимателя фон Дервиза, работать на тракторе и убирать навоз на конном заводе. Не соответствие действительного и желаемого, помноженное на жестокость, дерзость, корысть и гипертрофированное властолюбие, привело Сопина к созданию молодежной преступной группы, совершившей 4 убийства. Два из них исполнил учащийся ветеринарного техникума Максим Тарасов, приехавший в эту местность на производственную практику. Убивал он по приказу Сопина и под его психологическим воздействием, боясь, что в случае отказа последний расправится с ним самим. Однажды Сопин попытался накормить свою овчарку чelовечиной — внутренностями одной из убитых молодых девушек. Таким образом он хотел воспитать личную «собаку Баскервилей», которая бы по его команде загрызала негодных ему людей. Собака отказалась есть человеческое мясо и убежала. Тогда Сопин приготовил из него жаркое, которое в дальнейшем употребил в пищу.

Особенности личности Тарасова (в том числе стремление учиться, искреннее раскаяние, желание помочь следствию) позволили сделать вывод, что он в результате назначенного наказания может исправиться и вернуться к нормальной жизни. Личные же особенности характера Сопина, наоборот, свидетельствовали о том, что после отбытия нака-

зания он будет продолжать заниматься преступной деятельностью и даже намерен расправиться с участниками процесса, которые уличают его.

Хотя формально большую часть активной стороны убийств выполнял Тарасов, прокуратура тем не менее ориентировала суд на применение к нему меры наказания в виде лишения свободы, а к Сопину — смертной казни. Приговор суда соответствовал позиции государственного обвинителя. Лишь введение моратория на смертную казнь позволило Сопину отбывать вместо назначенной ему исключительной меры наказания пожизненное заключение. Приговор суда был справедливым и базировался именно на личностных портретах подсудимых.

Работая в 80-х годах в следственной группе прокуратуры СССР в Узбекистане, я слышал восточную притчу о том, как судья назначил совершенно разные наказания четырем преступникам, совершившим одинаковые преступления. При этом он сказал, что не допустил несправедливости и остался верен правосудию. Одного из подсудимых судья отпустил, просто сказав ему, что такой человек, как он, должен стыдиться своего поступка. Этот человек возвратился домой и принял яд. Другого судья освободил, сурово отчитав. Тот осознал свою вину и навсегда покинул их город. Третьего в соответствии с решением судьи побили палками, после чего осужденный заперся дома и стыдился выйти из него. Четвертому же по приговору суда отрезали нос и уши, вымазали лицо сажей и на осле возили по городу, а он кричал, чтоб передали жене — пусть приготавливает обед, так как он покатается и скоро вернется. И этого человека, по мне-

нию судьи, вряд ли когда-либо удастся исправить.

Было бы, наверное, правильно, если б текст этой притчи находился бы рядом с уголовным кодексом в кабинете каждого судьи.

Расследуя в «лихие 90-е» известное в Рязанской области «дело о слоновской группировке», совершившей множество заказных убийств, в основу расследования нами был также положен подход, предполагающий изучение личности каждого обвиняемого. По этому делу за бандитизм и другие тяжкие преступления было привлечено 22 человека. На всех обвиняемых мы собрали большое количество характеризующих материалов, отражающих условия их жизни и воспитания, начиная с детского возраста. В этом направлении допросили обвиняемых, их родителей, жен и других родственников. Всем обвиняемым были проведены как амбулаторные, так и стационарные судебно-психиатрические экспертизы. Подробно исследовалась личность каждого подсудимого и судьями. Такая скрупулезная работа следователей и судей позволила учитывать при вынесении приговора личность всех подсудимых. С учетом обстоятельств совершенных ими деяний и анализа личностных особенностей каждого сроки наказания подсудимым в приговоре суда варьировали от минимального до максимального предела.

Практика показывает, что иногда условия жизни непосредственно подталкивают человека к совершению преступления. На первом году работы следователем прокуратуры мне пришлось выехать в село, жительница которого зарезала мужа. Убийцей оказалась невысокая хрупкая молодая де-

вушка по имени Валентина. Свекор готов был линчевать убийцу прямо на месте происшествия. Задержанную пришлось срочно увозить из села. Я обратил внимание на то, что девушка после совершения преступления полностью расслаблена, имеет отрешенный вид, находится в полной прострации: попросившись в туалет, справила малую нужду прямо тут же, не обращая никакого внимания на окружающих.

В убийстве она призналась, доказательства были налицо. Казалось бы, все ясно. Родственники убитого и их адвокат требовали для убийцы самого сурового наказания. Однако в ходе следствия я выяснил, что замуж Валентина вышла при необычных обстоятельствах. Девушка хорошо училась в школе, писала стихи, рисовала. Ее «суженый» жил в этом же селе, был гораздо старше будущей жены, прослыл хулиганом и пьяницей. Когда Вале было 17 лет, он напал на нее в безлюдном месте и изнасиловал. Чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности, решил жениться.

Несовершеннолетняя Валентина в результате этого изнасилования забеременела и, боясь людской молвы, согласилась на уговоры насильника. Думала: стерпится — слюбится. Но не слюбилось. Муж выпивал и в пьяном угаре бил молодую жену. Не остановило его и рождение дочери. Так продолжалось несколько лет. Женщина была доведена до отчаянья. Убийство произошло тогда, когда нетрезвый муж, разозлившись на трехлетнюю дочь, с силой толкнул ее, и ребенок ударился головой о стену. В этот момент Валентина, не в силах совладать с собой, стоя на кухне спиной к мужу, схватила нож и, не глядя, замахнулась. Удар ножом пришелся в сердце супруга.

Налицо были признаки аффекта: противоправное поведение потерпевшего, послужившее основанием для аффективной реакции, сужение сознания обвиняемой в момент преступления и моментальность ответной реакции на противоправное поведение супруга, полное расслабленное состояние обвиняемой сразу после совершения преступления. Я собрал доказательства, свидетельствующие об отрицательной личности убитого и положительной личности обвиняемой. Ознакомившись с их личностными портретами и изучив все обстоятельства дела, суд согласился с доводами следствия. Подсудимая была признана виновной в совершении убийства в состоянии аффекта. С учетом ее личности ей было назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

Позже я узнал, что Валентина уехала в другой регион, где стала передовой дояркой, неоднократно поощрялась за успехи в труде, и ее портрет, несмотря на наличие приговора за тяжкое преступление, постоянно располагался на Доске почета.

Действительно, разумный наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался впредь.

Один из моих приятелей как-то рассказал мне удивительную историю из своей жизни. Работая следователем, он направил в суд уголовное дело в отношении одного из преступников. Расследование вел справедливо, не только собирал доказательства его вины, но и старался понять, почему тот нарушил закон, собрал и отрицательные, и положительные данные о его личности. Преступник этот получил по заслугам и на долгие годы отправился в места лишения сво-

боды. Вроде бы был обозлен на работников правоохранительных органов. К выходу этого человека на свободу следователь уже сменил работу и занялся другой деятельностью. Однажды вечером на улице на него напали двое отмороzków с топором, повалили на землю и стали убивать. Находящиеся поблизости добропорядочные граждане наблюдали это действие и боялись в него ввязываться. В это время рядом проходил тот самый бывший уголовник. Увидев происходящее и узнав жертву, он безоружный бросился в драку и спас своего «следака». Тот с повреждениями головы попал в больницу, но остался жив. Мой приятель сказал мне, что когда расследовал указанное уголовное дело, и представить себе не мог, что в будущем обвиняемый спасет ему жизнь. Этот факт красноречиво подтверждает то, что наши представления о личности конкретного преступника не всегда могут правильно предопределить его поступки в будущем.

Когда мы говорим о личности преступника, то подразумеваем личность человека, совершившего преступление вследствие отрицательного отношения к интересам общества, общественно опасного пути реализации своих интересов, вступивших в противоречие с ин-

тересами общественными. Можно говорить о том, что личность человека определяет его сознание, внутренний, духовный мир, и ни грамотность, ни наличие пусть даже большого объема знаний нередко не спасают человека от совершения преступления, а иногда даже способствуют большей изощренности преступной деятельности отдельных индивидуумов.

На мой взгляд, развитие с детских лет внутреннего, духовного мира человека, воспитание у него способности к сопереживанию может стать одним из профилактических барьеров, способных предотвратить совершение этим человеком преступления. К сожалению, в последнее время в наших образовательных учреждениях упор иногда делается не на воспитание здоровой в психологическом и нравственном плане личности, а на получение этой личностью определенного объема знаний. Между тем в образовательных учреждениях любого типа на надлежащем уровне должна решаться задача именно воспитания личности. В противном случае мы больше будем обсуждать тему «личность преступника», чем «личность нравственного и духовно развитого гражданина».

ХАРАКТЕРИСТИКА ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 2009 г.)

А. В. Датий

Аннотация: в статье приведена социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы, составленная по материалам специальной переписи 2009 г.

Ключевые слова: осужденные, характеристика осужденных, специальная перепись осужденных, число судимостей, срок наказания, дополнительные виды наказания, гражданство осужденных, место отбывания наказания.

Summary: this article shows the socio-demographic, criminal law and criminal executing characteristics of HIV-infected sentenced to imprisonment, based on a special census in 2009.

Keywords: prisoners, the characteristic of the prisoners, a special census of prisoners, the number of convictions, sentences have additional types of punishment, the nationality of the convicted, place of incarceration, social ties to convicted persons.

В представленной статье дана характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации, составленная по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.

Социально-демографическая характеристика. Социологией, психологией, педагогикой в последние годы были выявлены закономерности, позволяю-

щие учитывать при работе по исправлению осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений те или иные особенности граждан разного возраста, пола, образовательного уровня, семейного положения [16, 22]. Эти характеристики могут быть использованы и в проводимой нами работе с ВИЧ-инфицированными осужденными.

Проведем анализ данных о распределении ВИЧ-инфицированных осужденных по полу, возрасту, семейному положению, образованию, роду занятий, состоянию здоровья и трудоспособности, гражданству.

Пол. Имеются существенные различия между преступностью мужчин и женщин. Среди ВИЧ-инфицированных осужденных было 85,3% мужчин и 14,7% женщин. Значительно меньшая доля женщин среди осужденных объясняется прежде всего тем, что они реже совершали преступления, особенно тяжкие, влекущие за собой лишение свободы. Кроме того, суды реже назначают им этот вид наказания. Наконец, при назначении лишения свободы женщинам его срок, как правило, менее продолжителен. Женщины быстрее освобождались, что уменьшало их общую численность в местах лишения свободы.

Возраст. Среди факторов, имеющих значение для социально-демографической характеристики осужденных, важное место занимает возраст. В исследованиях разных лет многими авторами отмечалось, какое влияние

на личность осужденного, его интересы, возможность исправления и перевоспитания оказывает возраст. С увеличением возраста, естественно, происходят и изменения личности: становятся другими ее социальные роли и функции, жизненный опыт, привычки и склонности, мотивация поступков, реакция на различные жизненные ситуации. Все эти факторы оказывают существенное влияние на поведение человека [2, 3, 4].

Анализ данных показал, что ВИЧ-инфицированные осужденные, содержащиеся в исправительных учреждениях, распределялись по возрастным группам следующим образом. В возрасте от 30 до 39 лет находится 41,8% осужденных, от 25 до 29 лет — 37,3, от 20 до 24 лет — 10,8, от 40 до 49 лет — 6,9% осужденных. Доля лиц остальных возрастных групп незначительна.

Семейное положение. Наличие семьи в большинстве случаев благоприятно воздействует на лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, облегчает их социальную адаптацию после освобождения. С учетом важности поддержания осужденными социально полезных связей в законодательстве предусмотрена возможность реализации ими права на вступление в брак. В связи с этим нами при проведении исследования вопросу о семейном положении ВИЧ-инфицированных осужденных было уделено большое внимание.

Данные проведенного исследования показали, что 78,0% осужденных в браке не состояли, 15,0% — состояли в браке и сохранили семью, 7,0% — состояли в браке, но семья распалась. Вступили в брак за время отбывания наказания 3,7% ВИЧ-инфицированных осужденных.

Образование. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о важной роли образования как антикриминального фактора [10, 13]. Полученные нами данные подтверждают, что образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека в целом и осужденного в особенности. Образовательный уровень тесным образом связан с формированием потребностей личности, ее интересов, ценностных ориентаций, мотивов и целей деятельности, привычек, правил поведения, способов и форм реагирования на конкретные (в том числе неблагоприятные) жизненные ситуации.

В то же время известно, что образовательный уровень в значительной степени определяет творческие, интеллектуальные и трудовые возможности человека, его общественную значимость. Между тем пребывание осужденных в исправительном учреждении (ИУ) является временным, и одна из основных задач исполнения наказания сводится к подготовке их к освобождению, причем к такой, при которой лица, отбывшие наказание, не только не совершали новых преступлений, но и были в состоянии принести максимум пользы обществу.

Проведенный нами анализ уровня образования ВИЧ-инфицированных осужденных показал, что среднее полное (среднее) образование имели 36,6% из них, среднее профессиональное (среднее специальное и незаконченное высшее) — 30,6, основное общее (неполное среднее) — 24,9, начальное общее (начальное) — 4,1, высшее профессиональное (высшее) — 2,0, не имели образования — 1,8% ВИЧ-инфицированных осужденных.

Являясь, как правило, показателем развития человека, образовательный уровень связан и с некоторыми другими значимыми свойствами личности.

Результаты проведенного нами исследования привели к выводу о том, что по мере увеличения возраста наблюдаются существенные изменения в образовательном уровне осужденных. Так, растет доля лиц, имевших образование в пределах начального общего, и достаточно интенсивно возрастает процент тех, кто получил среднее специальное и высшее образование.

Род занятий до осуждения. Многочисленные исследования разных лет показали, какое большое значение имеет трудовая деятельность в формировании мировоззрения человека и его нравственных взглядов.

Вместе с тем само по себе участие человека в трудовой деятельности не всегда вырабатывает в нем положительные качества и не служит гарантией его правопослушного поведения в обществе. Так, данные нашего исследования показывают, что подавляющее большинство осужденных не были заняты до ареста общественно полезным трудом или учебой. Это, однако, не помешало им совершить преступление.

Без определенных занятий было 56,1 % осужденных, 0,4 % получали пенсионное обеспечение, а 2,4 % официально признаны безработными. Рабочие составляли 25,8 %, служащие — 3,1, лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью — 1,2, иной деятельностью — 4,1 % осужденных. Доля остальных ВИЧ-инфицированных осужденных была незначительна.

Состояние здоровья и трудоспособность. Установить уровень трудоспособ-

ности осужденных необходимо как для решения вопроса о трудовой занятости отдельных лиц, так и для планирования медицинских мероприятий, решения вопроса о совместном или раздельном содержании инвалидов и трудоспособных лиц. Состояние здоровья надо учитывать и при организации индивидуальной воспитательной работы с осужденными. При этом для решения названных задач важно не только знать уровень трудоспособности осужденных, но и характер заболевания, а также трудовые рекомендации медицинских учреждений.

Трудоспособными являются 81,0 % ВИЧ-инфицированных осужденных, ограниченно годны к физическому труду 15,8, признаны инвалидами — 2,8, беременны — 0,2, достигли пенсионного возраста 0,2 % осужденных. Хотя в общем числе осужденных процент лиц, ограниченно годных к физическому труду, и невелик, все же вопрос их трудоустройства имеет определенное значение. Во-первых, это важно с точки зрения исправления и перевоспитания осужденных, поскольку общественно полезный труд является одним из средств исправления. Во-вторых, посильное участие в труде благотворно действует на состояние здоровья. Необходимо также учитывать, что, работая, осужденный будет погашать причиненный преступлением ущерб и сможет помочь семье. В-третьих, деньги, накопленные на личном счете осужденного к моменту освобождения, понадобятся ему в первое время после выхода на свободу.

Гражданство. Гражданами Российской Федерации являются 97,7 % осужденных, иностранными гражданами — 1,9, лицами без гражданства — 0,4 % ВИЧ-инфицированных осужденных.

Таковы основные показатели социально-демографической характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных.

Уголовно-правовая характеристика. Личность преступника нельзя изучать в отрыве от совершенного им преступления, поскольку ее антиобщественная направленность находит свое внешнее выражение именно в объективной стороне преступного посягательства и в конкретном характере действий преступника.

Важнейшие компоненты личности осужденных связаны с их уголовно-правовой характеристикой, то есть с теми свойствами и качествами, которые привели его в места лишения свободы. К их числу отнесены: категория совершенного преступления, статья осуждения, число судимостей, срок наказания, назначенный судом, вид учреждения, дополнительные виды наказания, фактически отбытый срок наказания и неотбытый срок наказания.

Категория преступления, за которое лицо отбывает наказание. В процессе проведения переписи изучался вопрос о том, преступления какой категории в основном совершают ВИЧ-инфицированные осужденные. У 34,8% осужденных преступление относится к особо тяжким, у 41,6 — к тяжким, у 20,1 — средней тяжести, а у 3,5% — не-большой тяжести.

Характеризуя осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, можно отметить корреляцию возраста отбывающих наказание осужденных и характера совершенного ими преступления.

Статья. В ходе переписи анализировался и вопрос о том, какие престу-

пления в основном совершают ВИЧ-инфицированные осужденные. По ст. 228 Уголовного кодекса РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» отбывают наказание 32,8% осужденных, по ст. 228.1–228.4 — 9,2, по ст. 158 «Кража» — 20,2, по ст. 161 «Грабеж» — 8,5, по ст. 162 «Разбой» — 8,0, по ст. 105 «Убийство» — 8,0 и по ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» — 5,7% осужденных.

Число судимостей служит одним из важнейших показателей, характеризующих личность осужденного и его поведение, и дает возможность судить о том, насколько устойчивы у осужденного антисоциальные черты личности.

По нашим данным, распределение осужденных по числу судимостей выглядит следующим образом. У большинства ВИЧ-инфицированных осужденных (41,6%) это первая судимость, у 31,8 — вторая, у 15,2 — третья, у 6,0 — четвертая, у 2,8% осужденных это пятая судимость, у остальных было шесть и более судимостей.

Срок наказания, назначенный судом. С точки зрения организации исполнения наказания в отношении осужденных изучение срока назначенного наказания представляет двойной интерес. С одной стороны, срок наказания в определенной мере можно рассматривать как меру общественной опасности совершенного преступления и преступни-

ка, с другой — это время предстоящего пребывания в исправительном учреждении (разумеется, с учетом возможности досрочного освобождения) и, следовательно, период исправительного воздействия на осужденного.

Согласно результатам наших исследований осужденные распределились в зависимости от срока лишения свободы следующим образом. Назначено наказание до 1 года включительно — 2,0% осужденных, от 1 до 2 лет включительно — 9,6, от 2 до 3 лет включительно — 16,3, от 3 до 5 лет включительно — 30,6, от 5 до 8 лет включительно — 25,8, от 8 до 10 лет включительно — 8,5, от 10 до 15 лет включительно — 4,9%, остальным ВИЧ-инфицированным назначено наказание более 15 лет.

Вид учреждения, в котором назначено отбывание наказания судом. Более чем половине ВИЧ-инфицированных осужденных (56,8%) назначено отбывание наказания в исправительной колонии общего режима, 32,6 — в исправительной колонии строгого режима, 2,2 — в исправительной колонии особого режима, 6,0 — в колонии-поселении, 1,5 — в воспитательной колонии и 0,9% осужденных в тюрьме.

Дополнительные виды наказания. Полученные в ходе переписи данные позволили также определить частоту назначения дополнительных наказаний. Так, только 5,7% ВИЧ-инфицированных осужденных было назначено дополнительное наказание. Удельный вес осужденных, которым в качестве дополнительного наказания был назначен штраф, составил 4,5%. Конфискация имущества (до 2003 г.) определена 1,0% осужденных. Всего 0,1% составила доля лиц, которым назначено

лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград было определено 0,1% ВИЧ-инфицированных осужденных.

Фактически отбытый срок наказания также представляет интерес. На день исследования отбыли наказание до 1 года включительно — 26,0% осужденных, от 1 года до 2 лет включительно — 33,4, от 2 до 3 лет включительно — 18,1, от 3 до 5 лет включительно — 14,8, от 5 до 8 лет включительно — 5,9, от 8 до 10 лет включительно — 1,4, свыше 10 лет — 0,4% осужденных. Иными словами, более трех четвертых ВИЧ-инфицированных осужденных (77,5%) отбыли в местах лишения свободы до 3 лет.

Анализ *неотбытого срока наказания* показал, что предстоит отбывать наказание до 6 месяцев включительно — 6,7% осужденных, от 6 месяцев до 1 года включительно — 10,7, от 1 года до 2 лет включительно — 22,6, от 2 до 3 лет включительно — 21,5, от 3 до 5 лет включительно — 22,7, от 5 до 8 лет включительно — 11,3, от 8 до 10 лет включительно — 2,5, от 10 до 15 лет включительно — 1,6, от 15 до 20 лет включительно — 0,4% осужденным, пожизненно осуждены 0,1% ВИЧ-инфицированных осужденных.

Таковы основные показатели уголовно-правовой характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в ИУ.

Важность **уголовно-исполнительной характеристики** осужденных определяется тем, что она позволяет судить о них в период пребывания в исправительном учреждении. Она показывает,

где и в каком учреждении отбывает наказание осужденный, как воздействует на него наказание, как характеризуется его поведение, отношение к труду, учебе, другим осужденным, какова его общая характеристика [14, 15, 17, 19, 23].

Место отбывания наказания. Данные о распределении ВИЧ-инфицированных осужденных по месту отбывания наказания показали, что 53,7% осужденных отбывают наказание в пределах территории субъекта Российской Федерации по месту постоянного жительства, а 23,4 — даже в том районе (городе), где проживали до ареста. В другом субъекте Российской Федерации по месту осуждения отбывали наказание 1,9% осужденных, в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения — 19,9, не имели постоянного места жительства — 1,1% ВИЧ-инфицированных осужденных.

Условия отбывания наказания. Подавляющее большинство осужденных (80,4%) отбывают наказание в исправительных колониях в обычных условиях, в облегченных условиях — 15,3, в строгих условиях — 2,9%. В тюрьме на общем режиме отбывают наказание 0,7%, на строгом — 0,6% осужденных. В льготных условиях в воспитательной колонии отбывает наказание 0,1% осужденных.

Учреждение, в котором находился осужденный в момент переписи. Подавляющее большинство опрошенных ВИЧ-инфицированных осужденных на момент переписи находились в исправительной колонии — 80,6%, в колонии-поселении — 6,1, в тюрьме — 1,4, в лечебном исправительном учреждении — 7,3, в лечебно-профилактическом учреждении — 2,0, в воспитательной колонии — 0,9, в следственном изоляторе — 1,7%.

Основание нахождения в исправительном учреждении. Подавляющее большинство осужденных отбывают наказание по приговору суда — 91,5%, по постановлению судьи об отмене условного осуждения — 3,5, по постановлению судьи о переводе из исправительной колонии в колонию-поселение — 1,2%, доля других оснований незначительна.

Социальные связи осужденных. Уголовно-исполнительным кодексом РФ (1997) был отменен ряд ограничений, в частности ограничения в переписке, увеличено число разрешенных осужденным свиданий, посылок, бандеролей и передач. Были сняты ограничения в расходовании денежных средств, заработанных в исправительном учреждении или полученных в виде пенсии, увеличен размер присылаемых осужденному денежных средств, которые он имеет право расходовать для покупки в магазине исправительного учреждения продуктов питания и предметов первой необходимости. Рассмотрим, как и в какой мере ВИЧ-инфицированные осужденные реализуют эти права.

Право на получение посылок и передач. Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации разрешает получать посылки и передачи всем осужденным. Число посылок и передач зависит от вида режима учреждения и от условий отбывания наказания осужденным. Анализ результатов проведенного исследования показал, что правом на получение посылок и передач воспользовались 81,1% осужденных.

Право на получение бандеролей. Результаты исследования подтвердили, что правом на получение бандеролей воспользовались 30,7% осужденных.

Право на свидания. Правом на краткосрочные свидания воспользовались 48,1 %, а на длительные — 34,6 % ВИЧ-инфицированных осужденных.

Право на телефонные переговоры. Достоинство телефонных переговоров для осужденных состоит в быстрой передаче информации, возможности сразу же решить какие-то проблемы. Важно и то, что разговор по телефону значительно дешевле приезда на свидание. Наконец, весьма значителен и фактор психологического общения.

К сожалению, этот вид контактов с родственниками пока еще должного развития не получил. Используют право на телефонные переговоры 41,9 % осужденных, 29,3 % ВИЧ-инфицированных осужденных не изъявили желания воспользоваться этим правом.

Право на получение и отправление денежных переводов. 67,6 % ВИЧ-инфицированных осужденных не получали денежные переводы, а 95,8 % — не отправляли денежные переводы.

Число поощрений осужденных. 60,5 % осужденных не имели поощрений, 19,5 — имели одно поощрение, 10,5 — два поощрения, 6,0 % — три поощрения, остальные осужденные имели четыре и более поощрения.

Число взысканий осужденных. 69,1 % осужденных не имели взысканий, 15,6 % — имели одно взыскание, 6,4 % — два взыскания, 3,7 % — три взыскания, остальные осужденные имели четыре и более взыскания.

Характеристика отношения осужденных к труду, по мнению администрации учреждения. К работе относятся добросовестно 45,6 % осужденных, недобросовестно — 6,2, от работы отказываются — 6,6, не работают по не зависящим

от них или уважительным причинам — 36,4, недостаточно изучены, поэтому нельзя сделать выводы о 5,2 % ВИЧ-инфицированных осужденных.

Характеристика отношения осужденных к учебе, по мнению администрации учреждения. Не учатся по уважительным причинам 21,4 % осужденных, из-за отсутствия школы — 2,0, по неуважительным причинам — 2,9 % осужденных. Учатся и к учебе относятся добросовестно 14,7 % осужденных, недобросовестно — 2,0 % осужденных.

Общая характеристика осужденных, по мнению администрации учреждения. Характеризуются положительно 38,7 % осужденных, нейтрально 40,8, отрицательно — 18,0 и являются злостными нарушителями 2,5 % ВИЧ-инфицированных осужденных.

Таковы основные показатели уголовно-исполнительной характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на некоторые общие признаки, позволившие нам получить усредненную социально-демографическую, уголовно-правовую и уголовно-исполнительную характеристику ВИЧ-инфицированных лиц, осужденные данной категории составляют в целом неоднородную группу как по личностным, так и по поведенческим признакам [5, 9, 11, 12, 20, 21].

В связи с изложенным перед администрацией исправительных учреждений, где отбывают наказание ВИЧ-инфицированные осужденные, стоит достаточно сложная задача повышения воспитательного воздействия на них, с учетом углубленного изучения их личностных особенностей [1, 6, 7, 8, 18].

Литература

1. *Воронин Р.М.* Организационно-правовые аспекты охраны здоровья осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 113–115.
2. *Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф.* Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 3. — С. 118–121.
3. *Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 79–80.
4. *Датий А.В.* Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 9. — С. 16–21.
5. *Датий А.В.* Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей — организаторов здравоохранения Федер. службы исполнения наказаний. — М., 2005.
6. *Датий А.В.* Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
7. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
8. *Датий А., Данилин Е., Макеев А.* Система социальных лифтов в действии // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 9. — С. 9.
9. *Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 16. — С. 24–28.
10. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
11. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.
12. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.
13. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. — 2011. — № 1. — С. 43–45.
14. *Датий А.В., Павленко А.А.* К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 1. — С. 58–61.
15. *Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н.* Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.
16. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.
17. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. — 2010. — № 1. — С. 71–74.
18. *Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В.* Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 3. — С. 11.
19. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.
20. *Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.
21. *Мачкасов А.И.* Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников УИС: понятие и особенности // Человек: преступление и наказание. — 2008. — № 4. — С. 135–137.
22. *Тенета Е.Л., Датий А.В.* Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 2. — С. 32–34.
23. *Яковлева Н.В.* Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ОТКРЫТЫЕ УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РАМКАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОЖИВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Д. В. Горбань

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реформирования института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений различных видов; содержатся предложения по изменению действующего законодательства в части рассмотрения проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в рамках отдельного вида условий отбывания наказания в виде лишения свободы — открытых условий, связанных с социальной адаптацией осужденных к жизни на свободе.

Ключевые слова: проживание осужденных за пределами исправительного учреждения, условия отбывания наказания, изменение условий, льготные условия отбывания наказания, прогрессивная система, индивидуализация исполнения наказания, открытые условия отбывания наказания.

Summary: in article questions of reforming of institute of residing of the various kinds condemned outside of correctional facilities are considered. Offers on change of the current legislation regarding consideration of residing condemned outside of correctional facilities within the limits of a separate kind of conditions of serving of punishment in the form of imprisonment — the open conditions connected with social adaptation condemned to life on freedom are made.

Keywords: accommodation of convicts outside prison, serving a sentence conditions, changing conditions, favorable conditions for punishment, a progressive system, individualization of punishment, open conditions sentence.

В исправительных колониях согласно ч. 1 ст. 87 УИК РФ устанавливаются три вида условий отбывания наказания: обычные, облегченные и строгие, а в тюрьмах — два вида режима: общий и строгий. В воспитательных колониях, помимо обычных, облегченных и строгих условий, законодательно закреплены льготные условия. Изменение условий содержания осуществляется путем перевода из одних условий в другие [1, с. 45]. Некоторые ученые отмечают, что перевод из одних условий в другие зависит от поведения осужденных [6, с. 126], иные — предлагают переводить из одних условий в другие при достижении осужденными определенной степени исправления и критериев, оценивающих ее [6, с. 46].

В научной литературе уже достаточно давно ведется дискуссия относительно того, что наличие трех видов условий отбывания наказания в виде лишения свободы недостаточно для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства [3, с. 11; 4, с. 64]. Позиции ученых-пенитенциаристов главным образом основаны на том, что су-

ществующие условия отбывания наказания в виде лишения свободы не отличаются друг от друга с позиции изменения правового положения осужденных и выдвигают различные предложения по совершенствованию системы условий отбывания наказаний в виде лишения свободы.

Идея совершенствования и дополнения условий отбывания наказания новым видом уже заложена в действующем уголовно-исполнительном законодательстве. Таким видом условий, несомненно, является проживание осужденных за пределами исправительных учреждений в соответствии со ст. 129, 133 УИК РФ.

Проблемным вопросом остается законодательное закрепление института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в качестве самостоятельных, отдельных условий и необходимость полной правовой регламентации порядка и условий отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы при проживании осужденных за пределами режимной территории.

Считаем более правильным проживание осужденных за пределами исправительного учреждения рассматривать в качестве *открытых* условий отбывания наказания в виде лишения свободы. Эти условия должны быть предусмотрены во всех видах исправительных учреждений, но для каждого из видов режима необходимо предусмотреть различный объем правоограничений в отношении осужденных и установить его аналогично тому, как в действующем уголовно-исполнительном законодательстве производится дифференциация режима содержания (например, облегченные условия в колониях общего режима и облег-

ченные условия в колониях строгого режима). В облегченных условиях в исправительных учреждениях общего режима осужденным разрешается иметь шесть длительных свиданий в год, а в аналогичных условиях в колониях строгого режима — четыре длительных свидания в год. По такому же принципу должен быть дифференцирован режим отбывания наказания в открытых условиях.

Нам представляется, что такой вид условий надо формально выделить и придать ему соответствующую законодательную трактовку. При этом они должны сводиться к содержанию осужденного за пределами исправительного учреждения закрытого типа в течение определенного периода, предшествующего освобождению. Решение вопроса о переводе осужденного в открытые условия с предоставлением возможности проживания за пределами исправительного учреждения должно быть поставлено в прямую зависимость от стадии прохождения ресоциализационного процесса осужденным в одном учреждении. На наш взгляд, данный перевод должен осуществляться на наивысшей ступени, то есть в облегченных условиях [2, с. 5].

При определении правовой системы отбывания наказания в открытых условиях необходимо учесть, что осужденный полностью прошел все этапы, связанные с исполнением уголовного наказания, был подвергнут как положительному воздействию исправительной составляющей исполнения наказания, так и отрицательному влиянию криминализованной части осужденных. Перевод в открытые условия отбывания наказания будет завершающей стадией отбывания наказания в исправительной колонии.

Критерии, по которым должен дифференцироваться режим отбывания наказания в открытых условиях в исправительных учреждениях различных видов, должны включать в себя:

а) степень физической изоляции осужденного от среды законопослушных граждан: свободное передвижение в пределах исправительного учреждения; свободное передвижение за пределами колонии;

б) степень допускаемого общения осужденного с законопослушными гражданами: разрешение на посещение семьи и родственников в определенные дни; разрешение на посещение семьи и родственников без ограничений; разрешение на общение со всеми лицами, способными оказать положительное влияние на осужденного;

в) степень контроля и надзора за осужденным со стороны сотрудников администрации исправительного учреждения в период его нахождения за пределами режимной территории: выход за пределы исправительного учреждения в сопровождении сотрудников администрации; выход за пределы исправительного учреждения без сопровождения сотрудников администрации; контроль за осужденным сотрудниками администрации по месту жительства за пределами колонии в установленное время и установленное количество раз; полное отсутствие контроля со стороны администрации исправительного учреждения;

г) место проживания осужденного: в специализированном участке (социальной адаптации) в пределах учреждения; в специализированном общежитии (центре) для лиц, готовящихся к освобождению; на арендованной либо собственной жилой площади.

д) объем правомочий при нахождении за пределами исправительного учреждения: разрешение на посещение магазинов за пределами колонии; разрешение на посещение кинотеатров, кафе за пределами колонии; разрешение на посещение любых мест, учреждений и организаций, расположенных за пределами исправительной колонии.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Антонян Е.А.* Условия отбывания наказания в виде лишения свободы как объект теоретического исследования // Человек: преступление и наказание. — 2010. — № 4.

2. *Дроздов А.И.* Вопросы трудовой адаптации осужденных к лишению свободы в системе социальных лифтов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 5.

3. *Зинин Г.Ю.* Судимость как социальное последствие осуждения // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 133–138.

4. *Крымов А.А., Попов В.В.* Теоретико-методологический анализ социально-правовых и социально-психологических функций воспитательного центра в предупреждении рецидивной преступности несовершеннолетних и лиц молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3.

5. *Михайлов А.Н.* Психологическая трансформация стратегий совладающего поведения осужденных молодежного возраста, пользующихся правом бескоймового передвижения // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 62–67.

6. *Скаков А.Б.* Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан: монография. — Алматы, 2004.

7. *Третьяков И.Е.* Условия отбывания наказания в колониях-поселениях с усиленным наблюдением (гипотеза) // Вектор науки / Тольят. гос. ун-т. Сер. Юрид. науки. — 2011. — № 3.

8. *Уваров О.Н.* Об оценке личности осужденного при переводе его в более мягкие условия отбывания наказания и при решении вопроса о предоставлении ему права передвижения без конвоя (сопровождения) // Вестник Том. гос. ун-та. — 2011. — № 345.

9. *Филиппов Р.А.* Особенности учета личности осужденного к лишению свободы в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 131–136.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. С. Кузнецова, Н. А. Полянин

В 2014 г. в журнале «Прикладная юридическая психология» открыта новая рубрика «Медицинская психология в юридической деятельности». В ней планируется освещать вопросы истории и методологии медицинской психологии, становления медицинской психологии в юридической деятельности.

В публикуемых материалах будет уделено большое внимание вопросам патопсихологии, дифференциально-диагностическим и экспертным патопсихологическим исследованиям в правоприменительной практике [2, 6]; показана психология нарушений развития и отклоняющегося поведения, их формы, роль генетических и психосоциальных факторов в их возникновении, а также проблемы профилактики и коррекции отклоняющегося поведения [9, 10, 11, 12, 18, 19].

Планируется раскрыть особенности психологического вмешательства: психотерапии, психологического консультирования и психокоррекции [20, 21]. Будет дана психологическая характеристика участников (клиентов, пациентов) психологического вмешательства, а также причины и мотивы обращения за психологической помощью [3, 4, 5, 7, 8, 22].

Авторы статей постараются показать особенности психогигиены, психопрофилактики, социальной реабилитации, а также психологические аспекты сохранения психического и соматического здоровья человека, направления, принципы и этапы психосоциальной ре-

абилитации больных и инвалидов [1, 14, 15, 23].

В последнем разделе рубрики будут рассматриваться психологические особенности сохранения и укрепления здоровья работников различных профессиональных сфер (МЧС, правоохранительных органов, уголовно-исполнительной системы), вопросы поддержания и сохранения здоровья людей, перенесших или испытывающих воздействие чрезвычайных и экстремальных факторов [13, 14, 15].

Литература

1. Воронин Р.М., Датий А.В. Некоторые особенности женщин-инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4. — С. 57–59.
2. Воронин Р.М., Шатрова Н.В. Состояние и проблемы здоровья призывников // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 1–5. — С. 847–849.
3. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 9. — С. 16–21.
4. Датий А.В. Организация оказания лечебно-профилактической помощи осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации // Вестн. Рос. нового ун-та. — 2003. — № 1. — С. 39–43.
5. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей-организаторов здравоохранения Федеральной службы исполнения наказаний / — М., 2005.
6. Датий А.В. Симуляция психических заболеваний у подследственных и осужденных // Юристы-Правовед. — 2002. — № 1. — С. 72–74.
7. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.

8. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.

9. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: поступление, наказание, исправление. — 2011. — № 16. — С. 24–28.

10. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.

11. Проблемы медико-социальной адаптации страдающих социально значимыми заболеваниями лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы / А.В. Датий [и др.] // Рос. медико-биолог. вестник им. академика И.П. Павлова. — 2010. — № 2. — С. 151.

12. Кузнецова А.С. Правовые основы общегосударственной политики по предупреждению ВИЧ (СПИДА) в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. — 2007. — № 1. — С. 22–26.

13. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 158–163.

14. Мачкасов А.И. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников УИС: понятие и особенности // Человек: преступление и наказание. — 2008. — № 4. — С. 135–137.

15. Мачкасов А.И. Частноправовая природа обязательного государственного страхования // Юрид. мир. — 2009. — № 12. — С. 31–34.

16. Селиванов Б.С. Гигиенические аспекты заболеваемости осужденных, содержащихся в лечеб-

ных исправительных учреждениях для больных туберкулезом // Здоровье населения и среда обитания. — 2008. — № 8. — С. 36–41.

17. Селиванов Б.С. Оценка гигиенических условий содержания осужденных, больных туберкулезом, в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Здоровье населения и среда обитания. — 2008. — № 11. — С. 29–32.

18. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

19. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

20. Щелкушкина Е.А. Обоснование основных направлений психокоррекционной работы с осужденными за убийство // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2011. — № 1. — С. 52–54.

21. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.

22. Щелкушкина Е.А. Особенности социально-психологической деформации личности осужденного // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. — 2010. — № 2. — С. 139–145.

23. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Р. М. Воронин

Аннотация: в статье дается обзор современного состояния медицинской психологии в исправительных учреждениях и определяются основные направления ее развития; раскрывается значимость данного раздела психологии

в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы России.

Ключевые слова: медицинская психология, осужденные, исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, реабилитация.

Summary: *the article describes the current state and the main directions of development of medical psychology in prisons. The author shows the importance of medical psychology in connection with the reform of the penal system in Russia.*

Keywords: *medical psychology, convicted, correctional institutions, health care facilities, rehabilitation.*

Медицинская психология — отрасль психологии, изучающая психологические аспекты гигиены, профилактики, диагностики, лечения, экспертизы и реабилитации больных. В область исследований медицинской психологии входит широкий комплекс психологических закономерностей, связанных с возникновением и течением болезней, влиянием тех или иных заболеваний на психику человека, обеспечением оптимальной системы оздоровительных воздействий, характером отношений больного человека с его окружением. Данное направление психологии интегрирует науку, теорию и практику с целью понять, предсказать и облегчить дезадаптацию, инвалидность и дискомфорт, равно как и способствовать адаптации, приспособляемости и личностному развитию.

Медицинская психология тесно связана с такой медицинской дисциплиной, как психиатрия. Так, совпадающим предметом исследования психиатрии и медицинской психологии являются психические расстройства. Однако медицинская психология, кроме того, занимается такими расстройствами, которые болезнями не признаются (так называемые пограничные психические расстройства). Этот раздел психологии является наиболее востребованным, так как имеет ярко выраженную практическую направлен-

ность на решение насущных проблем тех, кому это наиболее необходимо, то есть больных людей.

Медицинская психология в исправительных учреждениях — сравнительно молодой раздел психологии. Ее появление связано с общей гуманизацией исправительной политики страны, обусловленной глубокими социальными процессами, происходящими в нашем обществе. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предполагает кардинальные преобразования сферы медицинского обеспечения в уголовно-исполнительной системе. Одна из ее целей данного — «гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы» [1], что невозможно осуществить без коренного изменения подходов к медико-психологическому обеспечению осужденных

Психологическое состояние человека оказывает значительное влияние на возникновение болезни, особенности ее течения, развития и эффективности лечебных воздействий. Предмет изучения медицинской психологии применительно к местам лишения свободы — личность больного осужденного и его разнообразные психические проявления при различных заболеваниях и ситуациях (в амбулатории, стационаре, особых условиях режима изоляции). Но, в отличие от других больных, для заболевшего в местах лишения свободы важными представляются специфические, не основанные на предыдущем опыте, отношения, которые складываются у него с окружающими (коллективом осужденных, медицинскими работниками, администраци-

ей), так как они формируют новые психологические связи больного, выражающиеся в его реакциях, переживаниях и действиях. Именно эти отношения характеризуют степень интереса, желания, потребности и вид реагирования и выступают в качестве движущей силы личности.

Можно выделить несколько основных направлений медицинской психологии в местах лишения свободы.

1. Изучение психологических характеристик больных в исправительных учреждениях различных видов. Имеется достаточно большое количество работ, рассматривающих вопросы психологического обеспечения больных в исправительных колониях, воспитательных колониях, лечебных исправительных учреждениях и в лечебно-профилактических учреждениях [11, 23, 24]. Очевидно, что в зависимости от вида исправительного учреждения характеристики осужденных (социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, психологические) весьма разнятся [7, 8, 10, 12, 14]. В связи с этим направленность используемых методов психологической работы также будет отличаться [9, 13]. В ходе реформирования уголовно-исполнительной системы предусматривается репрофилирование большей части исправительных учреждений, что приведет к значительным изменениям в структуре осужденных, изменению их психологического профиля и соответственно, появлению новых задач для медицинских психологов.

2. Изучение психологических характеристик больных в исправительных учреждениях в зависимости от

вида расстройства или заболевания (терапевтические, хирургические, инфекционные заболевания, психические расстройства). При оценке общего состояния больного необходимо учитывать сложные взаимоотношения, которые существуют между болезнью человека и его психическим статусом. У заболевшего (особенно в местах лишения свободы) наряду с изменениями в функционировании органов качественно меняется и психологическое состояние. Болезнь меняет отношение больного к событиям, к себе и коллективу. Больные настороженно относятся к своему состоянию, к словам и действиям медицинского персонала и других сотрудников исправительного учреждения. К этому присоединяется и то психологическое напряжение, которое испытывают осужденные в условиях отбывания наказания, изоляции, длительного отрыва от семьи и привычной профессиональной деятельности. Все это в совокупности вызывает у заболевшего в исправительном учреждении новые расстройства, в результате которых усложняется течение основного заболевания, что, в свою очередь, ухудшает его психическое состояние [5, 15, 16, 17, 22].

3. Изучение медико-психологических аспектов симулятивных проявлений и причинения самоповреждений больными в исправительных учреждениях. Нередко негативная социальная установка к отбыванию наказания в местах лишения свободы формирует у осужденных отклоняющееся поведение в виде симулятивных проявлений (симуляции, аггравации, диссимуляции) и причинении самоповреждений. Попытка их реализации приводит не столько к обману администрации, ме-

дицинских работников, сотрудников различных служб исправительных учреждений, сколько в ряде случаев к ухудшению здоровья осужденных, а значит, и к заметным морально-этическим и материально-экономическим потерям.

4. Изучение медико-этических проблем в исправительных учреждениях. Решение этих проблем особенно важно в лечебно-профилактических подразделениях исправительных учреждений, в которых возникают сложные межличностные отношения между осужденными, медицинским персоналом и больными, а также между медицинской частью и другими службами. Существенную роль играют разнообразные формы психологических воздействий медицинских работников на осужденных при непосредственном и опосредованном контакте с ними. При этом большое значение имеют личностные особенности медицинского персонала, ошибки, совершаемые сотрудниками в процессе выполнения служебных обязанностей, сохранение профессиональной тайны, решение других вопросов, характерных для деятельности медицинских учреждений в местах лишения свободы. Данные аспекты становятся еще более актуальными и приобретают новые формы в связи с реформированием медицинской службы уголовно-исполнительной системы, в ходе которой медицинские подразделения становятся более самостоятельными и сфокусированными на решении исключительно медицинских вопросов.

5. Изучение психологических аспектов сохранения и укрепления здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы. Вопросы поддержания и сохранения здоро-

вья людей, перенесших или испытывающих воздействие чрезвычайных и экстремальных факторов, приобретают в последние годы особую значимость [2, 19, 20, 21, 25]. Учитывая огромные нагрузки, испытываемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, их адекватное психологическое сопровождение становится насущной необходимостью.

Прикладное значение медицинской психологии в исправительных учреждениях сегодня трудно переоценить. На значимость психологической работы с лицами, имеющими те или иные заболевания, обращали внимание многие исследователи, которые отмечали, что лица с психическими отклонениями составляют значительную часть тех, кто нарушает режим в местах лишения свободы. В идеале вся работа с осужденными, имеющими отклонения в психике, должна строиться с учетом нозологической принадлежности того или иного расстройства и связанного с этим поведения. Очевидно, что поведение, например, наркоманов, значительно отличается от поведения олигофренов или лиц, страдающих органическими заболеваниями центральной нервной системы [3]. Каждая категория таких больных нуждается в специфичном реабилитационном режиме, сочетающем воспитательные и лечебные меры в соответствии с характерами расстройства и их психологическими особенностями.

Психологическая работа с осужденными, больными терапевтическими, хирургическими и инфекционными заболеваниями, также имеет ряд особенностей. Например, серьезные изменения психического состояния ВИЧ-инфицированных осужденных, отбываю-

щих наказания в исправительных учреждениях, должны находиться в зоне повышенного внимания медицинского психолога [4, 6, 18].

Сегодня актуальность использования медицинской психологии в деятельности исправительных учреждений уже не вызывает сомнений. На коллегии ФСИН России в ноябре 2012 г. было принято решение об организации обучения психологов исправительных учреждений медицинской психологии на базе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского, что как нельзя лучше отражает текущие потребности уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, реформирование уголовно-исполнительной системы России неразрывно связано с необходимостью изменений в психологическом обеспечении исправительных учреждений, в том числе с широким внедрением методов медицинской психологии в практику работы с осужденными.

Литература

1. Воронин Р.М. Организационно-правовые аспекты охраны здоровья осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 113–115.
2. Воронин Р.М., Шатрова Н.В. Состояние и проблемы здоровья призывников // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 1. — С. 847–849.
3. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. — 2012. — № 3. — С. 118–121.
4. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 79–80.
5. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомо-сти уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 9. — С. 16–21.
6. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей — организаторов здравоохранения Федеральной службы исполнения наказаний. — М., 2005.
7. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
8. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
9. Датий А., Данилин Е., Макеев А. Система социальных лифтов в действии // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 9. — С. 9.
10. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 16. — С. 24–28.
11. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
12. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.
13. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.
14. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. — 2011. — № 1. — С. 43–45.
15. Датий А.В., Павленко А.А. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 1. — С. 58–61.
16. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

17. Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С. Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

18. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. — 2010. — № 1. — С. 71–74.

19. Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В. Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание. — 2011. — № 3. — С. 11.

20. Мачкасов А.И. Обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников УИС: понятие и особенности // Человек: преступление и наказание. — 2008. — № 4. — С. 135–137.

21. Мачкасов А.И. Частноправовая природа обязательного государственного страхования // Юридический мир. — 2009. — № 12. — С. 31–34.

22. Павленко А.А. Влияние международных стандартов обращения с осужденными на реформирование режима исполнения лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 2. — С. 10–15.

23. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

24. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.

25. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е. А. Щелкушкина

В декабре 2013 г. в рамках проведения Первого российского международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» в Академии ФСИН России вышла коллективная монография «Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии» в двух томах [1, 2, 11]. В монографии отражен ряд проблем пенитенциарной науки и практики. Она явилась продолжением ранее проводившихся авторами монографии исследований по этой тематике [3, 5, 6].

В первой главе «Методология пенитенциарной психологии» отражены проблемы методологии юридической, пенитенциарной и социально-пенитенциарной психологии [10, 17, 19]. Показаны междисциплинарные связи пенитенциарной психологии с прикладными отраслями современной науки [8, 21]. В конце главы кратко изложена история развития пенитенциарной психологии.

Вторая глава посвящена вопросам личности осужденного. Рассмотрены проблемы самоидентичности личности осужденных и их деструктивного поведения [7, 9, 13, 20]. Последние параграфы главы отражают вопросы духовно-нравственного развития осужденных [14, 16].

В третьей главе рассмотрены проблемы профессиональной подготовки, организации и оптимизации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы [4].

Последняя глава посвящена вопросам совершенствования деятельности психологической службы в уголовно-исполнительной системе [12, 15, 18].

При составлении коллективной монографии «Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии» были максимально соблюдены позиции авторского видения проблем и авторский стиль изложения.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: монография: в 2 т. / под науч. ред. Д.В. Сочивко. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — Т. 1. — 299 с.
2. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: монография: в 2 т. / под науч. ред. Д.В. Сочивко. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — Т. 2. — 299 с.
3. Болдырев А.В. Диагностика профессиональных деструкций личности: психосемантический подход // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 75–82.
4. Гаврина Е.Е. Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 51–59.
5. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
6. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
7. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
8. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование

медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

9. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

10. *Пастушеня А.Н.* Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 31–40.

11. Первый российский международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 129–130.

12. *Пестриков Д.В., Сеник И.В.* Возможность применения эмоционально-образной психотерапии в работе с осужденными в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 89–96.

13. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.

14. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 116–126.

15. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая ди-

агностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

16. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.

17. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

18. *Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

19. *Сухов А.Н.* Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 8–10.

20. *Щелкушкина Е.А.* Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.

21. *Яковлева Н.В.* Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ВЫПУСК ЖУРНАЛА «ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА: НАУКА И ПРАКТИКА»

Б. С. Селиванов

В 2014 г. издательством РИОР начинается выпуск журнала «Пенитенциарная система: наука и практика», включающего следующие рубрики:

1. Современное состояние уголовно-исполнительной системы. Общая характеристика системы, ее учреждений, отдельных категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей [7, 8, 20]. Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации [16].

2. Совершенствование деятельности учреждений, исполняющих наказания. Совершенствование оценки деятельности исправительных учреждений [9, 10, 11].

3. Научное сопровождение деятельности уголовно-исполнительной системы. Использование научного потенциала ведомственных образовательных учреждений [4, 13, 14].

4. Обеспечение режима и безопасности. Оперативно-розыскная де-

тельность. Совершенствование мер предупреждения и пресечения преступных связей осужденных [17, 18, 23].

5. Медико-санитарное и материально-бытовое обеспечение в уголовно-исполнительной системе. Развитие медицинской службы в соответствии с направлениями совершенствования системы здравоохранения России [3, 5, 6, 24].

6. Трудовая деятельность и профессиональная подготовка осужденных. Создание условий для трудовой занятости осужденных во всех видах исправительных учреждений [1, 2, 19].

7. Социальная, психологическая, воспитательная и образовательная работа с осужденными. Оптимизация работы с осужденными на основе взаимодействия сотрудников всех служб исправительных учреждений [12, 15, 21, 22].

Литература

1. Багреева Е.Г., Багреева Е.В. Социально-психологические особенности системы образования в Норвегии // Мир образования — образование в мире. — 2002. — № 2. — С. 70.
2. Багреева Е., Ускачева И. Анализ понятий «социализация» и «ресоциализация» осужденных // Закон и право. — 2007. — № 3. — С. 96–97.
3. Воронин Р.М., Шатрова Н.В. Состояние и проблемы здоровья призывников // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 1–5. — С. 847–849.
4. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 9. — С. 16–21.
5. Датий А.В. Организация оказания лечебно-профилактической помощи осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации // Вестник Рос. нового ун-та. — 2003. — № 1. — С. 39–43.
6. Датий А.В. Симуляция психических заболеваний у подсудимых и осужденных // Юристы Правоведь. — 2002. — № 1. — С. 72–74.

7. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.

8. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.

9. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 16. — С. 24–28.

10. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.

11. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.

12. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.

13. Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С. Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

14. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

15. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 158–163.

16. Луговик В.Ф. Проблемы обеспечения законности в поисковой деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Науч. вестник Ом. академии МВД России. — 2005. — № 2. — С. 22–25.

17. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2008. — № 1. — С. 20–21.

18. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамиче-

ская диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

19. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.

20. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блишкова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

21. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

22. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 2. — С. 32–34.

23. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.

24. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ЖУРНАЛ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ПРАКТИКА»

Ю. Н. Шаталов

В первом квартале 2014 г. издательством РИОР начинается выпуск журнала «Здравоохранение: образование, наука и практика». В нем будут отражены проблемы общественного здоровья, воздействия факторов внешней среды на здоровье населения, совершенствования медицинской помощи населению. В журнал включены следующие рубрики:

1. Теоретические проблемы охраны здоровья населения и здравоохранения (Theoretical problems of public health care and health care). Исследование теорий и концепций развития здравоохранения, условий и образа жизни населения, социально-гигиенических проблем [14, 24].

2. Оценка состояния здоровья населения, демографических процессов, заболеваемости (Assessment of a state of health of the population, demographic processes, incidences). Разработка методов исследования, из-

учения и оценки воздействия социальных, демографических факторов и факторов внешней среды на здоровье населения [3, 4, 5, 18, 19].

3. Организация медицинской и медико-социальной помощи населению (Organization of the medical and medico-social care to the population). Разработка теоретических и организационных аспектов оказания медицинской помощи и медико-социальной экспертизы [1, 7, 8, 11, 12, 13, 21, 22, 23].

4. Медицинское образование и наука (Medical education and science). Разработка проблем подготовки кадров, нормирования труда медицинских работников. Научное обеспечение медицинской деятельности [2, 15, 16, 17, 20].

5. События (Events). Информация о научных, научно-практических мероприятиях и изданиях [6, 9, 10].

Литература

1. Воронин Р.М., Шатрова Н.В. Состояние и проблемы здоровья призывников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 1–5. — С. 847–849.
2. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2012. — № 9. — С. 16–21.
3. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
4. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
5. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 16. — С. 24–28.
6. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
7. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.
8. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.
9. Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С. Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.
10. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.
11. Датий А., Тенета Е. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 12. — С. 40–41.
12. Датий А., Хохлов И. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 11. — С. 23–24.
13. Датий А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В. Роль клинко-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. — 2010. — № 9. — С. 35.
14. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 158–163.
15. Селиванов Б.С. Гигиенические аспекты заболеваемости осужденных, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях для больных туберкулезом // Здоровье населения и среда обитания. — 2008. — № 8. — С. 36–41.
16. Селиванов Б.С. Оценка гигиенических условий содержания осужденных, больных туберкулезом, в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Здоровье населения и среда обитания. — 2008. — № 11. — С. 29–32.
17. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2008. — № 1. — С. 20–21.
18. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.
19. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.
20. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.
21. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.
22. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 2. — С. 32–34.
23. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 85–91.
24. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 49–61.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 75-ЛЕТИЕМ БОВИНА БОРИСА ГЕОРГИЕВИЧА!

Бовин Борис Георгиевич, доцент факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ) родился 31 декабря 1938 г. в период большого террора в СССР. Мама — заслуженный работник торговли СССР, член КПСС с 50-летним стажем. Отец — участник Московской битвы в составе Калининского фронта в декабре 1941 г. и Ржевско-Вяземской бойни 1942 г. Погиб в концлагере г. Цайтхайн в Саксонии. В Музее лагеря есть стенд, посвященный его жизни и судьбе.

Их сын, Борис Георгиевич, отслужив срочную службу в Центральном архиве Министерства обороны СССР, окончил Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе и был распределен в Центральное конструкторское бюро, возглавляемое С.П. Королевым.

Участвовал в разработке и испытаниях советского лунного проекта. После закрытия проекта работал на оборонном предприятии и разрабатывал системы противоракетной обороны г. Ленинграда. Одновременно учился на вечернем отделении факультета психологии Московского государственного университета, который окончил в 1972 г., затем поступил в аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию по психофизиологии, после чего был приглашен на работу во ВНИИ МВД СССР. 35 лет занимался научно-прикладными разработками в различных научных подразделениях МВД, МЧС, ФСИН России. Им опубликовано свыше 100 научных трудов в области психофизиологии, инженерной психологии и психологии труда, пенитенциарной, юридической и экстремальной психологии. Принимал непосредственное участие в создании нормативной и научной базы психологической службы органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и МЧС. Возглавлял отдел по разработке методов профессионального отбора в ОВД.

Борис Георгиевич является своеобразным родоначальником семейной психологической династии. Две дочери, внучка и зять окончили факультет психологии МГУ. Младшая дочь — доктор психологических наук, профессор МГППУ, старшая — психолог Федеральной службы наркоконтроля, внучка — научный сотрудник НИИ ФСИН России, зять — школьный психолог.

Б.Г. Бовин до настоящего времени продолжает активную научную, преподавательскую и спортивную деятельность.

Его трудовой стаж исчисляется с 1956 года и составляет свыше 55 лет. В студенческий период работал в стройотрядах, осваивая целинные земли в Казахстане, строил школу-интернат для детей оленеводов в Белоярске на Ямале, Зейскую ГЭС в Амурской области, кожевенный и завод бордюрного камня в Магадане. Всю жизнь активно занимался спортом — футболом, волейболом, спортивной гимнастикой, бегом на длинные дистанции, лыжами, горным и водным туризмом. По его словам, когда он стал считать пройденные километры, то оказалось: бегом и на лыжах преодолел 23 231 км (вел дневник), прошел с рюкзаком 1200 км по горам Кавказа,

Сибири, Урала (считал по картам), проплыл 6300 км на плотах, байдарках, катмаранах, шлюпках по Ладоге, Енисею, Оби, горным рекам Саян и Полярного Урала. До сих пор он еще бегаёт на лыжах по Лосиноостровскому заповеднику, а летом — по тем же маршрутам, накручивая по 500–700 км за год. Говорит, что строил коммунизм активно и весело — жаль, что не удалось построить, но все равно наступил возраст счастья и жизнь удалась.

Редколлегия журнала «Прикладная юридическая психология» желает Борису Георгиевичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и высоких достижений в научной и педагогической деятельности.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ УРОКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУИЦИДАЛЬНОМУ ТЕРРОРИЗМУ ГОСУДАРСТВОМ ИЗРАИЛЬ

В.А. Соснин

Аннотация: в статье рассмотрены оперативно-психологические методы и технологии противодействия терроризму, осуществляемые правоохранительными структурами Израиля; описаны практические рекомендации противодействия терроризму на основе израильского опыта; обозначены возможности противодействия терроризму с позиции ценностных ориентиров российской общества.

Ключевые слова: терроризм, психология противодействия, методы и технологии, опыт Израиля.

Summary: *The tendencies and methods of counteraction for terrorism in Israel are analyzed. The possibility of counteraction of terrorism based on Israel experience is discussed for Russia.*

Keywords: *terrorism, psychology of counteraction, methods and means, experience of Israel.*

Введение

Международное сообщество, включая Россию, на уровне как правоохранительных структур, так и идейного противостояния, осуществляет целенаправленную, во многом скоординированную политику противодействия терроризму как сложнейшему геополитическому, социокультурному и социально-психологическому феномену, который изучается на междисциплинарной основе [1, 6, 14]. В настоящее время терроризм стал рассматриваться в качестве *макропсихологического явления*, про-

блемы которого релевантны современному обществу в целом, поэтому изучается он, наряду с психологическими проблемами коррупции, снижения уровня нравственности в обществе, конкурентоспособности нации, избыточного неравенства доходов, адаптации населения к изменяющейся социальной среде, межнациональных и межконфессиональных отношений и другими, в таком научном направлении, как *макропсихология* [8, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 22, 23]. Становление и развитие данного направления исследований рассматривается в качестве одной из важных тенденций развития социальной психологии в России [4, 5] и отечественной психологической науки в целом [1, 2, 3, 7, 47].

Современную ситуацию принципиально отражают оценки проблемы терроризма, сделанные спецслужбами США [46]:

- Считается, что США будут сталкиваться с постоянной и усиливающейся террористической угрозой в последующие годы. Основная угроза будет исходить от исламских террористических групп и их сетевых ячеек, особенно от Аль-Каиды.

- Оценивается, что планы Аль-Каиды в отношении США — это продолжение тактики терактивности на важные политические, экономические и инфраструктурные объекты страны.

- Оценивается, что организация Хезболла, которая осуществила терак-

ты против страны в прошлом, с большой вероятностью будет стремиться атаковать ее в течение последующих нескольких лет.

- Предполагается, что распространение радикальных интернет-сайтов (особенно сепаратистских, ваххабитских), наиболее агрессивных по отношению к западной цивилизации, будет означать рост радикальных настроений в террористических организациях.

Можно с уверенностью предполагать, что подобные оценки ситуации сохранятся у разведывательных структур разных стран, включая Россию.

В международном сообществе борьба с терроризмом в Израиле признается наиболее эффективной и является примером для других государств [29, р. 225–300].

Основная цель данной статьи — на основе анализа открытых источников содержательно рассмотреть *тенденции и уроки противодействия* терроризму правоохранительными структурами Израиля и показать практическую полезность этих уроков для организации противодействия терроризму в современной России.

Социополитические, социокультурные и социально-психологические условия современной ситуации на Ближнем Востоке

Основными параметрами противоречий и конфликтов в этом регионе, по мнению ряда специалистов [24], являются:

- *земля* (либо захваченная; либо та, которой владеют; либо приобретенная);
- *нефть* («черное золото»). Нефтяные ресурсы Ближнего Востока — ис-

точник большой напряженности между странами, которые владеют этими ресурсами, и теми, которые хотят владеть ими;

- *водные ресурсы* (как базовый источник жизни) на Ближнем Востоке становятся все более дефицитными;

- *культурные и религиозные различия* между социокультурными сообществами региона в понимании социополитических свобод и в принципах государственного управления.

Все эти базовые факторы взаимосвязаны и обуславливают геополитические, этноконфессиональные и социально-психологические особенности современной ситуации на Ближнем Востоке. Они имеют важнейшие следствия для установления стабильности в регионе в целом. Особенно трудной проблемой в этом регионе является фундаментальный конфликт между Израилем и Палестиной [25].

Ситуацию на Ближнем Востоке осложняет наличие противоречивых взглядов на тенденции развития, местные потребности и противоречия. Это — разные подходы к проведению переговоров, особенности взаимных ожиданий соперничающих сторон, их политические и психологические амбиции, характер коммуникаций и культурные традиции [32, р. 1] ¹.

Ряд аналитиков высказывают предположение том, что Израиль в действительности не стремится к тому, чтобы

---

¹ Жесткие и непримиримые позиции лидеров с обеих сторон часто проявляются в высокомерии и самонадеянности, которые детерминируют их политические суждения и воинствующее поведение, поэтому они становятся склонными к использованию силовых методов разрешения противоречий и верящими в «непрочную судьбу» противоположной стороны [45, р. 5].

оппозиция его политике в палестино-израильском конфликте и арабском мире исчезла в целом [25]. Израиль использует эти жесткие позиции в конфликтном противостоянии как *оправдание* расширения территориальных притязаний и наращивания огромного наступательного военного арсенала.

В целом и палестинцы, и израильтяне имеют одинаково трагичную историю, огромный опыт переживания несправедливого отношения к себе со стороны внешних сил и в настоящее время характеризуются схожими социальными и эмоциональными установками. Оба сообщества действуют и реагируют на события, исходя из своих базовых страхов, ожиданий, потребностей и устойчивых состояний гнева и ненависти. Они сохраняют в своей памяти прошлые гонения друг на друга и тотально проецируют вину на другую сторону, что в полной мере соответствует известным социально-психологическим механизмам межгруппового взаимодействия [9, 14, 21]. В их психологических реакциях много общего, несмотря на их значительные различия друг от друга по историческому развитию.

Эволюция террористической активности в регионе: краткий исторический экскурс

Современное сионистское политическое движение, получившее развитие в конце XIX века, выступало за национальное возрождение еврейского народа на своей исторической земле после двух тысяч лет рассеяния и преследования. Этот процесс вдохновил еврейскую эмиграцию и встретил жесткую оппозицию арабов, поэтому первые волны эмиграции евреев в палестинские зем-

ли встретили чрезвычайно активное сопротивление арабов в форме терроризма и насилия.

Жесткие и в то же время эффективные тактики суицидального терроризма были инициированы в Израиле организацией «Хезболла». В декабре 1981 г. террорист-самоубийца взорвал автомобиль, начиненный взрывчаткой, около иракского посольства в Бейруте (61 человек был убит). В апреле 1983 г. был осуществлен такой же взрыв террористом-самоубийцей около посольства США в Бейруте (около 60 человек было убито). В октябре этого же года «Хезболла» взорвала грузовик около американской базы в Бейруте (241 американский солдат и 56 французов были убиты). Десятилетие спустя, в апреле 1993 г., организация «Хамас» осуществила еще одну суицидальную террористическую атаку с большим количеством жертв. К концу этого года было осуществлено порядка 15 суицидальных террористических атак и ряд (предотвращенных) попыток, главным образом в районе Газы [26].

Начиная с 1994 г. волны терроризма привели к циклу «действие — противодействие». Суицидальные атаки в феврале-марте 1996 г. были временем беспрецедентного пика суицидальной террористической активности, повлиявшей на национальные выборы в Израиле в мае 1996 г.

После серии суицидальных террористических атак Израиль арестовал ряд активистов «Хамас» и смог нанести ущерб инфраструктурам террористов. После этого вплоть до 2000 г. был период относительного снижения суицидальной террористической активности. В целом радикальные палестинские группы

извлекли уроки из имеющегося опыта и эффективности тактики суицидального терроризма. Они стали использовать такую тактику в большем масштабе [44]. Эти параметры имели большое значение для организации противодействия суицидальному терроризму правоохранными структурами Израиля.

Методы противостояния служб безопасности Израиля суицидальному терроризму

Суицидальный терроризм — это комплексное явление, имеющее ряд важнейших характеристик (мотивы «мучеников», их психологические состояния и т. п.), организационные параметры (ресурсные возможности) и социальные параметры (социальная среда, которая оправдывает, одобряет и поддерживает движение «мучеников») [12, 13]. В результате его изучения был выдвинут целый ряд практически важных вопросов.

Чему в первую очередь необходимо противостоять в борьбе с терроризмом?

Каковы наиболее эффективные методы в противостоянии терроризму?

Как минимизировать риски — последствия террористической активности исламских воинствующих групп и организаций?

Государственные структуры безопасности Израиля стремились ответить на эти и другие вопросы. Многие эксперты считают, что Израилю удалось выработать относительно эффективную стратегию противодействия суицидальному терроризму (по крайней мере, на тактическом уровне).

Восприятие противодействия суицидальному терроризму в общественном сознании израильского общества. Противодействие правоохранных

структур Израиля в борьбе с терроризмом основано на следующих параметрах:

- параметр времени: сколько времени необходимо спецслужбам для проведения контртеррористической операции?

- географический параметр: осуществляется ли контртеррористическая операция в месте проживания террористов-самоубийц или в месте непосредственного проведения суицидальной террористической атаки?

- уровень сил, задействуемых при проведении контртеррористических операций: эти вопросы относятся к компетенции высших оперативных структур — вооруженных сил, спецподразделений, полиции и структур экстренной помощи;

- необходимый уровень оперативной (разведывательной) информации: определение каждого параметра противодействия требует наличия оперативной информации для осуществления контртеррористической операции — специфической, включая агентурную, и информации по оценке конкретной угрозы.

Контртеррористическая деятельность служб безопасности Израиля осуществляется (в соответствии с поставленными целями) на нескольких уровнях:

- предотвращение совершения суицидальных террористических атак;

- сдерживание суицидальных террористических атак;

- ослабление возможных последствий при совершении суицидальной террористической атаки².

² Изложение этого раздела во многом основано на анализе открытых интервью с некоторыми руководителями служб безопасности Израиля, взятыми на протяжении 2000–2008 гг. годов, включая

Предотвращение совершения суицидальных террористических атак — один из наиболее важных уровней работы, и в ее осуществление израильские правоохранительные структуры вкладывают наиболее внушительные финансовые ресурсы. Основная цель этой деятельности — уничтожение или аресты потенциальных террористов-самоубийц «в своей кровати» [36]. На этой стадии израильские правоохранительные структуры предпринимают шаги, направленные не только на физическое блокирование потенциальных исполнителей суицидальных террористических актов, но и на нанесение ущерба террористическим организациям, осуществляющим эту деятельность [27]. Для осуществления этих целей израильские спецслужбы — в соответствии с оценками ситуации — делают акцент на уничтожении лидеров террористических организаций, чтобы исключить процесс принятия решений в террористической организации.

Сдерживание процесса совершения суицидальных террористических атак. На этом уровне контртеррористическая деятельность осуществляется в пределах среды проживания потенциального террориста-самоубийцы (деревня/граница города и т. п.) и его возможного перемещения в израильские городские центры.

Активность израильских правоохранительных структур на этом уровне направлена на сдерживание осуществления суицидальной террористической атаки потенциальным террористом-министра внутренних дел Израиля (2006–2007), главу совета национальной безопасности страны (2003–2007), руководителей полиции и элитных контртеррористических подразделений (2007), руководителя «Моссада» (2008) и ряда других источников [29, p. 225–300].

самоубийцей, то есть увеличение времени, необходимого для его перемещения из среды своего пребывания до места совершения. Реализация этой цели включает ряд промежуточных задач [подробнее см. <http://www.ynet.cj.it/articles/O.7340.L-196283.00.html>]:

- сбор конкретной информации;
- создание условий для совершения ошибок потенциального террориста-самоубийцы на этапе его подготовки к исполнению суицидального террористического акта³.

Ослабление возможных последствий от совершения суицидального террористического акта. Когда потенциальные террористы-самоубийцы преодолели превентивный уровень деятельности спецслужб и уровень сдерживания, остается последний уровень защиты. Он включает в себя работу полицейских структур совместно с деятельностью правительственных и частных структур безопасности. Эта деятельность осуществляется структурами безопасности Израиля на региональной основе, исходя из оценок общих угроз, а не только на основе специфической разведывательной информации [33].

Для вынесения операциональных уроков из противодействия суицидальному терроризму структурами безопасности Израиля подробнее остановимся именно на операциональном уровне противодействия терроризму.

---

³ Потребность планировать и находить разные пути для прибытия к месту совершения террористической атаки, находить соответствующие транспортные средства, которые помогут ему (им) преодолеть блок-посты, создают для потенциальных террористов психологические и практические трудности, которые повышают вероятность совершения ими ошибок (см. выше, а также [29, 34]).

Операциональный уровень противодействия суицидальному терроризму правоохранительными структурами Израиля

В результате оперативных действий спецслужб Израиля порядка 6 тыс. воинствующих палестинцев были убиты и арестованы; 58 потенциальных террористов-самоубийц — обезврежены. В соответствии с контртеррористическими действиями спецслужб Израиля в этот период (2002–2006) количество жертв со стороны израильтян от суицидальных террористических атак уменьшилось до 5 человек в 2006 г. по сравнению с 453 — в 2002 г.⁴

Специфика методов противодействия суицидальному терроризму правоохранительными структурами Израиля.

Эти методы можно классифицировать как защитно-пассивные (deensive-passive) и как наступательные (offensive) на основании преимущественной стратегии противодействия терроризму.

В рамках наступательных методов и средств можно отметить:

- тактику ликвидации лидеров исламского террористического движения;
- превентивные рейды спецподразделений в центры проживания палестинского населения;
- конкретные действия спецподразделений служб безопасности в регионах преимущественного палестинского проживания;
- операции по аресту активистов террористического движения;
- противодействие финансирова-

нию суицидальных террористических атак;

- устрашение потенциальных террористов-самоубийц мерами возможного наказания его семьи и родственников — изгнание, высылка и т. п., хотя законность таких акций подвергается явной критике со стороны международных правозащитных организаций.

В целом, по мнению ряда аналитиков, наступательные методы борьбы с суицидальным терроризмом должны содержать совокупность предварительных защитных шагов, включая контроль за перемещением потенциальных террористов⁵.

Ликвидация лидеров и активистов духовно-религиозного мировоззрения и социально-политического спектра противостояния.

Многие методы противодействия терроризму израильскими спецслужбами считаются противоречивыми с позиций международных законов. Наиболее противоречивым является осуществление запланированных убийств (ликвидации) лидеров террористического движения. Тем не менее убийство лидеров террористического движения практиковалось с самого начала израильско-палестинского конфликта.

Как целенаправленная политика и тактика борьбы с терроризмом она начинает осуществляться израильтянами с декабря 1947 г. Использование этой тактики продолжилось в 1950-х гг. Голда Меир, премьер-министр Израиля в эти годы, даже давала указания спецслужбам Израиля (Моссаду), чтобы они

⁴ Интервью с Этаном (Eitan), командующим вооруженными силами Израиля в период 2000–2002, August 20, 2007 [38], а также другие интервью [36].

⁵ Для нашей страны это реализация жесткой миграционной политики с четким документированием миграционных потоков (как это было в советский период).

убивали всех лиц, причастных к террористической деятельности⁶.

В целом, эта тактика противодействия суицидальному терроризму и ее принятие в высших структурах политического руководства Израиля осуществляется специальной структурой спецслужб — ISA [31]⁷.

Специфика оперативного устранения активистов суицидального терроризма.

Израильские спецслужбы разделяют два вида целей физического устранения террористов:

- так называемое классическое устранение выбранной «мишени», что требует длительной подготовки и комплекса властных санкций со стороны высшего уровня руководства;

- методы поиска или «охоты» («*hunting methods or «target hunting»*).

Последние методы часто являются рутинной деятельностью спецслужб. Их цель — обнаружение и уничтожение групп для запуска ракет, а при необходимости — противодействие террористам-самоубийцам на пути их следования к местам совершения террористической атаки. В последнем случае процесс сбора информации намного проще, чем в первом [31; 34, р. 147–148].

Процесс «классической» ликвидации состоит из нескольких стадий: сбора разведывательной информации, процесса получения разрешения через властные санкции (вплоть до уровня

премьер-министра), планирования исполнения операции и собственно ее исполнения. В процессе сбора информации собираются данные о террористических сетях и организациях. Основываясь на этой информации, выбираются потенциальные «мишени» для ликвидации.

В целом тактика целенаправленного устранения активистов суицидального терроризма имеет ряд положительных аспектов. Прежде всего она нарушает исполнение текущих террористических операций [36].

С одной стороны, многие руководители израильского истеблишмента уверены, что убийства лидеров исламского террористического движения оправданы с позиции противодействия суицидальному терроризму. С другой стороны, целенаправленные убийства активистов исламских террористических движений имеют ряд явно отрицательных последствий:

- они способствуют вступлению новых адептов-«мучеников» в ряды террористов-самоубийц;

- вызывают чувство реванша у рядовых палестинцев в борьбе с израильтянами и риск последующих суицидальных террористических атак [28].

Методы ареста, рейдов спецслужб и проведения ими спецмероприятий.

Арест подозреваемых террористов — это начало предотвращения суицидальных террористических атак, которое лежит в основе борьбы с ними⁸.

Израильский опыт позволяет считать, что систематические аресты потенциальных террористов требуют «опреде-

⁶ Спецслужбы Израиля подготовили «банк целей», и в соответствии с рекомендациями специальной комиссии министров Израильского правительства в конце 1980-х гг. многие исламисты были убиты [42].

⁷ Выбор оперативных целей и их критериев для ликвидации исламских террористов выходит за рамки обсуждения проблемы. Заинтересованный читатель может обратиться к работе [30].

⁸ Совокупность действий по предотвращению «состоит в аресте террористов, в сфере дознания и ареста пособников совершения террористического теракта и их предания суду» [34, р. 147–148].

ленной свободы», то есть необходимости нарушения общепринятых юридических норм. Это не означает, что нельзя предпринимать соответствующих действий в регионах проживания палестинцев и мусульман. Спецслужбы при этом должны обладать определенными оперативными возможностями, причем в любое время и в любых местах [41].

Методы стратегического присутствия спецподразделений в регионах потенциальных действий террористов-самоубийц.

В Израиле существует ряд спецподразделений, которые непосредственно и активно вовлечены в борьбу с суицидальным терроризмом [29, 40].

Кроме действий этих спецподразделений в регионах нахождения террористов, они проявляют активность в двух географических направлениях.

Во-первых, контроль территорий, контролируемых палестинцами, и их подходы к местам совершения суицидальных террористических атак на территории Израиля (это хороший урок многим спецслужбам).

Во-вторых, выявление, наблюдение и ликвидация «мест безопасности» (safe house) террористов-самоубийц в городах Израиля является важным компонентом деятельности спецслужб страны [40].

И наконец, когда осуществлен контакт с террористами или с их пособниками (с позиции наблюдения за ними), спецподразделения имеют ряд других преимуществ:

- возможность изолировать террористов от гражданского населения;
- осуществлять их преследование, то есть следовать за объектом вплоть до его ареста или уничтожения;

- наоборот, получать дополнительную информацию от наблюдения за поведением объекта и немедленно передавать эту информацию другим структурам, участвующим в контртеррористической операции;

- способность действовать небольшими группами.

Методы взаимодействия с населением (пассивные методы противодействия терроризму).

В борьбе с терроризмом Израиль использовал и ряд так называемых защитно-пассивных методов, которые включали три типа тактик:

- жесткая организация контрольно-пропускных пунктов на границах пересечения потоков населения;

- создание затруднительных строений безопасности;

- осуществление мер безопасности с помощью полиции в городских центрах⁹.

Можно сказать, что борьба Израиля с суицидальным терроризмом может служить примером для противодействия глобальному терроризму (хотя в стратегической перспективе позиция Израиля — это тупиковый путь противостояния в окружении арабского мира).

Безопасность населения: проблема физической безопасности и восприятия террористической угрозы в общественном сознании.

Физическая безопасность населения от террористических угроз — это головная боль руководителей западных

⁹ Кстати, организация такой деятельности нашими правоохранительными структурами в связи с недостаточно контролируемой миграцией мусульманского населения в регионы преимущественного проживания православных граждан не была бы бесполезной в плане потенциального противодействия терроризму.

стран в целом и российских в частности. Чувство физической безопасности населения от угроз терроризма служит важным компонентом психологического сопротивления общества угрозам терроризма. Другой аспект повышения сопротивляемости общества — это проблемы образования населения, распространения соответствующей информации и ее широкого обсуждения, что ведет к более правильному восприятию террористических угроз для общества. Соответствующие образовательные программы (они не такие сложные), проведение дискуссий по проблеме — это только несколько средств, которые необходимо использовать в подготовке общественного сознания населения страны, чтобы повышать психологическую сопротивляемость общества террористическим угрозам.

Проблема устрашения (отведения) потенциальных террористов-самоубийц от следования по пути «мучеников».

Естественно, эта проблема комплексная. Она включает в себя необходимость образования и воспитания подрастающего населения, а также возможность культурного многообразия и свободы волеизъявления своих традиционных форм поведения (в том числе в нашем многонациональном Отечестве).

Возникает вопрос — какими психологическими методами можно удержать человека от совершения суицидальных террористических атак? Ответ, который дается службами безопасности Израиля, содержит ряд рекомендаций:

во-первых, уменьшение шансов на успех для террориста-самоубийцы путем создания различных физических барьеров;

во-вторых, преследование его семьи и родственников, хотя эти меры с

позиций идеологии джихада не имеют особого психологического воздействия на решение мусульманина стать «мучеником» ради установления нового халифата в мире. Например, во время пика конфронтации с палестинцами в 2002 г. израильское правительство санкционировало ряд мер по противодействию суицидальным террористическим атакам — разрушение домов семей террористов-самоубийц, конфискация имущества и депортация родственников [42]. Однако мнения в израильском разведывательном сообществе в отношении эффективности подобных мер безопасности были неоднозначными¹⁰. Поэтому специальный комитет израильских служб безопасности (IDF), созданный для анализа проблем, принял решение прекратить разрушение домов, поскольку пришел к выводу о неэффективности этих мер для устрашения потенциальных террористов-самоубийц [37]¹¹;

в-третьих, существует другой взгляд на проблему устрашения потенциального террориста-самоубийцы — воздействие на более высокие звенья в цепи террористической активности [39].

Поскольку личный страх за свою жизнь очень силен, то возникает шанс,

---

¹⁰ По крайней мере, ряд руководителей высшего и среднего звена спецслужб Израиля высказал сомнения в мерах устранения и их возможности отвлечь террориста-самоубийцу от совершения террористического акта [36]. Неэффективность этих мер подтверждается рядом интервью с потенциальными террористами-самоубийцами, заключенными в израильские тюрьмы.

¹¹ Однако и в структурах израильских спецслужб, и в кругах гражданских аналитиков существует мнение о полезности и эффективности мер устрашения потенциальных террористов-самоубийц, если эти меры «дозированно» осуществляются на более высоком уровне [38].

что руководители террористических организаций могут изменить свою политику совершения террористических атак¹² (как, например, отмечает бывший глава отдела разведывательных исследований в IDF). Купервассер утверждает: когда спецслужбы Израиля ликвидировали одного из ведущих деятелей организации «Хамас» (Ismail Abu Shanab), она на долгое время прекратила совершение суицидальных террористических атак [43, p. 250–251].

Основные уроки израильского опыта противостояния терроризму: операциональный уровень

Опыт и уроки Израиля в противодействии суицидальному терроризму могут дать западному миру и России ряд предложений в отношении фундаментальной стратегии противостояния суицидальному терроризму. Израиль выработал стратегию противоборства ним как *наступательную тактику, а не как тактику реагирования на события*. Это позволило противостоять терроризму на оперативно-тактическом уровне, причем достаточно успешно. Уроки израильского опыта главным образом являются операциональными и тактически по своей природе. Они извлечены не только из израильских успехов, но и из неудач, ошибок и поражений.

Первый урок: *никто не будет за вас делать эту «грязную работу»*. Опыт Израиля показал, что жизненные интересы безопасности нации нельзя доверять третьей стороне. Когда Израиль осознал этот императив и сам начал борьбу с терроризмом, ему удалось уменьшить и число суицидальных террористических

атак, и число жертв от этой формы терроризма.

Третьи стороны могут способствовать в сборе разведывательной информации, но они не могут заменить усилия страны-мишени против террористической угрозы или служить основой противодействия суицидальному терроризму.

Второй урок: *ослабление психологических барьеров*. Сотрудники израильских служб безопасности затратили многомесячные усилия, чтобы освободить себя от психологических барьеров, подрывающих их способность эффективно противостоять террористам-самоубийцам. Эти барьеры были связаны с политической ситуацией и первоначальной ориентацией на власти Палестины как на партнера в борьбе с терроризмом.

Другой барьер был связан с переоценкой способностей оппонента. Например, израильский армейский персонал избегал вступления в лагеря беженцев из-за возможности больших потерь и сложностей среды. Этот вопрос должен находиться в компетенции экспертов служб безопасности или официальных руководителей, чтобы выявлять эти барьеры и не подвергать опасности выполнение контртеррористических операций.

Третий урок: *осуществление постоянной и систематической активности против террористических сетей*. Кажется, что основной трудностью в борьбе с суицидальным терроризмом является чувство беспомощности — нет никакого конца деятельности того, кто хочет убивать себя ради глобальных идей Джихада, поэтому попытки противодействия суицидальному терроризму выглядят как попытки осушить море чайной ложкой. Однако у террористических организаций не

¹² Хотя эта позиция израильских спецслужб представляется, по меньшей мере, спорной.

безграничные возможности. Систематические аресты и ликвидация лидеров радикальных террористических групп и организаций подрывают террористические сети, их способность осуществлять суицидальные террористические акты.

Четвертый урок: *оперативные действия против террористов на их собственной территории*. Возможны различные шаги, которые можно предпринимать против террористов-самоубийц и террористических сетей, которые с ними связаны. Однако израильтяне поняли, что наиболее эффективна тактика, осуществляемая против террориста-самоубийцы там, где он проживает (другими словами, противодействие террористу «в его постели»).

Пятый урок: *разведывательная информация, разведывательная информация и еще раз разведывательная информация*. Оперативная информация как ключевой элемент в противодействии суицидальному терроризму имеет решающее значение. Успешная разведывательная активность против суицидального терроризма достигается комбинацией ряда факторов (как сотрудничеством между правоохранительными структурами государства):

- четким распределением ответственности;
- свободным обменом информацией;
- гибким взаимодействием правоохранительных структур государства при проведении контртеррористических операций.

Шестой урок: *быстрота осуществления оперативной операции спецслужб как основа успеха*. Во-первых, Израиль использует ряд специальных подразделений быстрого реагирования. Во-

вторых, спецподразделения имеют открытый канал для обмена информацией между собой. Кроме этого, основная часть быстрого реагирования основана на различных возможностях спецподразделений, что подтверждают интервью с руководителями служб безопасности Израиля [40].

Седьмой урок: *осуществление мер безопасности, повышающих вероятность совершения ошибок террористом-самоубийцей на пути следования к месту совершения террористической атаки*. Блоки проверки на дорогах и препятствия (заборы, ограждения и т. п.) — это достаточно эффективное средство в этом отношении. Блок-посты должны располагаться на основных потенциальных путях перехода террористов к местам совершения террористических атак. Для нашей страны это, возможно, политика возрождения визового режима для въезда всех бывших граждан СССР на территорию России, включая учет перемещения граждан из неспокойных регионов.

Специальные уроки оперативно-тактического содержания

Израиль дает ряд дополнительных операциональных уроков.

Возможности спецподразделений. Главная способность спецподразделений — скрытно перемещаться по враждебной территории. Другой важный компонент — обеспечение оперативной связи между собой и вышестоящими структурами.

Проблема обнаружения (идентификации) террориста-самоубийцы. Израильский опыт показывает, что нет одного психологического профиля террориста, хотя есть общие рекомендации для его

определения [19]. Конечно, эти рекомендации недостаточны для выявления потенциального террориста-самоубийцы, но они помогают офицерам правоохранительных структур в их идентификации.

Возникает жизненно важный вопрос: *как себя вести офицеру безопасности* при обнаружении террориста-самоубийцы? Имеющийся опыт показал, что террорист-самоубийца при обнаружении предпочитает взорвать себя немедленно. С одной стороны, действия с подозреваемым должны быть максимально осторожными, с другой — максимально жесткими, вплоть до его немедленной ликвидации¹³. Эта фаза включает приказ населению (через громкоговоритель) быстро покинуть место действий, а подозреваемому — показать свои руки. Если подозреваемый держит свои руки в кармане — полицейский обязан стрелять в него. Если подозреваемый не осуществил взрыв, его необходимо положить на землю и обыскать (хотя это не всегда срабатывает, так как конечная цель террориста-самоубийцы — взорвать сотрудников спецслужб).

Задержание подозреваемых транспортных средств. Естественно, эти меры осуществляются на основании разведывательной информации. Основной принцип поведения по отношению к террористу-самоубийце, находящемуся в транспортном средстве, состоит в контроле ситуации: либо остановить его,

¹³ Взаимодействие с подозреваемым объектом должно осуществляться на безопасном расстоянии (опасение наличия вооруженных лиц), поскольку главная цель — не арест потенциального террориста-самоубийцы, а минимизация возможного ущерба для жизни и здоровья окружающих людей. Офицеры безопасности обязаны максимально оградить, изолировать (конечно, по возможности) подозреваемого террориста-самоубийцу от рядовых людей.

либо направить по другому пути, изолировать транспортное средство или взаимодействовать с ним на безопасном расстоянии, стараться освободить пассажиров и позволить им лечь на землю.

С каждым освобожденным пассажиром следует действовать индивидуально, ибо среди них тоже могут быть террористы. Опыт израильского инспектирования и остановок транспорта показывает, что детонатор взрыва у террориста-самоубийцы находится в руках, а его взрыв будет направлен на сотрудников спецслужб, находящихся вокруг него [35; 40; 48, р. 140–141].

Реагирование после совершения террористической атаки. После совершения суицидальной террористической атаки израильские спецслужбы реагируют на основании ряда принципов:

во-первых, исходят из того, что вторая суицидальная атака может последовать после совершения первой;

во-вторых, чтобы эффективно справиться с террористической атакой, все руководство должно быть сконцентрировано в одних руках. Для Израиля — это полиция и его руководство;

в-третьих, это нейтрализация и, по возможности, аресты пособников совершения террористических атак.

Спецслужбы Израиля действуют не только в непосредственном районе совершения террористической атаки, но и в более отдаленных географических районах, иногда даже в десятках километрах от центра взрыва.

Руководство и контроль события — совершения суицидальной террористической атаки. В Израиле руководство и ответственность за инцидент совершения суицидальной террористической атаки возлагается на полицию, предста-

вители которой определяют курс действий в следующих направлениях:

- оценка общей ситуации совершения суицидальной террористической атаки;
- оценка ближайших последствий;
- оценка более отдаленных последствий;
- определение и осуществление текущих действий по нейтрализации последствий террористической атаки.

Наряду с изложенным подразделение спецслужб контактирует с гражданским населением, главным образом через СМИ, а также в госпиталях, муниципальных структурах и т. п. Они информируют их о деталях совершения теракта, помогают составить быстрый статусный отчет для населения. Основной принцип работы служб обеспечения безопасности в таких случаях — восстановление нормальной жизни в регионе совершения суицидального террористического акта.

Выводы и заключение

С начала 1948 г. Израиль был вынужден бороться с терроризмом. С начала 1990-х гг. суицидальные террористические атаки стали доминирующей формой атак на гражданское население Израиля. В связи с этим израильские службы безопасности были вынуждены предпринимать конкретные меры по противодействию угрозам намного раньше, чем другие страны. Эти уроки могут оказаться далеко не бесполезными для разных стран мирового сообщества. Кроме конкретных операциональных уроков, отмеченных выше, следует выделить особо два более общих урока борьбы Израиля с суицидальным терроризмом.

Первый урок относится к национальной безопасности государства в целом. Когда анализируется израильский опыт борьбы с суицидальным терроризмом, наиболее важный урок для других стран — *это не «сдавать в аренду» свою безопасность никаким третьим СИЛАМ*, не отдавать ее в руки внешних сил. Это не означает, что в борьбе с суицидальным терроризмом не нужно устанавливать альянсов и сотрудничества с другими странами. Но когда эта борьба «подталкивает» ситуацию, то никто за граждан своей страны не сделает эту сложную и ответственную работу.

Второй общий урок относится к принципам борьбы. Многие эксперты правильно утверждают, что в борьбе с суицидальным терроризмом необходимо обращать внимание на *психологические мотивы* совершения суицидальных террористических актов. В теории это полностью оправданно. Однако если безопасность страны находится на грани «повешения», то часто нет времени для обсуждения исторических и социальных процессов, а требуются немедленные действия для нейтрализации противника. Опыт Израиля однозначно показывает, что с терроризмом, особенно суицидальным, можно бороться, концентрируя усилия именно на мерах предотвращения и ослабления оперативных возможностей террористов.

Эти уроки первоначально могут показаться банальными, однако один из руководителей спецслужб Израиля (IDF) сказал, что если бы он отвечал за распределение ресурсов, то львиную долю выделил бы на организацию безопасности деятельности спецслужб в борьбе с суицидальным терроризмом [36].

Терроризм продолжает оставаться предпочитаемой формой действий против цивилизованного мира со стороны различных экстремистских групп и организаций. Его методы с течением времени и конкретными обстоятельствами продолжают изменяться и совершенствоваться, поэтому следует отчетливо понимать, что израильский опыт и успехи в противодействии суицидальному терроризму фактически могут оказаться временными и, возможно, ограниченными анализируемой формой террористических атак, а именно — суицидальным терроризмом.

Литература

1. *Журавлев А.Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. — М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
2. *Журавлев А.Л.* Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития (вступительное слово) // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 8–13.
3. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. — 2007. — Т. 28. — № 6. — С. 5–18.
4. *Журавлев А.Л.* Современная социальная психология в России: тенденции и перспективы развития // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. — 2011. — № 3-1. — С. 7–12.
5. *Журавлев А.Л.* Современные тенденции развития социальной психологии в России // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 4. — С. 20–28.
6. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23. — № 6. — С. 83–88.
7. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Парадигмальные изменения в психологических исследованиях человека // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. — 2012. — № 3. — С. 3–13.
8. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2004. — Т. 1. — № 3. — С. 46–64.
9. *Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Форум; ИНФРА-М, 2008.
10. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30. — № 1. — С. 5–13.
11. Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
12. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
13. Психологические проблемы современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
14. Психология XXI века: учеб. для вузов / под ред. В.Н. Дружинина. — М.: ПЭР СЭ, 2003.
15. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
16. Психология нравственности / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
17. Образование одаренных — государственная проблема / В.В. Рубцов [и др.] // Психологическая наука и образование. — 2009. — № 4. — С. 5–14.
18. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции // Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 4. — С. 30–44.
19. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. — М.: Форум, 2012.
20. *Соснин В.А.* Духовно-религиозные основы суицидального терроризма: идеология глобального Джихада как психологическая мотивация оправдания суицидального терроризма исламскими радикалами // Национальная безопасность. — 2013. — № 1. Электронный вариант: <http://e-notabene.ru/nb/>.
21. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев. — М.: ПЭР СЭ, 2002.
22. *Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А.* Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // NB: Национальная безопасность. — 2013. — № 2. — С. 182–202.
23. *Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А.* Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. — 2013. — № 4. — С. 45–57.
24. *Abi-Hashem N.* Peace in the Middle East: Political reality or psychological illusion? // Paper presented at the 109th Annual Convention of the American Psychological Association. — San Francisco CA, August, 2001.

25. *Abi-Hashem N.* Peace and War in the Middle East: A Psychological and Sociocultural Perspective // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). — Washington, DC: American Psychological Association, 2004. — P. 69–89.
26. *Amos H., Avi I.* The seventh War (Hebrew). — Tel Aviv: Yedioth Ahronot Books, 2004.
27. *Berko A., Erez E.* «Ordinary People» and «Death Work»: Palestinian Suicide Bombers as Victimizers and Victims // *Violence and Victims*. — 2005. — 20(6).
28. *Byman D.* Do I Targeted Killing Work? // *Foreign Affairs*. — 2006. — 85 (2). CBC News In depth: Chechnya // CBC News. — 2006. — July, 10.
29. *Falk O., Kroitor H.* The Internationalization of Suicide Terrorism // Eds. O. Falk, H. Morgenshtern. // *Suicide terror: understanding and confronting the threat*. — N.J.: John Wiley Sons, Inc., Hoboken, 2009. — P. 225–300.
30. *Falk O., Morgenshtern H.* (Eds.). *Suicide terror: understanding and confronting the threat*. — N.J.: John Wiley Sons, Inc., Hoboken, 2009.
31. *Fishman A.* The Code Name: Bell (Hebrew) // *Yedion Ahronot*. — 2007. — May 25.
32. *Fridland J.* Israel set on tragic path — Chief rabbi, 2009 // *The Guardian Weekly*, August 29 — September 4, 167 (10). — P. 1.
33. *Ganor B.* Israel, Hamas and Fatah // Eds. J. Robert, L. Richardson. *Democracy and Counterterrorism: Lessons from the Past*. United Studies of Institute for Peace, 2007. — P. 281–283.
34. *Harel A., Regular A.* In the Last Few Day There Was an Increase of Attempts to Carry Out Terror Attacks (Hebrew) // *Haaretz*. — 2003. — February 7.
35. Interview with Lotan L. — Held of the IDF general staff's negotiation team, November 2, 2007.
36. Interview with D. Yaalon — Head of the Mossad (1996–1998), May 21, 2008.
37. Interview with the Head of the International Law Department of the IDF // *Haaretz*. — 2005. — March 8.
38. Interview with Eitan Y. — Commander of the Central Command (2000–2002), August 20, 2007. URL: http://www.7.cdf.if/SIP_STORAKE/DOVER/files/4/37604.pdf.
39. Interview with Boaz G. — Head of ICT, July 18, 2007.
40. Interview with Zohar Dvir — Former Commander of YAMAM (2002–2005), November 4, 2007.
41. *Kuperwasser Y.* Brigadier General, Head of the Military Intelligence's research department 2001–2006 — Interview, July 29, 2007.
42. *Melman Y.* In the Past, Targeted Killing Was the Last Method. Today in is Carried Out Across the Board // *Haaretz*. — 2004. — March 24.
43. *Meritor D., Pass H.* (eds). *21-th Battle — Democracies Fights Terror*. The Israel Institute for Jerusalem, 2006.
44. *Schweitzer Y.* Palestinian Istshadia: A Developing Instrument // *Studies in Conflict and Terrorism*. — T. Avive, 2007. — P. 668.
45. *Seale P.* Sharon, the old warrior still dominates Israeli politics // *The Daily Star*. — 2002. — May 24. — P. 5.
46. The Terrorist threat to Homeland, July, 2007. National Intelligence Estimate. www.dni.gov.
47. *Zhuravlyov A.* The main tendencies in psychological investigations conduction by the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science (RAS) // *Social Sciences*. — 2008. — T. 39. — № 2. — P. 109–128.
48. *Yehezkei P., Horowitz Y.* The Struggle of the Israeli Police Against Terror, 2000–2009 / Eds. G. Hagai, Sh. Shaul // *Ticking Bombs — Confronting Suicide Attacks*. — T. Avive, 2006.

ПОЗИТИВНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

М. А. Темирханов

Аннотация: автор рассматривает понимание уголовной ответственности на разных стадиях его развития, понятие и проблемы реализации позитивной уголовной ответственности как достижение целей наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, позитивная ответственность, цель наказания, предупреждение, воспитание, уголовно-правовой запрет.

Summary: the author discusses the understanding of criminal responsibility at various stages of its development, the concept and realization problems of criminal responsibility as a positive achievement of the purposes of punishment.

Keywords: criminal responsibility, positive responsibility, the purpose of punishment, prevention, education, penal prohibition.

В советской юридической литературе, посвященной проблемам ответственности, понимание сущности и содержания ретроспективной уголовной ответственности в основном было представлено несколькими фундаментальными точками зрения. В частности, одни авторы подразумевали под этой формой уголовной ответственности непосредственное применение и реализацию правовых санкций, что фактически сводилось к значению уголовного наказания [1].

Другие авторы, напротив, рассматривали ретроспективную уголовную

ответственность как обязанность физического лица подлежать непосредственному воздействию уголовного наказания за совершение преступления и как правовую его обязанность отвечать за общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом [2].

Третья группа авторов полагала, что рассматриваемая форма уголовной ответственности есть мера государственного принуждения, основанная на правовом и моральном осуждении поведения правонарушителя и заключающаяся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничения личного или имущественного характера.

Наконец, четвертая группа авторов признавала, что уголовная ответственность должна определяться через правовой статус лица, совершившего преступление.

Справедливости ради необходимо отметить, что в уголовно-правовой науке предпринимались попытки представить категорию уголовной ответственности в несколько ином аспекте. Так, В.Г. Смирнов определял уголовную ответственность как «осознание своего долга перед обществом и государством» [3]. Точка зрения этого ученого на рассматриваемый вопрос заслуживает должного внимания, поскольку очень тесно связывается с философскими определениями рассматриваемой ответственности. Его несомнен-

ная заслуга, по нашему мнению, заключается в том, что уголовная ответственность была представлена в форме одной из разновидностей социальной ответственности.

В советской литературе понимание уголовной ответственности чаще всего сводилось к признанию того, что данная категория чисто юридическая и не является социальным ее видом. Прав, на наш взгляд, в этом отношении профессор З.А. Астемиров, когда аргументированно критикует такое понимание уголовной ответственности, ибо получается, что юридическая ответственность — это нечто такое, что не укладывается в общее понятие социальной ответственности. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности [4].

В связи с изложенным особое значение приобретает научное обоснование позитивной ответственности. Наряду с ретроспективным получил свое начало позитивный аспект уголовной ответственности, что явилось естественным дополнением учения об уголовной ответственности.

Необходимо заметить, что проблема позитивной ответственности в настоящее время представляет одну из наиболее дискуссионных проблем уголовного права. В предмет нашего исследования входят лишь те аспекты позитивной уголовной ответственности, которые имеют непосредственное отношение к характеристике уголовно-го наказания.

Исследователи позитивной уголовной ответственности чаще всего признают в качестве основания ее возникновения вступившее в юридиче-

скую силу уголовное законодательство, устанавливающее запрет на то или иное деяние под угрозой наказания [5]. По мнению академика В.Н. Кудрявцева, это обязанность [6]. В позитивном смысле она должна выражаться в запрещении правосубъектным лицам совершать определенные деяния под угрозой применения наказания. Такого рода дефиниция позитивной уголовной ответственности вызвала возражение у ряда ученых, основной аргумент которых заключался в том, что это возможность рассматривать в качестве потенциальных преступников всех законопослушных граждан. Прав в этом смысле профессор Н.И. Матузов, утверждающий, что позитивная ответственность является ответственностью без нарушения и наказания (бесконфликтная), этим ее значение не уменьшается [7]. По мнению этого автора, позитивная ответственность сопровождает поведение человека и является внутренней стороной поведения личности.

Не случайно профессор В.А. Елеонский проблему поощрительных норм уголовного права непосредственно связывает с позитивной уголовной ответственностью [8]. Вместе с тем следует заметить, что особенность уголовно-правового запрета, влияющего на содержание позитивной уголовной ответственности, заключается в том, что он оказывает общепредупредительное воздействие на поведение людей под угрозой применения наказания, и только в определенных в законе случаях позитивное поведение лица в посткриминальный период является поощрением. По замечанию

известного русского профессора права Н.М. Коркунова, «запретительная норма все же допускает принудительное осуществление» [9], что характерно для всех уголовно-правовых запретов. Не подкрепленный правовой возможностью применения наказания за его нарушения уголовно-правовой запрет лишается своего смысла — оказывать мотивирующее и предупредительное воздействие на сознание человека.

В современной литературе внимание правоведов обращено к проблеме общепредупредительного воздействия уголовно-правового запрета на поведение людей, его мотивационных, сдерживающих и профилактических возможностей [10]. Отдельные авторы эту функцию уголовно-правового запрета, в значительной степени способствующую достижению целей общего предупреждения преступлений, непосредственно связывают с юридической позитивной ответственностью. Так, С.В. Полубинская считает, что в тех случаях, когда в качестве основного результата действия общей превенции уголовного права рассматриваются не только негативные, но и позитивные последствия правового поведения, это создает предпосылки для анализа категории общего предупреждения в рамках концепции позитивной уголовной ответственности.

Профессор З.А. Астемиров подчеркивает, что позитивная ответственность предполагает усиление борьбы с преступностью не только путем применения норм уголовного права, обеспечивая претворение в жизнь принципов неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступ-

ление, но и посредством более полного использования ресурсов уголовного закона для проведения принудительно-профилактической работы, формирования позитивной ответственности у правосубъектных лиц, воспитания всех граждан в духе социальной активности, противоборства злу, антиобщественным проявлениям и преступлениям [11].

Воспитание позитивной ответственности у граждан осуществляется с использованием различных правовых средств, включая устрашающее воздействие на сознание неустойчивой части населения на стадии его законодательного закрепления.

Профессор В.Д. Филимонов справедливо полагает, что уголовно-правовые нормы призваны непосредственно воздействовать на волевое поведение людей в двух направлениях: а) заставить аморально и асоциально настроенных лиц воздержаться от совершения преступлений; б) применить к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет, санкцию, предусмотренную нормой Особенной части УК РФ. Однако, по мнению этого автора, только вторая задача решается в рамках уголовно-правовых отношений, поскольку общепредупредительное воздействие уголовно-правового запрета, регулирующего роль уголовного права, достигается, во-первых, содержащейся в уголовно-правовой норме информацией о том, каким должно быть поведение (не убивай, не кради, не насилуй и т. д.); во-вторых, заключенной в этой норме угрозой уголовного наказания в случае совершения преступления; в-третьих, оказываемым нормой воспитательным воздействием на людей

(формированием в их сознании представления о правильности именно такого поведения, которое предписывается нормой) [12].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на этой стадии действия уголовного закона цель наказания выполняет общепредупредительную функцию. В теории права устоялось мнение, согласно которому диспозиция юридического запрета и общепредупредительное воздействие его санкции реализуются в рамках общих правовых отношений. Для возникновения общих правоотношений, как известно, не требуется каких-либо конкретных юридических фактов, кроме самого закона, устанавливающего уголовно-правовой запрет на определенное социальное поведение [13].

Следовательно, позитивная уголовная ответственность реализуется в рамках общих правоотношений (без применения санкции уголовного закона).

Субъектами общих правоотношений являются все физические лица, подпадающие под уголовно-правовую юрисдикцию закона. Однако те физические лица, которые нарушили уголовно-правовой запрет, то есть совершили преступление, не могут быть субъектами общих уголовно-правовых отношений. В связи с этим их правовой статус определяется конкретными уголовно-правовыми правоотношениями, возникающими в связи с применением к ним санкций, выполняющих функцию обеспечения уголовно-правового запрета.

Как известно, общие уголовно-правовые отношения выполняют регулятивную функцию, непосредственно свя-

занную с уголовно-правовым запретом, путем угрозы наказанием, без применения присущей ему санкции. Подкрепляя таким образом уголовно-правовой запрет, уголовный закон создает юридические предпосылки для предупреждения преступлений.

Выполнение уголовно-правового запрета и органически связанной с ним позитивной уголовной ответственности регулятивной функции осуществляется до тех пор, пока поведение правосубъектных лиц остается правомерным, законопослушным [14].

Отсюда следует, что индивидуально-определенная связь лица и закона заключается главным образом в негативном поведении лица, а общепредупредительная функция наказания трансформируется в охранительную уголовно-правовую функцию, в рамках которой осуществляется реализация уголовного наказания. С момента разрыва общих уголовно-правовых отношений, например в результате нарушения уголовно-правового запрета, исчезает и позитивная уголовная ответственность, которая была обратной связью правосубъектного лица с уголовным законом. Значит, позитивная уголовная ответственность есть психолого-социальная связь правосубъектного лица, выраженная в его положительном отношении к требованиям уголовно-правового запрета, подкрепленная угрозой наказания [15].

Позитивная уголовная ответственность заключается в правильной оценке, с одной стороны, требований уголовно-правового запрета, с другой стороны, реальности угрозы наказанием. В связи с этим содержанием уголовной ответственности являет-

ся осознание правосубъектным лицом необходимости лишь такого социального поведения, которое обусловлено уголовно-правовым запретом, или признание лицом неизбежности такого поведения в силу реальной угрозы наказания.

Итак, можно сделать вывод о том, что позитивная уголовная ответственность может иметь несколько уровней, каждый из которых обусловлен и тесным образом связан с уровнем общественного правового сознания: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень позитивной юридической ответственности основан на духовно-нравственных ценностях, обусловлен соответствующей культурой, образованностью. Как правило, люди с высоким уровнем юридической ответственности не совершают умышленных преступлений в силу личных убеждений о ничтожности такого поступка [16].

Позитивный аспект уголовной ответственности имеет своим предметом правомерное поведение личности, хотя юридическая наука долгое время ограничивала сферу своего внимания только познанием механизма девиантного поведения [17]. Между тем без научного осмысления правомерного типа поведения невозможно плодотворное исследование проблем уголовной ответственности и наказания.

Литература

1. *Лейст О.С.* Санкции и ответственность по советскому праву. — М.: 1981. — С. 102.
2. *Шаргородский М.Д.* Детерминизм и ответственность // Правоведение. — 1968. — № 1. — С. 46.
3. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и её основания в советском уголовном праве. — М., 1963. — С. 24–25.
4. *Астемиров З.А.* Ответственность по советскому праву // Сов. юстиция. — 1971. — № 24. — С. 30.
5. *Астемиров З.А.* Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. — Махачкала, 1997. — С. 58–59.
6. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982. — С. 231.
7. *Матузов Н.И.* Правовая система, личность. — Саратов, 1987. — С. 26.
8. *Елеонский В.А.* Поощрительные нормы уголовного права. — Хабаровск, 1984. — С. 22.
9. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1896. — С. 124.
10. *Полубинская С.В.* Цели уголовного наказания. — М., 1990. — Гл. 2.
11. *Астемиров З.А.* Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. — Махачкала, 1978. — С. 86.
12. *Филимонов В.Д.* криминологические основы уголовного права. — Томск, 1981. — С. 6–7.
13. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. — Саратов, 1979. — С. 10.
14. *Кучинский В.А.* Личность. Свобода. Право. — М., 1978. — С. 142–143.
15. *Датий А.В., Бовин Б.Г.* Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 23–29.
16. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 126–133.
17. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО ХУЛИГАНСТВА И ЭКСТРЕМИЗМА

Н. Н. Кемова

Аннотация: статья посвящена отграничению уголовно наказуемого хулиганства от экстремизма. С учетом анализа данных преступлений автором рассматриваются содержание категорий «хулиганство», «мотив», «поступок», «экстремизм», «публичная направленность».

Ключевые слова: хулиганство, хулиганское побуждение, экстремизм, мотив, поступок, публичная направленность.

Summary: the article distinguishes the notions of criminally punishable hooliganism and extremism. The analysis of these crimes makes it possible for the author to consider the nature of such categories as «hooliganism», «motive», «act», «extremism», «public orientation».

Keywords: hooliganism, hooligan incentive, extremism, motive, act, public orientation.

С включением в ч. 1 ст. 213 УК РФ пункта «б» — совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной либо религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, появились серьезные проблемы в квалификации хулиганства, а именно в разграничении хулиганства и экстремизма, хулиганства и вандализма по тем же признакам, а также хулиганства по указанному признаку и причинения вреда здоровью человека различной степени тяжести или соверше-

нием убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Характерно, что совершение хулиганства по мотиву вражды и ненависти рассматривается законодателем как одна из форм экстремизма (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ). Преступления экстремистской направленности законодатель не вполне обоснованно поместил в гл. 29 УК РФ, сразу после ст. 279 «Вооруженный мятеж».

Подобный подход имел место в первых актах Советской власти по отношению к хулиганству [1]. Но далее уголовно-правовое закрепление его признаков и практика борьбы с ним вполне отражали особенности репрессивной политики вплоть до поэтапной декриминализации хулиганства в новой России, прежде всего путем включения признаков хулиганских деяний в иные составы преступлений [2].

Во многом эти изменения отражали непонимание законодателем сущности хулиганства как одной из крайних форм субкультурного конфликта. Так происходит при столкновении фанатов конкурирующих спортивных клубов, при попытке проведения поблизости массовых акций конкурирующих общин, например ежегодного марша протестантов-оранжистов через католические кварталы Ольстера в память о ста-

ринном сражении и т. п. Умышленное создание и эскалация подобного конфликта являются хулиганским или экстремистским проявлением в зависимости от целей субъекта правонарушения.

Количество субкультурных объединений антиобщественной направленности крайне мало, большинство их членов предпочитают действовать, не нарушая рамок закона, ограничиваясь потреблением пива и внешним эпатажем. В некоторых случаях могут совершаться ситуативные или подготовленные хулиганские деяния.

В теории уголовного права существует точка зрения, согласно которой целью совершения данных деяний является причинение вреда конкретным лицам по причине национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, то есть имеет место хулиганство, совершенное при наличии отягчающих наказаний обстоятельств, предусмотренных п. «е» ст. 63 УК РФ, либо речь идет о совершении квалифицированного преступления, если названный признак предусмотрен в качестве квалифицирующего статьей Особенной части УК РФ, например пп. «д» и «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ [3].

Хулиган, как и вандал, посягает на отдельные права и свободы условно определенной группы лиц, представляющих общество. В связи с этим было отмечено, что хулиганству присущи публичная направленность действий и заведомая публичность их вредных для общества последствий [4]. Иной подход предполагал бы наличие обязательного дополнительного объекта посягательства: здоровья, чести и достоинства определенных граждан, режима работы организаций, благоустройства

поселений и т. п. Покой людей, неприкосновенность личности, здоровье человека и (или) собственность выступают как альтернативно-дополнительные объекты, на один из которых посягает хулиган.

УК РФ рассматривает хулиганство как преступление, направленное именно против общественной безопасности, которая служит дополнительным объектом по отношению к грубому нарушению общественного порядка и выражению явного неуважения к обществу.

Публичная направленность присуща также экстремизму. Но в первом случае имеет место ограничение возможности свободного осуществления прав, а во втором — нарушение прав одних лиц для устрашения всех остальных. Игнорирование данного факта законодателем предвещает сложную судьбу и нормам об экстремизме. Так, уже высказываются предложения о расширении перечня экстремистских деяний, например за счет деяний террористической направленности [5].

В современной научной литературе экстремизм в его широком значении определяется как идеология, предусматривающая принудительное расширение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление. Экстремизм при этом наделяется следующими признаками:

- отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, конфессиональных и др.);

- попытки идеологического обоснования применения насилия по отношению не только к активным противникам, но и к любым лицам, не разделяющим убеждений экстремистов;

– апелляция к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претензии на их «истинное» толкование или «углубление» и в то же время фактическое отрицание многих основных положений этих учений;

– доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, обращение к чувствам и предрассудкам людей, а не к их разуму;

– создание харизматического образа лидеров экстремистских движений, стремление представить их непогрешимыми, а все их распоряжения — не подлежащими обсуждению.

Все эти признаки не только имеют место, но и в большинстве случаев тесно взаимодействуют между собой, вытекают один из другого, имеют неразрывную внутреннюю связь. Большинство из них присущи любому экстремистскому движению: от религиозных сект до профашистских организаций [6].

Для отграничения хулиганства от экстремизма надлежит установить мотив и цель посягательства. Уголовное законодательство не связывает определение хулиганства с наличием какого-либо мотива. Но безмотивных деяний не существует, поведение человека всегда мотивированно, целенаправленно и является следствием изъявления воли, то есть поступка. Бессмысленность хулиганских актов, ничтожность (полное отсутствие) повода к их совершению приводят к тому, что в обвинительных заключениях и приговорах судов действия виновного иногда именуется безмотивными или бесцельными. По мнению Б. Волженкина, такие утверждения неверны [7].

Внутренняя побудительная сила, толкающая к хулиганским действиям, может сводиться не к одному какому-либо мотиву, а к множеству, гамме мотивов, называемых в уголовном праве хулиганскими побуждениями и выступающих в каждом случае либо раздельно, либо в определенном сочетании, в совокупности с иными побуждениями (корыстью, ревностью, местью, завистью). Хулиганский мотив многолик, как и стремление утвердить свое гипертрофированное «Я» за счет окружающих лиц.

Иная ситуация — при совершении преступлений экстремистской направленности, целью которых всегда является преследование (травля) групп населения, воспрепятствование свободному развитию данных социальных групп или общин, в том числе путем совершения посягательств «через одного на многих». В последнем случае обязательным дополнительным объектом выступают не только честь и достоинство личности, здоровье и жизнь, ответственность, но и иные права граждан (на труд, свободу передвижения, пенсионное обеспечение). Это нехарактерно для хулиганства.

В отличие от хулиганов, посягающих на права и покой случайных лиц (реже — на членов конкурирующей группировки), экстремисты посягают на права и свободы представителей определенной национальной, этнической, религиозной, социальной группы. Это посягательство совершается путем: насаждения идеологически окрашенной негативной информации (клеветы, оскорблений); демонстративного посягательства на ценные для представителей данных групп овеществленные объ-

екты (храмы, места захоронений, памятники культуры и др.), а также имущество членов группы; в) демонстративного применения насилия и (или) угрозы его применения в отношении членов данных групп, их терроризирования [3].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы о разграничении хулиганства и экстремизма:

1. Различия посягательств заключаются не в мотивах, а в целях действий субъекта. Для хулигана целью является демонстрация своей исключительности, для экстремиста — подавление, ограничение чужой групповой особенности и самобытности.

2. Экстремистские посягательства могут быть совершены только указанными в законе способами. Если при этом совершаются и иные деяния, то имеет место идеальная совокупность преступления экстремистской направленности и иного преступления, совершаемого при наличии признаков, предусмотренных п. «е» ст. 63 УК РФ.

Данные разграничения носят, скорее, теоретическое значение, чем практическое. В правоприменительной деятельности можно посоветовать квалифицировать деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по самостоятельным составам преступлений, в зависимости от выполняемых действий и наступивших последствий.

Например, п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных

из хулиганских побуждений» предлагает причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести или совершение убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы при отсутствии иных признаков преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, квалифицировать по соответствующим статьям, частям и пунктам Уголовного кодекса РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности (например, по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ). Остается непонятным, для чего необходимо указание в п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ на экстремистский мотив, когда Верховный Суд РФ все равно предлагает квалификацию по преступлениям против личности, а разграничение со ст. 282.1 и 282.2. УК РФ весьма поверхностное. Достаточно тяжело в правоприменительной деятельности будет провести грань в целях действий субъектов преступлений, а именно: демонстрации своей исключительности при хулиганстве и подавления, ограничения чужой групповой особенности и самобытности при экстремизме.

В связи с принятыми 8 декабря 2003 г. поправками в УК РФ конструкция состава и юридическая природа данного деяния претерпели существенные изменения, что, по нашему мнению, должно найти свое отражение в тексте нормы-дефиниции ст. 282.1 УК РФ. Предлагаем исключить из перечня преступлений экстремистской направленности в ст. 282.1 УК РФ указание на ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство» путем исключения п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Литература

1. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии: сб. док. 1917–1922. — М., 1958. — С. 78–79.

2. Колоколов Н.А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Рос. следователь. — 2004. — № 11. — С. 23–24; Иванцова Н. Перспектива хулиганства — его декриминализация // Законность. — 2004. — № 11. — С. 40–42; Мачинский В. Зачем декриминализовали хулиганство? // Законность. — 2004. — № 6. — С. 32 и др.

3. Ростокинский А.В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма // Рос. следователь. — 2007. — № 7. — С. 24.

4. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхивадзе В.М. Курс советского уголовного права: Особенная часть. — М., 1959. — Т. 2. — С. 313; Кузнецов А.В. Хулиганство и борьба с ним. — М., 1962. — С. 26–27;

Советское уголовное право: Особенная часть / под ред. В.А. Владимирова. — М., 1979. — С. 463–464.

5. Павлинов А.В. Насильственный экстремизм. — М., 2004. — С. 17–18; Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологические аспекты. — Ростов н/Д, 2004. С. 48–49, 142; Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. — СПб., 2006. — С. 152–153.

6. Мартыненко Б. Политический терроризм: Понятие, признаки, классификация // Северо-Кавказский юридический вестник. — 1999. — № 7. — С. 66–74.

7. Волженкин Б. Отграничение хулиганства от преступлений против личности // Соц. законность. — 1973. — № 10. — С. 59.

«ТРАВМАТИКА»: ОРУЖИЕ ЗАЩИТЫ ИЛИ НАПАДЕНИЯ?

В. И. Акимочкин, Е. Е. Неверова

Аннотация: статья посвящена проблемным вопросам, связанным с применением огнестрельного оружия ограниченного поражения (травматического оружия) в качестве гражданского оружия самообороны, а также превышению пределов необходимой обороны, связанному с применением данного оружия.

Ключевые слова: травматическое оружие, необходимая оборона, оружие защиты, критерии правомерности, превышение пределов необходимой обороны, самозащита, огнестрельное оружие, посягательство, мнимая оборона.

Summary: this article is dedicated to the problem questions, connected with use of traumatic arms as civil defense arm, as well as excess of necessary defense, connected with use of this arm.

Keywords: non-lethal weapon, necessary defence, protection weapon, criteria of legality, exceeding the limits of necessary defense, self-defense, fire-arms, encroachment, illusory defense.

Согласно последним данным опроса взрослого трудоспособного населения нашей страны, в частности г. Москвы, каждый пятый имеет огнестрельное оружие ограниченного поражения (травматическое оружие), именуемое в народе «травматикой».

Чем же вызвана такая ситуация? Опрос показал, что ношение «травматики» вызвано по большей части неуверенностью в собственной безопасности на улицах города, отсутствием чувства защищенности и боязнью за жизнь, здоровье и имущество — свои и

своих близких людей, недоверием к существующей судебной системе и правоохранительным органам.

Казалось бы, что может быть проще, чем самому защитить себя и близких в случае преступного посягательства?

Статья 37 УК РФ «Необходимая оборона» четко регламентирует, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Увы, на практике чаще всего лицо, обороняющееся в силу различных обстоятельств, становится обвиняемым, а нападающий — потерпевшим.

Судебная практика последних лет по уголовным делам, в которых фигурирует «травматика», весьма неутешительна. Громкие уголовные дела (убийство болельщика «Спартака» Егора Свиридова, дело московской студентки Александры Лотковой) свидетельствуют о том, что травматическое оружие — это оружие не защиты, а нападения, неоспоримый аргумент в любом споре и «козырной туз» в руках агрессора.

20 марта 2013 г. Тверской суд г. Москвы приговорил 21-летнюю студентку Александру Лоткову к трем годам лишения свободы, квалифицировав ее действия по ч. 1 ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Напомним, что девушка была задержана после стрельбы из

травматического пистолета в вестибюле станции метро «Цветной бульвар» 26 мая 2012 г. После того как словесная перепалка между двумя компаниями подвыпивших молодых людей переросла в драку, девушка начала стрелять из травматического пистолета.

Из материалов уголовного дела: «Лоткова умышленно применила в отношении потерпевших огнестрельное оружие, произведя три выстрела на поражение, из которых все три достигли цели. При этом первый выстрел был произведен Лотковой в сторону Ивана Белоусова с расстояния вытянутой руки, практически в упор, без какого-либо предупреждения, предварительных, предупреждающих выстрелов и оснований для его произведения. Второй выстрел был произведен также умышленно в потерпевшего Ибрагима Курбанова без каких-либо достаточных оснований для этого, третий выстрел достиг своей цели в лежащего на полу платформы, уже к тому времени раненого Белоусова, не представляющего ни для кого никакой угрозы, более того, в присутствии сотрудника полиции». В итоге Тверской суд города Москвы пришел к выводу, что действия обвиняемой носили яркий антиобщественный и дерзкий характер.

Как утверждала на суде Лоткова, она действовала в рамках необходимой обороны. Но, как известно, для того, чтобы признать конкретное действие совершенным в состоянии необходимой обороны, должны быть соблюдены определенные критерии, относящиеся как к посягательству, так и к защите.

К условиям, характеризующим посягательство, относят: 1) общественную опасность посягательства; 2) на-

личие посягательства; 3) действительность посягательства.

В качестве условий, характеризующих защиту от общественно опасного посягательства, выделяют следующие: 1) допускается защита не только собственных интересов обороняющегося, но и интересов других лиц, а также интересов общества и государства; 2) защита осуществляется путем причинения вреда только посягающему лицу; 3) защита не должна превышать пределов необходимой обороны.

Из показаний свидетелей ясно, что Лоткова действовала явно с превышением пределов необходимой обороны. Как прокомментировала свое поведение Лоткова, «я стреляла просто в кучу дерущихся». Всего она произвела три выстрела: один в Ибрагима Курбанова (который отделался травмами небольшой тяжести), а два — в Ивана Белоусова, которому повезло меньше. Первым выстрелом она пробила потерпевшему (по ее словам — нападавшему) легкое, второй раз она выстрелила в уже лежащего на полу человека. В этой ситуации ни о какой необходимой обороне не может быть и речи. В момент выстрела нападающий уже не представлял для девушки опасности, то есть имела место оборона против уже закончившегося посягательства. Можно сделать вывод о том, что ее действия явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства.

Многие из тех, кто пользуется травматическим оружием в целях самозащиты, не видят тонкую грань между необходимой обороной и превышением ее пределов. Александра Лоткова ошибочно полагала, что поступает право-

мерно и действует в рамках закона. И это далеко не единственный случай, когда лицо становится жертвой своего же заблуждения. Если человек берет в руки оружие, он просто обязан пройти необходимое обучение и досконально изучить вопрос о том, как нужно поступать в той или иной ситуации, а что делать категорически нельзя, опираясь на нормы права о необходимой обороне и судебную практику. В ситуации Лотковой речь, возможно, идет о банальной незнании законов.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные люди. Девушка же открыла стрельбу в вестибюле станции метро. Видеозапись с места происшествия свидетельствует о том, что в момент стрельбы на станции было достаточно многолюдно. Следовательно, действия Лотковой представляли опасность для окружающих.

Кроме того, в Законе «О полиции» четко регламентируется, что о каждом факте применения огнестрельного оружия сотрудник полиции должен сообщить своему начальству либо в ближайший отдел внутренних дел и в течение 24 часов представить соответствующий рапорт. Применяя оружие, сотрудник полиции должен стремиться к минимизации возможного ущерба от его применения. Если при задержании лицо было ранено, он должен оказать пострадавшему помощь, в кратчайший срок известить его родных и не позднее чем через 24 часа известить о случившемся прокурора.

Конечно, рядовой гражданин — не сотрудник полиции и может не знать, как себя вести в той или иной ситуации, но только до тех пор, пока он не взял в руки оружие. Правила поведения в ситуации, подобной случившейся, должны быть едины для всех. Значит, вне зависимости от причин, по которым гражданин был вынужден применить оружие, после случившегося он обязан обратиться в ближайшее отделение внутренних дел и оказать первую помощь пострадавшему, как минимум, вызвать скорую помощь.

Александра Лоткова (кстати, студентка юридического факультета) также должна была заявить в полицию о случившемся в этот же день, однако либо по незнанию, либо умышленно этого не сделала.

В соответствии с Законом РФ «Об оружии» огнестрельное оружие ограниченного поражения относится к оружию самообороны, но любое огнестрельное оружие по определению — это оружие, предназначенное для поражения живой или иной цели на расстоянии, исторически использовавшееся военными для поражения живой силы противника.

Пистолет, револьвер, огнестрельное бесствольное устройство отечественного производства (например, ОСА) — источник повышенной опасности как для лица, держащего данное оружие при себе, так и для лиц, находящихся от него в непосредственной близости.

Огнестрельное оружие — сложное техническое устройство, требующее от лица, его применяющего, определенных навыков и умений. К тому же лицо, обладающее таким оружием, должно быть наделено исключитель-

ными личностными качествами, такими как уравновешенность, неконфликтность, устойчивость психики и стремление к разрешению любых спорных и конфликтных ситуаций мирным путем.

По статистике, за последние 5 лет зарегистрировано 1500 случаев использования травматического оружия, из которых в 600 случаях был причинен тяжкий вред здоровью, а 60 человек были убиты. Так как данное оружие способно причинить тяжкий вред здоровью и даже смерть, нужно осознавать, что каждый, кто носит огнестрельное (в том числе травматическое) оружие, — потенциальный убийца.

Рядовой россиянин, неконфликтный человек с устойчивой психикой в большинстве случаев предпочтет уклониться от нападения, избежать конфликта или разрешить его мирным путем, чем вступить в вооруженную борьбу.

Даже сотрудники силовых структур и правоохранительных органов стремятся не применять служебное оружие без крайней на то необходимости, а это профессионалы, прошедшие специальную подготовку, в том числе психологическую, и нередко принимавшие участие в боевых действиях, понимающие цену человеческой жизни и ответственность в случае наступления возможных последствий от применения оружия.

По нашему мнению, применение оружия в какой бы то ни было ситуации должно рассматриваться как самая крайняя мера, только в обстановке неминуемой опасности для жизни и здоровья.

Гражданин, носящий оружие, как правило, вспыльчив, нетерпелив и агрессивен настроен по отношению к окружающим. Кроме того, часто ору-

жие приобретают люди закомплексованные, обидчивые с целью отомстить конкретному человеку. Нельзя не упомянуть и о людях с криминальными наклонностями, приобретающих оружие с целью совершения противоправных действий.

По данным МВД РФ, 70% приобретающих гражданское оружие самообороны — это молодые люди в возрасте до 25 лет, чаще всего самоуверенные, с незрелой психикой, не осознающие степень той ответственности, которая ложится на человека с оружием. Отсутствие должного воспитания, юридическая безграмотность (а нередко — правовой нигилизм), а также отсутствие элементарных знаний о последствиях применения травматического оружия для жизни и здоровья человека составляют портрет среднестатистического покупателя «травматики». Цель покупки тоже, как правило, далека от обороны: для водителей — показать, кто главный на дороге, для других — произвести впечатление на друзей и знакомых.

Психологи говорят, что нередко случается, когда человек, получивший в руки оружие, сам осознанно или бессознательно ищет возможность применить («попробовать в деле») свое приобретение, часто провоцируя возникновение конфликтных ситуаций. Наличие у таких людей огнестрельного оружия (пусть и травматического) несет угрозу жизни и здоровью лиц, находящихся в непосредственной близости от них.

Сколько таких потенциальных стрелков каждый день встречаются нам в общественном транспорте, на дороге, в магазинах, кафе и просто на улице?

Таким образом, разрешая использование огнестрельного оружия для са-

мообороны, мы получаем общество вооруженных «для защиты» людей, готовых броситься с кулаками (и пистолетом) на каждого, кто, как им представляется, посягнет на права и свободы: его собственные и его близких.

Говоря о защите от посягательства, нельзя не упомянуть о защите от несущего посягательства, то есть о мнимой обороне — защите от посягательства, существующего только в воображении обороняющегося. Наличие оружия у любой из сторон в данной ситуации способно привести к страшным и непредсказуемым последствиям.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что свободное ношение любого огнестрельного оружия (включая травматическое) в условиях современного российского общества должно быть строго ограничено.

Для того чтобы минимизировать риски, связанные с появлением большого количества вооруженных людей на улицах, необходимо усложнить процедуру приобретения оружия гражданскими лицами, оставив приоритетное право на ношение оружия только тем, кому оно необходимо для осуществления профессиональной деятельности: сотрудникам силовых структур, правоохранительных органов, частных охранных предприятий, то есть лицам, прошедшим специальное обучение и осознающим последствия применения оружия, в том числе правовые.

Сегодня каждый, у кого есть оружие (включая травматическое), сам определяет, в какой ситуации и как его применять. Для того чтобы в будущем не возникло ситуаций, подобных делу Александры Лотковой, необходимо законодательно закрепить обязанность каж-

дого желающего приобрести оружие, окончить специализированные курсы. Теоретическая часть такого курса должна включать в себя изучение положений о необходимой обороне, ее критериях правомерности и ответственности за превышение ее пределов; рассмотрение примеров из судебной практики; лекцию по судебной медицине о

последствиях применения оружия (особенно травматического) для человеческого организма. По нашему мнению, эта мера позволила бы снизить количество случаев со смертельным исходом и причинением тяжкого вреда здоровью, связанных с применением травматического оружия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology.

Associate editors:

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

АКИМОЧКИН

Владимир Иванович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского Государственного Лингвистического Университета (9230194@rambler.ru).

АЛЕКСАНДРОВА

Наталья Павловна — доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского научно-практического центра медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины департамента здравоохранения (anatalyp@yandex.ru).

АНДРИАНОВ

Михаил Семенович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ (andrianov@nextmail.ru).

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Проректор по учебно-методической и научной работе Высшей школы психологии РАН (bogdanov48@mail).

ВОРОНИН

Роман Михайлович — доктор медицинских наук, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России (rmvonronin@mail.ru).

ГАЛУШКИН

Петр Андреевич — аспирант кафедры психологии Столичной финансово-гуманитарной академии (galu@li.ru).

ГАМИДОВ

Давид Вагитович — адъюнкт факультета

подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (dianavaz@mail.ru).

ГОРБАНЬ

Дмитрий Владимирович — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (dimas8807@mail.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, профессор Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П.Павлова (4590056av@mail.ru).

ЗАВАРЦЕВА

Марина Михайловна — научный сотрудник лаборатории психологии труда факультета психологии Московского Государственного Университета им. М.В.Ломоносова (lomonosov@lomonosovmsu.ru).

КЕМОВА

Наталья Николаевна — старший лаборант кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России (natalyakoluntaeva@mail.ru).

КИСЕЛЕВ

Александр Михайлович — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры организации режима и надзора в УИС Академии ФСИН России (kamkis@bk.ru).

КУЗНЕЦОВА

Альбина Степановна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры пениitenciарной медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова (as.kuznetsova@mail.ru).

МАЛЬЦЕВА

Татьяна Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры пе-

дагогике и психологии Московского областного филиала Московского университета МВД России (mtv-psy@mail.ru).

НЕВЕРОВА

Елизавета Евгеньевна — соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского Государственного Лингвистического Университета (elneverova@bk.ru).

ПЛОТКИН

Дмитрий Матвеевич — кандидат юридических наук, старший советник юстиции старший помощник прокурора Рязанской области (plotkindm@yandex.ru).

ПОЛЯНИН

Николай Александрович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (pan80bk@mail.ru).

СЕЛИВАНОВ

Борис Сергеевич — кандидат медицинских наук, ответственный секретарь журнала «Пенитенциарная система: наука и практика», (borisselivanov@yandex.ru).

СОСНИН

Вячеслав Александрович — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва (sosnirus@rambler.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

СУЧКОВА

Елизавета Львовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организации психологической службы в УИС Вологодского института права и экономики ФСИН России (elizavetasuchkova@yandex.ru).

СУХОВА

Елена Викторовна — доктор медицинских наук, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры "экология и безопасность жизнедеятельности" Самарского государственного экономического университета (sukhova12@yandex.ru).

СХОПЧИК

Ольга Эдуардовна — преподаватель кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь (olga-sh08@list.ru).

ТЕМИРХАНОВ

Максим Акимович — адъюнкт ФПНПК Академии права и управления ФСИН России (temirhanov.80@mail.ru).

ШАТАЛОВ

Юрий Николаевич — ответственный секретарь журнала «Здравоохранение: образование, наука и практика» (shrike62@yandex.ru).

ЩЕЛКУШКИНА

Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России (K20092008@yandex.ru).

ЯКОВЛЕВА

Наталья Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, декан факультета клинической психологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Минздравсоцразвития России» (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

OUR AUTHORS

AKIMOVICH V. I. — PhD, Associate Professor, associate Professor of Criminal Law at Moscow State Linguistic University (9230194@rambler.ru).

ALEXANDROVA N. P. — Sc.D., professor, leading researcher of the Moscow Scientific and Practical Center of Medical Rehabilitation, rehabilitation and sports medicine department of health (anatalyp@yandex.ru).

ANDRIANOV M. S. — Ph.D., senior researcher dressed psychological support prosecutorial activities Research Institute of the Academy of the General Prosecutor's Office (andrianov@nextmail.ru).

BOGDANOV E. N. — Doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of Russia. Vice-Rector for Teaching and Research and Graduate School of Psychology RAS (bogdanov48@mail).

VORONIN R. M. — MD, professor of criminology and crime prevention organizations the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (rmvoronin@mail.ru).

GALUSHKIN P. A. — graduate student of psychology Capital Financial Humanitarian Academy (galu@li.ru).

HAMIDOV D. V. — adjunct faculty training of the teaching staff of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (dianavaz@mail.ru).

GORBAN D. V. — adjunct faculty training of the teaching staff of the Academy of Law and Management of the Fed-

eral Penal Service of Russia (dimas8807@mail.ru).

DATYI A. V. — MD, professor of Ryazan State Medical University I.P. Pavlov (4590056av@mail.ru).

ZAVARTSEVA M. M. — Researcher, Laboratory work psychology department of psychology at Moscow State University (lomonosov@lomonosov-msu.ru).

KEMOVA N. N. — senior laboratory assistant fire training the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (natyakoluntaeva@mail.ru).

KISELEV A. M. — doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of organization and supervision regime in prisons the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (kamkis@bk.ru).

KUZNETSOVA A. S. — PhD, Associate Professor, Department of Penitentiary Medicine, Moscow State Medical and Dental University A.I. Evdokimov (as.kuznetsova@mail.ru).

MALTSEVA T. V. — candidate of psychology, the assistant professor of the Chair of Pedagogy and Psychology of the Moscow regional branch of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia.

NEVEROVA E. E. — Competitor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Linguistic University (eln-everova@bk.ru).

PLOTKIN D. M. — PhD, Senior Counsellor of Justice Senior Assistant Attorney Ryazan region (plotkindm@yandex.ru).

POLYANIN N. A. — Ph.D., associate professor, assistant professor of legal psychology and pedagogy of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (pan80bk@mail.ru).

SELIVANOV B. S. — PhD, executive secretary of the magazine "The penal system : Science and Practice", (borisse-livanov@yandex.ru).

SOCHIVKO D. V. — Doctor of Psychology, Professor, Department of General Psychology of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (sochivo@mail.ru).

SOSNIN V. A. — PhD, assistant professor, leading research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow (sosnintrus@rambler.ru).

SUCHKOVA E. L. — Ph.D., associate professor, assistant professor of organization of psychological services in prisons Vologda Institute of Law and Economics, Russian Federal Penitentiary Service (elizavetasuchkova@yandex.ru).

SUHOVA E. V. — MD, Professor, Doctor of Psychology, professor of "Ecology and Life" Samara State Economic University (sukhova12@yandex.ru).

SKHOPCHYK O. E. — lecturer for Chair of Psychology and Pedagogy for Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (olga-sh08@list.ru).

TEMIRKHANOV M. A. — associate FPNPK the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (temirhanov.80@mail.ru).

SHATALOV Y. N. — executive Secretary of the journal "Health education, science and practice" (shrike62@yandex.ru).

SCHELKUSHKINA E. A. — Ph.D., Lecturer, Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (K20092008@yandex.ru).

YAKOVLEVA N. V. — Ph.D., Associate Professor, Dean of the Faculty of Clinical Psychology HPE "Ryazan State Medical University named after IP Pavlova Ministry of Russia" (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

Methodology and theory of legal psychology	
Communication with the legal position of discursive psychology. Andrianov M. S.	8
Credibility: New Perspectives multidisciplinary research. Zavartseva M. M.	14
Emotional self-control and personal factors of resistance to stress. Alexandrova N. P., Bogdanov E. N.	22
Problem psihopatizatsii person sentenced to imprisonment. Sochivko D. V., Bourtsev A. O.	30
Applied and experimental studies	
On the psychological readiness of employees and units of the penitentiary system to act in extreme situations. Kiselev A. M.	42
Features individual models adolescent health, prone to antisocial behavior. Yakovleva N. V.	46
Features moral and legal notions convicted. Suchkova E. L.	55
The content of social and legal expectations of minors with different types of justice. Skhopchyk O. E.	62
Psychopractices	
Points of view overcoming intrapersonal conflicts among police officers. Maltseva T. V.	72
The concept of «coping strategies» and an example of asocial coping strategies. Suhova E. V.	76
To help the manager	
The Model of Selfrealization of Physically Challenged People. Galushkin P. A.	84
Some problematic issues delaying punishment of drug addicts (penal aspect). Hamidov D. V.	92
To help the researcher-practitioner	
Culprit: the behavior and personality (investigator notes). Plotkin D. M.	96
Characteristics of HIV-infected persons sentenced to imprisonment (based on a special census in 2009). Datyi A. V.	100
Open conditions serving a sentence of imprisonment in the reform institute convicted residence outside the detention facility. Gorban D. V.	108
Clinical psychologist of practice	
Clinical psychologist of practice. Kuznetsova A. S., Polyaniin N. A.	111
Main areas of medical psychology in correctional institutions. Voronin R. M.	112

Academic life

- Actual problems of modern psychology penal. **Schelkushkina E. A.** 118
- Issue of «The penitentiary system: Science and Practice». **Selivanov B. S.** 119
- Journal «Health: education, science and practice». **Shatalov Y. N.** 121
- Congratulations on the 75th anniversary of Boris Georgievich Bovin! 123

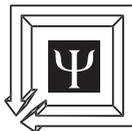
Social psychology and standard of living

- The experience of Israel in counteraction for terrorism: operative and psychological aspects. **Sosnin V. A.** 125

Dura lex sed lex

- Positive criminal penalties and problems of its realization. **Temirkhanov M. A.** 140
- Delineation of a criminal offense of hooliganism and extremism. **Kemova N. N.** 145
- «Travmatik»: a weapon of defense or attack? **Akimochkin V. I., Neverova E. E.** 149

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01— Педагогическая психология; 13.00.01— Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 7 1617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «**Прикладная юридическая психология**»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В. С. Маланьин

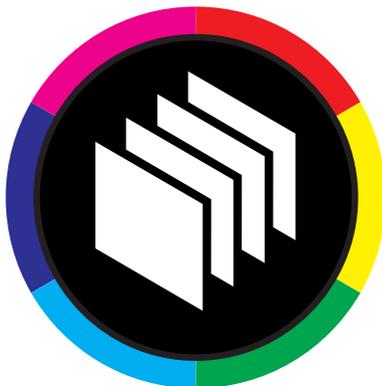
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 12.03.2014. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10,25

Тираж 1500 экз. Заказ № ...

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды